

Вольдемар Горх

**ТЕНИ
ПРОШЛОГО**

Кемерово
ООО «Фирма Полиграф»
2016

ББК 84Р6 (2Р-4 Кем)
Г67

*Текст даётся в авторской редакции
с сохранением авторской орфографии и пунктуации*

Горх В.

Г67 Тени прошлого : Повести и рассказы / Вольдемар Горх. –
Кемерово : ООО «Фирма ПОЛИГРАФ», 2016. – 312 с.

ISBN 978-5-906729-20-0

Знак информационной продукции 18+

Вольдемар Горх – член Союза российских писателей, Союза Кемеровских писателей, академик Петровской академии наук и искусств, известный прозаик и поэт, в основу своего нового сборника повестей и рассказов положил часть ранее изданной книги «Перекрёсток судеб», дополнив её новым содержанием. Читатель может вновь ознакомиться с кровавым походом завоевателя Чингисхана на Китай и Русь, жизнью Наполеона Бонапарта, с его попыткой завоевать Россию, с судьбами многих героев Отечества в период сталинских репрессий и в годы войны с фашистами.

ББК 84Р6 (2Р-4 Кем)

© В. Горх, 2016

© ООО «Фирма ПОЛИГРАФ», 2016

ISBN 978-5-906729-20-0

Книга — это инструмент насаждения мудрости.

Ян Амос Коменский

От автора

Который год собираюсь переиздать своё произведение «Перекрёсток судеб» не только для исправления редакторских ошибок, но и для расширения взаимосвязи прошлого с настоящим, которое представлено в новых повестях и рассказах, вошедших в данную книгу. И это время пришло.

Многие писатели современности и прошлых лет, скрупулёзно вникая в события, происходившие и происходящие в разных странах, создавали и создают замечательные политические фолианты. Честь и хвала им за их труды!

Задаю себе вопрос: «Может ли писатель быть вне политики?» Сам же и отвечаю на него: «Нет! Не может! Полнота политических взглядов героев произведений, их конкретика

зависят от глубины отражения действий во времени, в реальных ситуациях».

Римский император Марк Аврелий в своей книге «Наедине с собой» сделал замечательный вывод: «Если бы ты даже хотел этого, ты не можешь отделить свою жизнь от человечества. Ты живёшь в нём, им и для него. Мы все сотворены для взаимодействия, как ноги, рука, глаза». При осуществлении этого взаимодействия нет-нет да и напоздаёт туча прошлого.

Вспоминается древняя легенда об «адских» народах, которые Александр Македонский запер на окраине Азии. И когда они вырвались из своего ада — Тартара, то уже в 40-е годы XIII века ахнула Европа. Цивильная Европа и сегодня стонет от этого нашествия. Прошлое сомкнулось с настоящим! А бывший Халифат поставляет в страны Евросоюза всё больше и больше беженцев, которые начинают отвергать христианство, требовать от богатых европейцев такие же блага для себя.

Всё это напоминает мне покорение Рима варварами.

Дорогой мой читатель, оглянись вокруг, вникни в написанное, и ты поймёшь, что многое из древности, из прошлого повторяется сегодня: войны, невежество, страсть наживы, зверства, насилие, предательство, стремление власт-

воватъ. Но в то же время из прошлого мы унаследовали римское право, тактику походов Александра Македонского, французское право собственности от Наполеона, тайны египетских пирамид и др.

В своих произведениях я стараюсь перебросить мосток от прошлого к настоящему, не забывая, что существует любовь, преданность, вера.

Буду стократно награждён, если мой читатель шагает со мной рядом.

С уважением, Вольдемар Горх

Тэмуджин и Чингисхан

*Ужели каждый, кто велик,
Судьбой обласкан лишь на миг?
Ужель удел любой державы —
Бесславно пасть под грузом славы? <...>
Да, ибо жребий неизменный
Славнейших государств вселенной —
Терпеть плоды побед былых:
Избыток силы губит их.*

Бен Джонсон

Косолапо переставляя ноги, слегка пригнувшись, Чингисхан отбросил полог своей юрты и шагнул наружу. На белом фоне его юрты почти квадратная фигура издали казалась не имеющей головы. Нукеры-стражники, расположенные за частоколом ограждения, видели, как их Каган, сделав несколько шагов в сторону, остановился, вглядываясь в ночное звёздное небо с наплывшими северными тучами, которые постепенно закрыли от него остатки света.

— Как и моя жизнь, — пробормотал Чингисхан и, хмурясь, вернулся назад. Не снимая ичигов, прилёг на разостланный ковёр и задумался. Мысли прошлого кружили голову, и, чтобы как-то успокоить их бег, он решил уснуть. Сомкнул свои веки без ресниц и затих. Сон не шёл.

Встал, налил себе полную золотую пиалу айрана и двумя глотками выпил. Напиток горячил нутро, но не освобождал от тяжёлых мыслей.

— Неужели это мой конец? Конец славы и жизни повелителя мира? — вновь пробормотал он и устало опустился на больные ноги. Вздрагивающими руками начал гладить пышный ковёр, как когда-то гладил гриву своего любимого скакуна, то напрягая, то расслабляя мышцы рук. Постепенно руки устали, а огнём горящие от боли, ноги заставили его подняться с ковра и выйти наружу. Небо к этому времени закрылось чёрными тучами,

и только узенькая полоска светилась далёкими звёздочками.

— Это моё знамение! Это мой конец! — громоподобно взревел он и, выхватив свой ятаган, яростно начал рубить юрту.

Устав, обессилено упал на землю и затих. Сильные руки прибежавших нукеров бережно подняли своего Повелителя и тихонько перенесли в юрту к молодой жене Кулан-Хатун, которая была привезена ему с далёкого Алтая.

Проснулся утром от прикосновения к лицу тёплых женских рук.

Резко поднялся, хрустнув позвоночником, грубо отстранил цепляющуюся за него Кулан-Хатун и, не слыша плача маленького сына, ничего не замечая, полностью поглощённый своими мыслями, шагнул в новую, такую же, как и прежняя, юрту. Разоблачился и, надев шёлковый китайский халат, вытянулся во весь рост на ковре пола. Он не мог спать и трезво мыслить ни на подогреваемой лежанке, ни на мягких верблюжьих одеялах. Всё это мог он делать, по походной привычке, только на жёсткой ковровой подстилке. Возможно, так бы и успокоился его стареющий мозг, но инстинкт Вождя опять взметнул его мысли, направив в далёкое далёко.

— Кто были до меня ильханы и татары? — вслух начал рассуждать Великий хан. — Шайки враждующих между собой племён-скотоводов.

Кочуя по бескрайним степным просторам, нападали на таких же кочевников, убивая, грабя, забирая в плен. Вот и я, Тэмуджин от роду, в таком набеге на наше стойбище в четырнадцать лет попал в плен и три года работал в кандалах. Отца в той стычке убили, а мать, Олеун, из племени меркитов отдали какому-то скотоводу в жёны.

Именно здесь, в холоде и голоде, родилась у меня мечта объединить все эти племена татар, халахов, дунелян, ту, дауров, бурят, калмыков в единый, непобедимый народ под моим предводительством и завоевать весь известный мир.

Случай помог Тэмуджину бежать из плена, и он стал нукером одного из влиятельных родовых каганов. Бесстрашие, отвага, сила, хитрость в бою, жестокость к другим народам заставили многих говорить о нём с восхищением.

Однажды Тэмуджину приснился сон, что он Бог и с высоты небес, видя блуждающие племена, бросил им огонь своего сердца, и зажёл их ответные костры. Сон оказался пророческим. Через несколько лет Совет верховной знати феодалов, курултай, избрал его каганом, то есть главой народов. С этого момента назвали его Чингисханом (Великим ханом).

Не знающий грамоты, не умеющий читать и считающий только на пальцах, приступил Чингисхан к формированию своего надёжного окружения и преданных ему воинов. К своей испы-

танной в боях сотне «под рукой» добавил ещё сотню таких же. Повелел скакать во все рода кочевников с предложением полного подчинения ему, ведь ни одно племя, ни один народ не должен воевать друг против друга. Тех же, кто не согласен с этим, приказал пленить, а их ханов доставить к нему на суд.

Только через сто лун вернулись назад его посланцы с вестью о полном подчинении ему всех кочевников и их местных ханов. Тех же, кто не покорился, пригнали на суд.

На сборную площадь, находящуюся между юртами, повелел Чингисхан созвать народ и приказал отрубить всем непокорным головы, а непокорившихся ханов сварить в тридцати котлах. Кровь лилась рекой, и, почуяв этот запах, кони начали ржать и бить копытами, свирепо вращая глазами.

Покорённые кочевники, свидетели жестокости своего властелина, пали ниц, восхваляя его Величество.

Окинув взглядом покорённых, готовых по первому его приказу кинуться в бой, крикнул:

— Отныне все вы будете называться монголами! Монголы будут жить в роскоши и достатке! Не будет бедных! Мы завоюем весь мир и будем единственным народом-властелином на обширных просторах! Из завоёванных земель повезут нам ясак. У мужчин будет много жён, а они

нарожают много детей — будущих непобедимых воинов! Верьте мне и я выполню свои обещания!

Зрелый воин Чингисхан понимал, что для военных действий на чужой территории нужна совсем другая армия: обученная, вооружённая, одетая, сытая. Во всех предполагаемых к захвату государствах нужно иметь своих лазутчиков. Их должно быть много, и они должны знать языки разных народов, а для этого нужны толмачи-учителя!

Полетели гонцы во все края за толмачами. Потянулись караваны купцов за толмачами. Большие деньги, много золота потратил Чингисхан на эти цели, но своего добился. Уже через год начали к нему поступать от лазутчиков сведения о численности войск соседей, вооружении, о действиях их князей.

За свои пятьдесят лет видел Чингисхан в бою действия многих своих врагов. Оттуда он осознал, что для войны нужны обученные воины, бесстрашные и сильные. Но для обучения нужны опытные военачальники, видевшие кровь и смерть. Нужны не только монголы, но и чужестранцы. И опять полетели во все концы гонцы. Заспешили торговцы в чужие страны не только для того, чтобы продать товары, но и чтобы привезти наёмников. К концу года и эту задачу сумел он решить.

Предполагая, что придётся воевать на разной местности: в горах, лесах, на равнине — и

штурмовать крепости, Чингисхан определил несколько мест обучения. Основной лагерь разместил на нагорье Хангай. Сама природа помогла ему: плоская вершина, сухие пески, таёжные леса с севера.

Для обучения по преодолению водных преград определил озеро Хара-Увс-Нуур с островом Ак-Баши и впадающей рекой Кобда.

Для тренировок по взятию городских крепостей за год построили на нагорье Хэнтэй ряд крепостей в натуральную величину, с рвами и подъёмными мостами.

С целью лучшей управляемости войсками все были поделены на тысячи, сотни и десятки. Чингисхан лично назначал тысячников, сотников и десятских, отвергнув родовых ханов, в которых он не был уверен.

По истечении времени и в ходе обучения воинов ввёл Чингисхан ещё новшество: лучников, копьеносцев и всадников объединил, и они отрабатывали приёмы боя вместе и в зависимости от ситуации перестраивались, перераспределяя тяжесть ударов противника.

Не один год готовил Чингисхан свою армию, превратив её из отрядов воинов племён в единую мощную силу, способную одержать победу в любых условиях. Особое место было отведено коннице. С детства выносливые, табунщики сутками могли находиться в седле, обучаясь

джигитовке, построению в атакующую лаву. Каждый всадник должен был иметь три лошади: ездовую, вьючную и боевую.

Чингисхану было уже за пятьдесят лет, когда он пришёл к выводу, что его войска подготовлены для завоеваний и наступило время действий. Всех всадников поделил на тумены (десять тысяч в каждом) и определил им основные задачи.

Первый поход планировалось совершить на Китай. Лазутчики к этому времени дали полную картину военной и гражданской жизни китайцев. Из этих донесений явствовало, что, несмотря на многочисленность китайских войск, они разобщены и действуют в пределах своего клана. Для защиты от кочевников выстроили китайцы огромную стену на несколько тысяч вёрст в длину (три лошадиных перехода), со сторожевыми вышками и охраной. В Китае много золота, серебра и драгоценных камней. Китайцы-крестьяне и китайцы-ремесленники ненавидят своих правителей и, скорее всего, не поднимутся на их защиту.

По отработанному плану действовать нужно было скрытно, большими силами. Двадцать туменов повёл Чингисхан на Китай по двум направлениям. Движущихся по степи повёл сам, а в сторону гор направил верного ему одноглазого Субудая-багатура.

Войска шли всю ночь, а затем ещё ночь. Останавливались только подкормить лошадей. Под

утро степь затянулась туманом, закрыв видимость со стены. Разом просвистели брошенные на стену тысячи крюков с волосяными лестницами. Тысячи воинов, ловко перебирая ногами и руками, через какое-то время вынырнули из этого тумана уже на гребне стены. А за ними другие, другие. Началась сеча. Летели сверху головы сражающихся, падали вниз мёртвые тела, а битва продолжалась. Слышны были крики и стоны китайцев. Монголы умирали молча. Кровь лилась по ступеням широкой стены, выплёскиваясь вниз. Под прикрытием больших щитов подбегали к стене монгольские воины с большими кувшинами в руках, обливали стену вонючей жидкостью и поджигали. Огонь сразу же прилипал к стене, как ползучая змея, и накалял добела кирпичи и камни. Когда огонь угасал, эти же воины вновь лили жидкость. Так продолжалось несколько раз, пока стена не побелела от жары. Другие воины, прикрываясь такими же щитами, метали на это место кувшины с водой, из-за чего стена начинала трескаться и рассыпаться. К этому месту подтянули цугом запряжённых лошадей, на огромных деревянных колёсах стенобойный снаряд с огромным толстым бревном и каменным наконечником. Три десятка воинов, раскачивая его на верёвочных подвесках, ударяли по образовавшейся осыпи стены, руша её всё глубже и глубже. Когда солнце повернуло на закат, стена рухнула, и в этот пробой полетели на своих

быстрых низкорослых лошадях конники. На стене и за ней бой постепенно затихал. К закату солнца раздался победный крик монголов. Китайских воинов в плен не брали. Мёртвым, живым, раненым отрубали головы и бросали в одну кучу. От крови и обезглавленных трупов по всей округе расточался смрад, охлаждая постепенно порыв жестокости монгольских воинов.

По приказу Чингисхана войско двинулось дальше вглубь Китая, не щадя никого, оставляя после себя огонь и пепел. Награбленное имущество поделили между живыми и мёртвыми и отправили специальным обозом назад в стойбища. Пленных китайянок насиловали и убивали. В устрашение всех по всему пути продвижения войска монголов — трупы, трупы, огонь и пепел. Таков был приказ Главного!

Насытив за месяц похода своих воинов награбленным и убедив всех в исполнении своего обещания, приказал по войскам теперь убивать только воинов с оружием в руках, не трогать крестьян, а заставлять их готовить прокорм воинам, лошадям, верблюдам. За неподчинение — смерть. Везде оставлять десятки доглядывающих и обозы снабжения. Малейшую попытку оказать воинское неподчинение Чингисхан карал безжалостно, даже сам рубил головы военачальникам.

Уже к концу года север Китая и часть центральной территории были покорены. Был установлен диктат.

Повезли Чингисхану дары и богатства покорённые народы безропотно, низко кланяясь. А он, восседая на подаренном золотом троне, созерцал всё это, всё больше и больше утверждаясь в своём величии.

Огонь и меч покорили множество китайских племён и их царьков. Страх охватил других, ещё не тронутых завоеванием.

Армия нуждалась в отдыхе, пополнении, обмундировании. Чингисхан прекратил дальнейшее продвижение к морским границам Китая, установил повсюду власть монголов и надолго остался здесь, предаваясь развлечениям и утехам. Вся эта видимость была создана им для усыпления бдительности правителей соседних государств. Хитрый и коварный Властелин до мелочей продумывал свой поход на Бухарское ханство, зная о несметных там богатствах. Лазутчики сообщили, что наиболее слабой стороной ханства является государство Чаг со своей столицей Бинкент, расположенной на реке Салар. Восемь лет тому назад эта столица была сожжена, а народ по приказу правителя Хорезма Ала ад-Дин Мухаммед II переселили за неподчинение. С этой стороны Бухара опасности не ожидала и держала в этом

направлении небольшое войско. Сюда-то и замыслил свой ударный ход Чингисхан.

Перед отправкой решил Чингисхан лично с группой своих военачальников проверить боеспособность войск. То, что увидел, ошеломило его. Во всех подразделениях обжорство и пьянка. У всех воинов по несколько наложниц и рабов-мужчин. Вьючные лошади не выдерживали груза награбленного добра. Рассвирепел Верховный правитель и, собрав тут же военный совет, прокричал приказ:

— Всех наложниц из войск убрать! Всё награбленное изъять и направить специальным обозом семьям по стойбищам. Замеченных впредь в пьянке — казнить. На всё это отводится день и ночь! Головы сечь после этого всем послушавшимся, а тысячным и сотникам рубить головы буду сам!

До объявления похода Чингисхан решил разобраться ещё и с сыновьями. Враждовать они стали между собой из-за претензий на престол отца.

Старшего, неукротимого сорокалетнего сына Джучи, устранил он от себя и отослал на край своего царства под контроль соглядатаев. Второй сын, Джагатай, в открытую ненавидел старшего брата, но против отца подлости и предательства не замышлял. Его Чингисхан оставил при себе.

Своим наместником на будущее наметил он третьего сына, Угэндэя, рассудительного и храброго военачальника.

О самом младшем, Тули-хане, отец ещё и не думал: слишком мал.

Чтобы окончательно успокоить своего будущего врага, Бухарского хана, и показать своё дружелюбие, направил Чингисхан в его владение огромный караван верблюдов с несметным богатством и подарками

Ровно через сорок лун отдал Чингисхан приказ войскам двигаться на Бинкент.

Пока хорезмшах Мухаммед любовался доставленными ему подарками и расспрашивал послов о Чингисхане, последний мощной лавиной, сметая всё на своём пути, подходил к городу Бинкенту. На всём пути продвижения его армия живых не оставляла. Город окружили со всех сторон и предложили защитникам сдаться на милость победителей.

В ответ на это защитники крепости ответили тучей стрел и градом каменных снарядов. От такого неповиновения Чингисхан рассвирепел и вместе со всеми бросился на приступ. Бой был долгим и жестоким. Город пал.

— Сжечь и сравнять с землёй! — прохрипел Чингисхан, вытирая кровь со своего ятагана. — Казнить всех! — добавил он.

Путь на Бухару был открыт. Впереди лежала бескрайняя степь.

Весной этого же года Хорезм-шах с большим войском решил захватить степные просторы и

побить надоевших ему своими набегами степняков — меркитов.

Огромное войско шаха через два перехода дошло до реки Ирғиз и, перейдя её вброд, широким фронтом понеслось в степь. Через некоторое время дозорные сообщили, что впереди в большом количестве видны юрты кочевников. Шах отдал команду скакать к цели «скобой». Окружив стойбище, Мухаммед выхватил саблю и ослабил поводья.

То, что все в скором времени увидели, заставило многих вздрогнуть: кругом кровь, кровь и тела убитых. Было такое ощущение, что здесь пронёсся смертельный смерч и всех поубивал. А убитых было не сто и не двести человек, а несколько тысяч! Судя по тому что под казанами не потух ещё огонь, бой был быстротечным, жестоким и прошёл совсем недавно.

— Догнать тех, кто отнял у нас добычу, — скомандовал шах и, ударив плетью скакуна, полетел вперёд.

Только ближе к вечеру передовому отряду удалось настигнуть небольшой отряд всадников, которые тут же рассыпались по степи. Разгорячённые шахские отрядники, не жалея коней, помчались вдогонку и из-за возвышенности не заметили засады. Со всех сторон налетели на них воины в малахях и всех изрубили.

Когда к месту сражения прискакал шах, кровавое побоище было закончено и только осёдланные кони, немые свидетели бойни, храпели около своих мёртвых хозяев.

— Заночуем поодаль, а утром в погоню! — приказал Мухаммед-шах и устало прилёг у костра. Проснулся от шума прискакавших разведчиков, которые доложили, что недалеко видны огни костров и множество юрт.

— К бою! Вперёд! — скомандовал шах, и тремя развёрнутыми лавами поскакали на неверных. Вот уже и юрты видны, горящие костры, лошади на привязи, но нет войск. Лагерь пуст. «Струсил», — решил шах и, как бы в подтверждение своей мысли увидел в лучах восходящего солнца силуэты удаляющихся всадников.

— Монголы нас испугались! — уверенно заключил Мухаммед-шах и отдал команду войскам возвращаться в Бухару.

Многотысячная армия шаха двинулась назад, даже не обеспечив себя боковыми и тыловыми заградительными отрядами. Совсем скоро шах об этом пожалеет и расплатится тысячами жизней своих воинов.

До реки Ирғиз дошли ближе к ночи и, решив отдохнуть на противоположном берегу, начали, как и прежде, вытянувшись в цепь, переправляться по бродам. Но на середине реки броды оказались

размытыми, и всадники в тяжёлых доспехах начали барахтаться в тёмной воде. Задние, не видя происходящего, напирали и начинали тонуть вместе с теми, кто уже оказался в воде. Создалось неуправляемое скопище кавалерии.

В завершение этого хаоса в организованной монголами западне по обеим сторонам реки загорелись камыши, освещая переправу. Неожиданно из-за этого огня с тыла налетела многотысячная конница Чингисхана, и началась рубка. Конница шаха, не успев перестроиться в боевые порядки, с большими потерями вынуждена была отступить к реке. Как только всадники оказывались в воде, они тут же попадали под ливень стрел монголов. Те, кто сумел переправиться, попадали под такой же ливень поражающих стрел и натиск конницы.

Бой был недолгим, но настолько кровавым, что кровью окрасились воды реки, по которым сплошным потоком уносились лошади, трупы, отсечённые головы.

Армия шаха была разбита умным, коварным Чингисханом. Шах это понял, когда чудом вырвался с небольшим отрядом конников из этих смертельных лап.

— В Бухару! В Бухару, под укрытие! — разнеслось в ночи под перестук копыт лошадей.

Чингисхан теперь не спешил. Разбили для отдыха лагерь, выставив охранение, собрали блуждающих лошадей, сняли с убитых доспехи,

распределили между сотнями доставшуюся шахскую провизию, разожгли костры и после сытной еды, успокоившись от боя, крепко уснули, ещё раз убедившись в сверхразумие своего Кагана.

Только через два солнца и три луны двинул Чингисхан свою армию на Бухару. Под страхом смерти приказал он по пути следования никого не убивать, не грабить, а оказывать беднякам и жителям сельских поселений и горожанам посильную помощь едой, одеждой, лошадьми. У тех же, кто вооружён, оружие отбирать, но не убивать, а отпускать с наказом: «Мы пришли сюда освободить вас от гнёта власти шаха и отобрать у него для вас награбленное им богатство».

Хитрость удалась. Слух этот долетел до Бухары намного раньше прибытия войск Чингисхана. Правда, помогли в этом дервиши и лазутчики. Для общения с населением каждому сотнику был выделен толмач.

Две недели, окружив крепость, не предпринимая никаких видимых мер к штурму, продержал свои войска здесь Чингисхан, общаясь с городскими жителями и изучая с точки зрения военного сильные и слабые места крепости. За всё это время трижды посылал он в крепость своих парламентёров с предложением сдаться без кровопролития и отдать ему все шахские ценности. Трижды осаждённые без ответа сбрасывали со стены крепости обезглавленные тела

парламентёров. Всё это вызывало ярость осаждавших и недоумение горожан. Дважды за это время шахом была предпринята массивованная конная вылазка, и каждый раз их всех с особым остервенением изрубали конники монголов.

За время осады Чингисхан повелел каждому жителю города принести корзину камней, которые затем по ночам сбрасывали в ров перед входными башнями, в результате чего к концу второй недели эти места рва заровнялись.

С рассвета на третьей недели начался штурм крепости. Вначале с дальнего расстояния каменотательными орудиями начали швырять со всех сторон на стены кувшины с горючей жидкостью. Когда все стены были облиты, передвинули поближе к крепости орудия и начали веером бросать такие же кувшины с горючей смесью вовнутрь крепости. Одновременно с этим к стенам и за стены полетели тысячи горящих стрел. Снаружи крепости и внутри начался настолько сильный пожар, что огонь поднимался выше купола виднеющейся мечети. Метательные орудия продолжали кидать кувшины с горючей жидкостью. Внутри крепости началась паника. От огня не было спасения. Кругом корчились от боли обгоревшие защитники. Под прикрытием нескольких тысяч стрел по приставным лестницам и зацепленным за стену арканам со всех сторон быстро начали подниматься монголы. Их пытались сбить,

обливали кипятком, швыряли в них тяжёлые камни, а они всё карабкались и карабкались, пока не достигли вершины стены. Завязалась кровавая, жестокая рукопашная битва. Сверху валялись и те и другие. С самого начала штурма, когда огонь не давал возможности осаждённым видеть происходящее внизу, подтащили к воротам сторожевых въездных башен два китайских тарана и начали ломать их.

Уже и солнце начало клониться к закату, а бой всё ещё продолжался. На стенах бились, шагая по трупам.

Внизу раздался победный крик, и через проломы ворот хлынула конница, остервенело сметая всё на своём пути. Оставшиеся в живых защитники крепости начали сдаваться на милость победителей, а небольшая часть вместе с шахом, с его добром и гаремом укрылась в мечете. Это была крепость в крепости.

По приказу Чингисхана её не стали штурмовать, а просто подожгли. Когда огонь проник вовнутрь, открылись кованые двери, и оттуда начали выбегать люди. Воины снимали с себя оружие и доспехи, а духовенство и сановники несли сундуки с золотом и серебром.

Мухаммеда-шаха среди пленных не было: подземным тайным ходом со своей свитой выбрался наружу крепости и под покровом ночи ускакал в Самарканд.

Узнав об этом, Чингисхан рассвирепел. Его кошачьи глаза брызнули на пленных жёлто-зелёным светом, и две чалмы вместе с головами упали к его ногам. Не убирая окровавленного ятагана, шагнул он в ночь и провалился в глубокий сон.

На три луны и два солнца город был отдан победителям. Воины грабили, насильовали, убивали, пили невиданные ранее ароматные вина и объедались фруктами.

С раннего утра глашатаи объявили о сборе всех жителей на большую площадь. Специальная сотня проверяла все жилища и непокорных тут же убивала. Когда зачистка закончилась, отобрали из всех горожан мастеровых, ремесленников, мудрецов и учёных, крепких мужчин и юношей, красивых женщин и девушек. Связали арканами и отправили в Монголию вместе с огромным грузом драгоценностей и изделий из золота и серебра. Всё для монголов, всё семьям воинов.

За время пути к Самарканду привозили Чингисхану в юрту для услады молодых узбечек и таджичек. Хоть и староват был вождь, но юные тела горячили ему кровь, и он, как в молодости, наслаждался ими.

...Чингисхан Самарканд не штурмовал, а взял его хитростью. Натравил друг на друга обороняющиеся в крепости кланы, пообещав их представителям свободу и богатство. Убедил имама и глав-

ного судью (кади) в том, что кровопролитие будет излишнем.

Ему поверили и открыли ворота практически неприступной крепости.

С самаркандцами Чингисхан поступил также, как с бухарцами. Только золота и серебра здесь было больше, да несколько тысяч шахских воинов и горожан стали под его знамёна. А Мухаммед-шах опять улизнул от его карающего меча.

Монгольская непобедимая армия из года в год захватывала всё новые государства, покоряя народы от моря до моря. Империя монголов разрасталась и богатела за счёт дани покорённых.

При этой мысли Чингисхан удовлетворённо улыбнулся.

Но при воспоминаниях о сыновьях начинал хмуриться и сверкать глазами, вращая ими до рези.

Сыновья, естественно, побаивались его, но не уважали. Чингисхан понимал это и пытался понять ещё и причину их вражды между собой. «Неужели мои сыновья торопятся занять моё место и ожидают моей смерти? Нет! Не может этого быть! — решил отец и горестно склонил голову. — Надо послать их в поход на Булгарию, затем на Европу и на Русичей», — решил он и от этой мысли потихоньку начал успокаиваться. Захватывая земли государств и покоряя народы, не один раз слышал Чингисхан от пленённых им учёных, книжников, поэтов о Жалости и Любви. Осознав постепенно значение

этих понятий, часто задавал себе вопрос: «А у меня это есть?» После долгих раздумий сам же и отвечал на него: «Только к лошадям». Он не признавался себе, но, скорее всего, гордился тем, что от природы и от выпавшей ему судьбы наделён жестокостью, ненавистью к врагам и неверным, хитростью и умением воевать. Страх смерти отсутствует полностью. Женщин же он оценивал только как природное приложение к мужчине для физического удовлетворения его и продолжения рода. Он никогда не ласкал своих жён и наложниц, а при возникающем желании близости набрасывался на них с каким-то звериным рвением и мог услаждать себя целыми ночами, доводя женщину до обморочного состояния.

Чингисхан, как и все старые люди, более подробно помнит прошлое, забывая частенько произошедшее недавно.

Вот уже не один год занят Чингисхан строительством столицы Монгольской империи в верхнем течении реки Орхон. Лучших зодчих и мастеров из захваченных государств привлёк он для возведения своего города Хара-Хорин (Каракорум). Сюда днём и ночью на лошадях и верблюдах везли отовсюду строительные материалы и тысячами пригоняли пленённых мужчин.

Для третьего сына, Угэдэя, своего преемника, выстроил он величавый дворец. Сам же по-

прежнему находился в своей белой юрте под бдительной охраной нукеров.

Строительство уже шло к завершению, когда Чингисхан принял решение направить с войсками верных ему Субэдэя и Джебе на покорение горских народов, степняков. Заодно он приказал проверить военную силу русичей и составить подробную карту их княжеств.

С тех пор минуло уже два года, кобылы по третьему разу ожеребились, а от Субэдэя и Джебе никаких вестей. Хоть и уверен был Чингисхан в своих военачальниках, однако отсутствие сообщений от них его раздражало и злило.

Только на третий год, когда уже солнце устойчиво долго держалось на небе, прибыли они со своим войском.

Припав к ногам Чингисхана, попросили разрешения для своего доклада. Чингисхан хотя и рад был их возвращению, но вида не подал. Огрев несколько раз обоих по спине своей плёткой, смилостивился и разрешил им перед сообщением выпить по пиале кумыса и ароматного индийского чая.

Сверкая единственным глазом, разговор начал Субэдэй:

— От берегов Хвалынского моря направились мы в сторону Сурожского моря, не встречая никакого серьёзного сопротивления. Переправились через широкую реку Дон, перешли реку Калку,

которая втекает в море и, обогнув её с севера, повернули на юг. Преодолев пролив, вышли к городу Сурож на берегу Русского моря. Город покорился нам сразу. Опасаясь нападения на нас с моря, направились мы назад, в сторону Кипчакских степей. До этого кипчаки несколько раз воевали с русичами, но затем замирились с ними и начали даже родниться.

Узнав от лазутчиков, что кипчаки и несколько русских князей Южной России собрали войска и готовятся к сражению, направил я к русским послов своих с сообщением, что города, сёла и земли княжеств мы не трогаем, а прибыли воевать только с нашими давними врагами — кипчаками. Русские наших послов убили. Тогда мы послали послов к кипчакам, их все называют половцами, с сообщением, что против них мы не воюем, а объявляем войну их врагам — ясам и аланам. Наша хитрость не удалась из-за русских, которые, объединив войска, приготовились к сражению на реке Калке.

Вперёд выставили войска половцев во главе с Яруном Половецким, затем войска князя Волынского Даниила, за ним галичане с князем Мстиславом Удалым. Черниговские войска Мстислава стали поодаль, на переправе через Калку, а Мстислав Киевский отвёл свои войска вообще подалее, на другую сторону реки, огородившись частоколами. Все войска пытались противостоять нам без какой-либо взаимосвязи

между собой. Половцев мы побили сразу и их остатки от страха неминуемой смерти кинулись к войскам черниговцев и галичан, перемешав их ряды. Воспользовавшись этим замешательством, мы успели перестроить свои войска и налетевших на нас воинов Удалого и Волынского побили полностью. Князьям удалось удрать. Войска черниговцев мы атаковали с обеих берегов реки и полностью уничтожили. Князь Мстислав с небольшим войском бежал под защиту войск Мстислава Киевского. Киевляне стояли на очень выгодном месте возвышенности, откуда видно было всё передвижение наших войск.

О Великий Хан! Я старый воин, но не могу не оценить умение врага своего. Русичи — отличные воины! У них даже женщины сражаются наравне с мужчинами и так же, как они, умирают молча. Слабость русичей в том, что все княжества разобщены и зачастую воюют они друг с другом. Пока они в таком состоянии, Великий, их нужно завоёвывать и забирать их несметные богатства. Если они объединят свои княжества и войска под одно начало, нам их не осилить и перед их натиском не устоять! Нужно год-два готовить наши войска для военных действий в лесу и в болотистых местах и только затем наступать и наступать.

Торопись, Великий Хан!

Чингисхан молча слушал сообщение Субэдэя, сжимая иногда рукоять своего ятагана, как бы

готовясь срубить ему голову за дерзость поучать его.

Видя гнев Чингисхана, разговор начал Джебе:

— Три дня и три ночи сражались мы с войском киевлян, но безрезультатно. Тогда мы послали к князьям своих русских бродничей с сообщением, что князей мы не тронем, а воинов отпустим. Русичи поверили своим единоверцам, их клятве на кресте и сдались. Князей мы убили, а воинов забрали в плен. Великий Хан, у русичей необыкновенно красивые женщины: стройные, с большими грудями и голубыми-голубыми глазами.

Великий, мы привели с собой тебе в дар десять самых красивых русских девушек, и пять стройных девушек-горянок.

После битвы на Калке с целью разведки и демонстрации силы войск наших зашли мы на земли Переяславского княжества, свернули на север, переправившись через мощную реку Дон, пройдя Мордву, переправившись через реку Итиль, заняли Булгарский город Сувар и вернулись сюда с точной картой земель княжеств русских.

— Великий Хан! — вступил в разговор опять Субэдэй, расстилая тонко отделанную телячью кожу с цветными рисунками по всей площади. — Перед тобой установленная мною карта всех государств и княжеств россиян от Варяжского моря до гор за рекой Яик, которые тянутся до Студёного моря. С юга расположено Галицко-Волынское

княжество, которое с запада граничит с Балашским княжеством и с королевством Венгрия. По берегам Варяжского моря, за границей владения русичей, расположены: сумь, эсты, латгалы, курши, лавы, земгалы, аукшайты, жемайты, пруссы. Наиболее опасными для русичей являются немецкие рыцари, грозящие из-за моря и способные объединить эти малые государства. Для нас же особо смелыми представляются на Руси княжество Киевское, Черниговское, Владимиро-Суздальское и обособленная Земля Новгородская, которая простирается до самого Холодного океана. Княжеств настолько много, и холопы их настолько угнетаются своими князьями, что нам не нужно прилагать больших усилий, чтобы привлечь их на свою сторону.

— Великий Хан! — продолжал Субэдэй, встав на колени, припав в поклоне к ногам Чингисхана. — Я в глазах твоих увидел гнев на мои слова. Пусть кара твоя обрушится на меня, но я твоим верным слугой был и остался во всём. Я стар и устал воевать, но я горд, что служил под твоим началом и что мой народ стал богатым, свободным, сильным! Я рад, что под твоим руководством, Великий Каган, было создано Великое государство, и с твоим именем твои последователи расширяют его границы. Мы будем властителями от моря до моря! Имя твоё тысячелетиями будут помнить все народы!

Субэдэй встал, молча вынул свой ятаган и протянул его Чингисхану, повернув к себе лезвием.

Это же проделал и Джебе. Наступила тишина. Чингисхан неожиданно хлопнул в ладоши и на пороге юрты появился нукер с подносом, на котором лежали две турецкие золотые сабли, инкрустированные драгоценными камнями. Чингисхан встал на больные колени и каждому из них протянул в знак признательности их заслуг это оружие. Жест милости со стороны Властелина империи для выдавших виды и смерть старых воинов был настолько неожиданным, что, потеряв дар речи, упали они к ногам Великого и стали целовать его ноги.

* * *

После этого по лунному календарю минуло ещё два года. Однажды ночью Чингисхан почувствовал резкий перебой в области сердца, затем в плече и в локте. С трудом поднявшись, крикнул нукера и велел тихонько отвести его в степь. Услышав шелест ковыля и увидев чистое звёздное небо, ступил он твёрдо на землю и пошёл в даль...

Ушёл... навсегда.

Любовь на крови

*Ткань нашей жизни соткана из
перепутанных нитей,
добро и зло соседствуют в ней.*

О. Бальзак

— **К**няжич! — ворчал седовласый дядька. — Вы опять плохо держите саблю левой рукой. Извольте тренироваться колкой дров!

Четырнадцатилетний князь Василий в сердцах бросил оземь саблю и остервенело приступил к колке дров левой рукой.

— Так! Так! — подбадривал его учитель Афонасий Савельевич Христов, в какой уж раз покрикивая на своего ученика: — Держи руку вытянутой и покручивай кистью! Топорище держи уверенней! Сделай крест! Экий ты слабак!

Старый воин отстранил молодого князя, наколот на топор крупное полено берёзы и вытянутой левой рукой, держась за топорище, медленно перекрестился дважды.

— Учись, княжич! В бою пригодится! — проворчал опять дядька и отошёл в сторону, наблюдая за тренировкой своего подопечного.

Когда поленница дров заметно приросла, Афонасий приказал:

— Оботрись, княжич, досуха тряпицей, и через десять вздохов приступим к бою. Седовласый воин выбрал себе малый щит, короткую саблю и в ожидании стал у намеченной белой глиной черты двора. Быстроногий Василь, ещё не отдышавшись от колки дров, сразу же с мечом в руке бросился на своего учителя. Тут же получил урок: молниеносным ударом снизу, описав кисть нападающего, выбил дядька саблю из рук княжича, и она, сделав в

воздухе неправильный круг, воткнулась около его ног. Слёзы брызнули из глаз Василька, и он с ещё большим усердием набросился на своего учителя. Результат был тот же.

— Не горячись, княжич! Врага нужно бить рассудительно и умело! В бою после первых ударов меняй руку: враг этого не ждёт, — опять напутствовал своего ученика Афонасий и, смеясь, обнял своего любимица, для того чтобы успокоить.

— Сейчас пойдём в баньку, венчиком кроушку разгоним да клюквенной заквасочки попьём. Девки-то, наверняка, давно уже баньку истопили, да и матушка, поди, заждалась тебя.

— Афонасий Савельевич, а пошто у вас во всю спину шрам тройной?

— Это у меня от ведьмедея-шатуна. В твоём, княжич, возрасте я был, когда он мамку мою в лесу заломал. Схоронил я мамку, взял рогатину и пошёл его искать. На третий день мы с ним-то и повстречались. Насадил я его на рогатину, когда он на задние лапы встал и на меня пошёл, а вот отскочить-то и не успел. Коготками-то он по спине и прошёлся.

— А дырка на груди от чего?

— А это от половецкой стрелы. На излёте она была. Застряла в груди. Вырвал я её, а знахарка залечила.

Долго ещё из предбанника раздавался басовитый голос старика и ломающийся голос юноши.

На следующий день, с самого утра, повёл Афонасий Василька к реке, где по берегу были вбиты в рост человека плоские брёвна, расположенные друг от друга в три локтя. Началась тренировка. Княжич с большим копьем под ободряющий голос учителя прыгал с бревна на бревно, стараясь удержать равновесие. Получалось не всегда, и тогда он валился сразу в воду. Солнце уже лучами настойчиво било в лицо, а Василь под ворчание Афонасия Савельевича всё прыгал и прыгал. Занятия закончились только тогда, когда княжич проскакал все брёвна, не упав в воду.

Старый учитель, довольно хмыкая в бороду, заставил Василя раздеться, обтёр сухой холстиной и, набросив на голое тело зипун, повёл домой.

— Устал ли Василька?

— Устал дядька.

— Ты, княжич, должен стать сильным воином, наместником своего храброго покойного отца.

Пока шли ко двору, вспомнилось стареющему Афонасию его прошлое. Вспомнилось, когда дружина князя Мстислава пошла воевать половцев, стоял он по правую руку войска. Зоркий от природы, он первым заметил обходной манёвр половцев и ринулся в бой. Много погибло в том бою дружинников, но степняков побили множество

и надолго загнали их в степи. С этого похода и взял его князь к себе дядькой для сына Василия и поселил в Козельск. С тех пор и пестует он своего княжича, уча добру и злу в ратном деле. Хотел было даже жениться на приглянувшейся ему Любаве, да только не дожидая она до свадьбы: упала невеста зимой в полынью и утонула. Вот и не женился он с той поры. Одна отрада теперь у него — Василёк.

Рассудительный и старательный юноша греет его старческую душу.

Вспомнил он и последний поход старого князя на бой с воинством Чингисхана. Предостерегал он тогда Мстислава: «Остерегайся половцев. Союзники в бою они слабые. Сильны пока вместе, как стая волков. Убей вожака, и вся стая, поджав хвосты, разбежится».

Не послушался тогда князь, вот и поплатился.

Нравилось ему в своё время хаживать с князем по Черниговской земле. Нравились ему особой красоты места близ Чернигова, Путивля и Курска. Со смехом вспоминает, как напали на них однажды ночью на рыбалке местные жители, приняв их за половцев. Перепало в ту ночь всем. Хорошо ещё, что кулаками бились, а то не миновать бы смертей. Ох и хохотал же князь утром, когда понял, что его холопы его же хотели побить, защищая его владения. Всех князь отпустил тогда напутствуя: «Молодцы! Старайтесь и далее так!»

Несколько лет назад прибыл сюда сокольничий князь, Вавила, с женой Ольгой и дочкой Марьицей. Начал он под присмотром Афонасия обучать Василя соколиной охоте и борьбе без оружия. И то и другое Вавила умел делать прекрасно. Когда в очередной раз во время учебной схватки молодой князь от броска Вавилы летел куда-нибудь, Афонасий непременно ворчал: «Что ж это ты, холера, так швыряешь. Того и гляди шею-то и повредит. Жалости у тебя нет, Вавила!»

— Всё у меня есть, Савелич! — возражал тот.
— Князю всё в жизни пригодится!

Так бы и жили все в добре и понимании, если бы не очередная напасть.

...После смерти Чингисхана наследником и продолжателем его дел стал сын Угэдэй. В 1235 году поскакали во все концы теперь огромной монгольской империи всадники, созывая всех на курултай в Каракоруме.

Через несколько месяцев, когда собрались на площадь все приглашённые, перед ними выступил Угэдэй, сидя на золотом троне отца.

— Монголы! Великий Вождь Чингисхан подчинил многие народы и создал Великую, богатую Империю.

По своей силе ей нет равной на земле! Наши войска заставляют трепетать сердца многих правителей ещё не покорённых земель. Пока мы сильны, нужно завоевать юг Китая, покорить Персию, дойти

до Варяжского моря, покорить Европу и все княжества русских вплоть до Холодного океана. Только так мы выполним наказ и желание нашего Великого Кагана и станем властелинами всего мира!

Все народы на этой земле должны нам подчиняться и прислуживать. Так напутствует Вечное Небо!

При этих словах он встал с трона, молча окинул взглядом стоящих на огромной площади перед ним на коленях, взобрался вновь с ногами на трон и, сидя на пятке левой ноги, долго молчал.

Его жёлто-зелёные глаза при этом то расширялись, то сужались. Перефразируя слова отца, Угэдэй готовился сказать главное:

— Наши воины привезут из побеждённых земель много золота, серебра и другого богатства. Они на арканах приведут себе красивых женщин, которые нарожают нам много воинов, скотоводов и учёных. У каждого монгола будут не только табуны лошадей и отары овец, но и лучшие одежды. В конце концов мы станем самыми богатыми и великими. Нас будут прославлять в песнях и о нас будут слагать легенды. Страх от нашего могущества будет передаваться из поколения в поколение у покорённых народов.

Угэдэй соскочил с трона, выхватил из ножен позолоченную и инкрустированную драгоценными камнями саблю, протянул её вдаль и крикнул:

— В Европу и на Русь отправим со стотысячной армией моего племянника, внука Чингисхана, Бату (Батыя — В. Г.). Пусть солнце и звёзды небесные способствуют его походу.

По толпе пронёсся лёгкий гул, и в знак согласия все склонили головы до самой земли.

— Сегодня повеселимся, а завтра с восходом солнца всем в путь, — более миролюбиво, но с ноткой назидания закончил свою речь Угэдэй. Вставшие с колен разом завывали от радости.

Всю ночь шло щедрое пиршество. Всю ночь стонали и плакали женщины.

С рассветом начался кровавый поход на Русь.

...Иногда Вавила на занятия приходил с дочкой Марьицей. Она вместе с Афонасием подбадривала княжича, а когда у того появлялись ссадины или царапины, обязательно промокала их принесённым отваром из трав, успевая при этом ворчать на отца за его неосторожность. Когда же Василию удавалось провести в борьбе удачный приём, Марьица восторженно смеялась и хлопала в ладоши.

В скором времени они настолько привыкли друг к другу, что нередко убегали купаться на Шиздру под пристальным доглядом Афонасия. В уютном песчаном местечке на берегу рос огромный куст ивы, который и облюбовали они.

Распределившись на сторонах этого зелёного укрытия, раздевались донага и, ухая, прыгали в воду. Могли часами нырять друг за другом, греться

на солнышке и, лёжа на спине, наблюдать за облаками, придумывая различные картины. Иногда, взявшись за руки, покинув княжеский двор, ходили по городу, частенько заглядывая в прилегающие слободки.

Во время этих прогулок Василий рассказывал Марьице:

— Город наш и крепость отстроены были на месте поселения славян-вятичей. Город расположен на возвышенности и хорошо укреплен. Дядька Афонасий мне говорил, что для военных действий крепость эта врагу недоступна. Вокруг крепостной стены насыпан вот этот огромный вал. В город можно попасть по подъёмным мостам только через две проходные башни, а остальные шесть — глухие, охранные. Во всех слободах — ближних и дальних — построены высокие наблюдательные подьёмы для сообщения жителям о пожарах и набегах чужого люда.

Первым князем Козельска был мой отец — Мстислав Святославич. Я был ещё младенцем, когда отец вместе с моим старшим братом погиб в битве с монголами на реке Калке. Теперь княжу я, — печально закончил Василь свой рассказ.

...Лето 1238 года не предвещало никакой беды.

Крестьяне в окрестностях заготавливали для скота прокорм, мастеровые в слободках были заняты своими повседневными делами, а княжеский двор жил размеренно, как и прежде.

Однажды на рассвете засигналил костёр бедствия с дальней смотровой вышки, затем другой, другой... И ударил набат, собирая народ. Прискакавший нарочный сообщил, что к городу продвигается несметное войско монголов.

Дружинники князя и старейшины города спешно приняли решение город оборонять. Началась продуманная годами подготовка. Женщины и дети носили про запас воду, прятали по закромам еду, складывали для швыряния к стенам камни. Прибывшие слободчане пристраивали повсюду котлы для разогрева смолы и подготовки кипятка. Из воинов и горожан была сформирована дружина по тушению пожаров, а женщины подготовили чистые холстины и мази для оказания помощи раненым. Детей и стариков укрыли в Соборной церкви. Город замер в ожидании. Василий, Вавила и Афонасий, надев кольчуги и боевые шлемы, расположились в левой проходной башне.

Засерела даль от поднятой пыли многотысячной конницей монголов, зашумели леса от эха топота копыт лошадей, разнесся по окрестностям устрашающий крик монгольских воинов.

Со всех сторон окружили они город, продолжая кричать призывно и стучать мечами по щитам. Защитники молчали.

Внезапно наступила тишина, и с белыми тряпками на пиках к подъёмному мосту прискакали парламентёры.

Навстречу монгольским парламентёрам выехал с десятью дружинниками воевода Ярослав Хаванский с толмачом из пленных.

— Великий Бату-хан за год завоевал Булгарию, ему покорились башкиры, половцы. Его воины покорили и сожгли Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, — прокричали по-русски прибывшие монголы настолько громко, чтобы их услышали воины и защитники города. — Великий Бату требует от города десятую часть всего богатства, сто крепких мужчин и юношей, сто женщин и девушек и повелевает выдать сына князя — убийцы их бывших парламентёров. Если эти требования не будут выполнены, то город будет взят штурмом и его сравняют с землёй.

Воевода Хованский молча выслушал крикуна и, когда тот закончил перечень, громко, чтобы все слышали, заявил:

— Хоть князь наш и мал ещё, но вам, поганцам, его не отдадим, как и город свой! Лучше от Христа Бога небесный венец все до единого примем, но вам, иродам, не покоримся! После этих слов повернули лошадей своих и скрылись за крепкими воротами крепости.

Семь недель шла кровавая битва. Монголы вал за валом днём и ночью атаквали крепостную стену. Их метательные орудия забрасывали город камнями и огнём. Стенобитными установками с четырёх сторон долбили крепость. Город сражался! За стеной и в городе всё было усеяно трупами. Кровь чавкала под ногами. Гибли мужчины, их тут же заменяли женщины и юноши. Город стоял! Вот уже и треть от защитников осталась, а город не сдавался.

Княжич Василий бился на равных со всеми. Рядом с ним всегда были дядька Афонасий и Вавила. В пылу боя не сразу заметил Василий упавшего своего дядьку. Наклонился над ним, а он из последних сил прохрипел:

— Они пробили стену. Сейчас прорвутся в город и всех убьют. Тебе, сыночек, нужно уцелеть во имя рода своего и защиты земли нашей. Прощай, княжич! Уходи наружу через секретный ход!

Только и успел Василий закрыть глаза старику, как дрогнула и развалилась стена. Сыпанули через пролом монголы, сметая всё на своём пути.

Отбиваясь от очередного монгола, взобравшегося на стену, видел молодой князь, как убивали монгольские воины всех подряд: мужчин, женщин, детей. Не мог он видеть, как подожгли соборную церковь вместе с укрывшимися там детьми, женщинами и стариками. Не видел он, как насиловали женщин, девочек и мальчиков и как

после этого бросали их в огонь. Заметил лишь, как из последних сил неподалёку от него бьётся Вавила, как вскарабкались к нему для прощания жена и дочь, как рухнули они втроём со стены. Заметил и тут же сам полетел вниз от удара копья. Упал с внутренней стороны на трупы убитых и отполз к спасительному лазу. Дым от пожарища проник и сюда, рвал лёгкие, выворачивал нутро. Прижавшись лицом к земле, в полуобморочном состоянии дополз Василий до спасительного выхода за стеной. С трудом отодвинул скрытку и выглянул наружу. Кругом в разных позах валялись в несметном количестве монголы и защитники. Отдышавшись, решил выскочить и броситься к реке, но вдруг услышал совсем рядом тихий стон. Выглянул и обомлел: рядом на трупах лежала Марьица, а неподалёку её мёртвые отец и мать. Бесшумно втянул он Марьицу в укрытие и, как учил его дядька Афонасий, начал дуть ей в рот. Очнулась и, узнав Василия, заплакала, прижавшись к нему. Впервые юноша прижимал к себе зреющую девушку.

Тихо прошептала на ухо:

— Когда мы на прощание хотели обнять папу, опустил он на мгновение щит, и тут же ударила в самое сердце стрела. Вторая насквозь прошила со спины маму, и мы упали все вниз. Похоже, во время падения меня отбросило в сторону, на трупы, за куст, отчего я и осталась живой. Опять заплакала,

растирая слёзы по закопчённому лицу. Затем обняла юношу за шею и, глядя ему в глаза, проговорила:

— Ты ведь меня не бросишь, Василёчек? Ты же теперь у меня единственный! — сказала и опять заплакала.

— Да нет же, — как можно ласковой ответил княжич, вытирая слёзы Марьицы.

Два дня и ночь просидели в своём убежище Василий и Марьица, каждый раз вздрагивая при приближении топота копыт лошадей и громкого говора. Монголы убирали своих мертвецов для захоронения.

— Четыре тысячи погибших монголов, — однажды прошептал Василий, прислушавшись к перекрикам сверху.

Оттуда раздались характерные удары разрушения остатков стены.

— Монголы рушат всё подряд. Надо отсюда сегодня выбираться, иначе нас замуруют стеной, — опять прошептал Василий, прижимая к себе обессилившую Марьицу.

Ближе к вечеру, когда после заката солнца засерело всё вокруг, на сторевший куст тихо отодвинулось прикрытие, и из-под него выбрались, озираясь, юноша и девушка. Через несколько минут метнулись двумя теньями в сторону реки и исчезли.

Из-за береговых зарослей тихо выплыла долблёнка и, придерживаясь тёмного берега,

поплыла по течению. Василий и Марьица, распластавшись на дне лодочки, гребли руками, помогая течению нести их обессилившие тела от городского кострища и ужаса пережитого. Марьица, похоже, уснула, а Василий грёб и грёб, став на колени и всматриваясь вдаль. Недалеко от плёса лодка неожиданно ткнулась в кучу брёвен и остановилась. Ветер пахнул на него трупным запахом, и княжич понял, что это не брёвна, а трупы людей, многих людей. Осторожно выволок лодку на берег, разбудил Марьицу и повёл её к виднеющемуся вдалеке от берега огню.

Оставив в густом кустарнике Марьицу, ужом пополз к свету. Даже ни одна былиночка не шелохнулась. Впереди на большом костре два монгола жарили мясо. Рядом стояли две привязанные лошади. «Засека из двух воинов», — решил Василий и, сжимая ручку кинжала, ещё осторожнее пополз к костру. Нападение было настолько неожиданным, что монголы даже не успели выхватить свои сабли. Оттащил он в соседний лог трупы, снял с них оружие, забрал мясо и лошадей. Разыскал Марьицу. И они растворились в темноте леса. Забрались в самую глухомань. Спрятали лошадей и, жадно глотая, съели по доброму куску несолёного мяса. Тут же, прижавшись друг к другу, уснули.

Проснулись враз от заползшей в лес прохлады реки и скользнувших по вершинам деревьев лучиков солнца.

Василий разыскал лошадей, проверил перемётные сумы. В них он обнаружил пустой кувшин и много дорогой мужской и женской одежды. Отдельно лежали драгоценности. Сходил за Марьицей, по дороге набрав из ручья воды, и они, умывшись, начали рассматривать свою добычу. Золота, серебра и женских золотых украшений было много, очень много. Ещё больше было разной одежды. Велев Марьице переодеться в мужскую одежду, Василий повёл на водопой лошадей, прихватив с собой кучу одежды.

Пока лошади жадно пили воду из ручья, Василий сбросил с себя рваную, грязную, в крови одежду. Ёжась от прохлады, тщательно помыл тело и, облачившись в новые одежды, поехал к Марьице.

Из-за куста неожиданно шагнул ему навстречу стройный вооружённый юноша с лихо заломленным верхом головного убора. Только по лукавым синим зрачкам глаз да по выбившимся из-под шапки русым кудряшкам признал Василий в юноше Марьицу. Обрадованный, соскочил к ней, пытаясь по-дружески обнять, а она расширенными глазами смотрела на него, горько плача. Ничего не понимая, Василий прижал к себе девушку и, успокаивая, ласково поцеловал в щёку. Тут сквозь рыдания он услышал:

— Васенька! Ты весь седой! Седой по всей голове.

Убежал княжич к ручью и, взглядевшись в гладь воды, увидел там отражение седого повзрослевшего парня с горестным прищуром синих глаз.

Подкормив лошадей, поскакали всадники лесом по еле виднеющейся тропе в неизвестную даль.

Долгими днями и неделями уводили тропы и дороги княжича и его спутницу вдаль на север от родной земли. Путь держали в направлении Земли Новгородской, надеясь найти там укрытие.

— Вася! — во время отдыха увещевала своего верного друга и спасителя Марьица. — Тебе никак нельзя признаваться, кто ты. Узнают монголы — убьют.

— Как они теперь узнают?

— Найдутся недобрые людишки и предадут.

— Думаю, что весть о моей смерти уже разнеслась.

— Это даже и к лучшему. Легче скрываться.

— Но я князь от князя и не должен это скрывать!

— А ты держи это в памяти и в душе, милый, — сказала и, поняв, что вырвалось затаённое девичье признание, надолго замолчала.

Стал замечать Василий, что с каждым днём исчезает румянец со щёк Марьицы и острятся со спины лопатки.

Да и сам он с каждым днём всё сильнее и сильнее чувствовал ломоту в ногах и пояснице да какую-то особую усталость.

— Скоро зима, Марьичка, и нам нужно искать тёплое жильё либо устраиваться на зимовку в лесу.

— Я всё выдержу с тобой, Вася. Принимай решение сам.

— Как только дни станут короче, облюбую место для землянки и зазимую. Лошадей забьём на пропитание, — через какое-то время утвердительно заявил Василий.

Тропа, по которой они двигались, неожиданно куда-то исчезла, и они уткнулись в болото. Долго брели пеше, ведя за собой лошадей, по грязной болотной тине и кочкам, падая и проваливаясь по грудь, пока не выехали к островку. Кое-как разожгли костёр, обсушились, благо сухая одежда была с собой, и Василий отправился на разведку

Остров оказался весьма большим и упирался своей западной стороной в водную реку. «Лучшего безопасного места для зимовки не найдём», — решил Василий и с этой мыслью вернулся к Марьице.

Под будущее жильё присмотрел Василий на возвышенности большое углубление от вывернутого с корнём огромного дерева. Обрубил саблей остатки корней, зацепил арканом ствол и двумя лошадьми отволол его в сторону. Разметил площадь жилья, и вдвоём с Марьицей начали копать землю, с

каждым днём всё глубже и глубже. Долго копали, унося грунт в куске дерюги. Только через три недели углубление в рост человека было готово. Василий нарубил тонких жердей, вытесал из них колья, отступив на локоть от стен, вбил их и сплёл из прутьев тальника плетень. Вместе с Марьицей нарезали сухого камыша и затрамбовали им нишу между плетнём и земляной стенкой. Жердями потолще заложил Василий верх, застелил камышом, оставив отверстие для дыма. Затем весь этот настил накрыли нарезанным дёрном. Глиной, обнаруженной неподалёку, на береговой осыпи, обмазал Василий с двух сторон ивовую корзину, которую затем долго выдерживал в тени, пока не убедился, что получился прочный котёл для варева. Пока Марьица бегала по лесу собирая на зиму грибы, ягоду и знакомые ей травы, Василий в углу жилища вырыл углубление, накрыл сверху изготовленным небольшим плетнём и повесил на рогатине найденный на берегу кувшин без горлышка. Получилось что-то наподобие умывальника. Для костра под отверстием в потолке утрамбовал глину. Из жердей соорудил лежанку, застелив сверху войлочными попонами. Даже сёдла для подушек приспособил.

С жильём и его устройством управились только-только к похолоданию. Когда молодым людям показалось, что всё готово, решили разжечь внутри костёр и приготовить варево. Результат

превзошёл все ожидания. Жилище нагрелось очень быстро, дым уходил вверх через отверстие в потолке, а прошедший дождь ручейками сбежал мимо жилья. Не дожидаясь больших холодов, забил Василий одну лошадь, весьма умело снял шкуру, а разрубленное на куски мясо развесил для провяливания по деревьям. Когда лошадиная шкура просохла и загрубела, Василий выкроил из неё полог на вход в жилище.

Где бы ни был Василий, чем бы ни занимался, Марьица всегда была рядом и умело помогала ему, какой бы тяжёлой работа ни была.

К зимовке успели приготовиться основательно: поленицы сухих дров выстроились по обеим сторонам входа в жильё, в вырытом погребеке хранились грибы, целебные травы, в другом месте — мясо от двух лошадей. Воду брали из пробегающего неподалёку говорливого ручейка.

Снежная буря налетела настолько неожиданно и так напористо, что молодые люди от этого даже растерялись. Как налетела, так и успокоилась к ночи, застелив всё кругом своим белым покрывалом.

Началась для молодых людей долгая-долгая зимовка. Днём Василий уходил в лес ставить на зайцев замастырки, а вечером, насытившись горячей шурпой и мясом, лёжа с Марьицей, подолгу рассказывал ей разные истории, услышанные от

дядьки Афонасия. Засыпали прижавшись друг к другу и просыпались также.

Ближе к весне, когда появились первые проталины, однажды утром проснулся Василий от ощущения одиночества, Марьицы рядом не было. В отсвете костра увидел он её моющуюся в уголке жилища. Стояла она там нагая, стройная, с расплетёнными косами, словно русалка из сказки, слышанной от мамы. Это была уже не костлявая девочка-подросток, а зреющая женщина, с наполненными грудями и стройными ножками. Василий почувствовал оглушающее желание обнять её, целовать грудь, ласкать, ласкать.

Не вытерпел. Тихо подошёл, обнял её и увёл на лежанку.

С этого утра стали они мужем и женой, отдавшись первому всплеску любви, чистой, выстраданной, прошедшей через кровь и смерть близких им людей.

Весна, как и зима, пришла ярким солнцем и бурным таянием снега. Лёд на реке сошёл очень быстро, оставив по берегам свои отметины да небольшие осколки.

В один из таких дней зацепилась за отлогую часть берега запоздалая льдина с вмёрзшим в неё челном. Посудина была забита рыбой, рыболовными снастями и тёплой одеждой. Василий и Марьица с трудом высвободили из ледового плена лодку, разгрузили. Закинув через ствол дерева

аркан, кое-как выволокли её подальше на берег. За свой труд они были вознаграждены. Под одеждой в носовой части лежал полный берестяной бочонок соли, два таких же бочонка ржаной муки, закопчённый подвесной котёл для варева, моток суровых ниток, лук с полным колчаном стрел. Островитяне от этих подарков пришли в неописуемый восторг. Они обнимались, целовались, исполнили даже какой-то шаманский танец.

Затворническая жизнь на острове приобрела новые заботы и новые возможности для улучшения быта.

За долгую зиму Василий, наловил больше двух десятков зайцев, из шкурок которых Марьица очень ловко мастерила одежду.

Василий любил издали подолгу наблюдать за работой Марьицы, за её быстрыми движениями рук, за счастливой улыбкой на лице и благодарил Судьбу за выпавшее ему счастье.

Однажды, возвратясь с рыбалки, Василий застал Марьицу в слезах.

— Что случилось, любимая?

— То ли горе, то ли радость.

— Так всё же что?

— Васечка, я понесла.

— Куда и что понесла? — ничего не понимая, спросил он.

— Ох, какой же ты глупый. Ребёночек у нас будет.

Василий не сразу понял сказанное, а когда осознал, подхватил на руки Марьицу и начал целовать, целовать.

С этого дня их жизнь приобрела совсем другой оттенок. Оба переключились на ребёнка.

— Васенька, а я ведь совсем не знаю, как рожать.

— И я не знаю. Слышал, что нужно какую-то пуповину у ребёнка завязать и обрезать.

— Это и я слышала. А кто ребёночка будет принимать?

— Кроме меня некому.

— А ты умеешь?

— Нет. Похоже, справлюсь.

— Васенька! А я не умру?

— Глупенькая ты всё же, Марьица. Кто же в твоём возрасте умирает? Женщина на то и женщина, чтобы рожать, — многозначительно подытожил разговор Василий, нежно обнимая жену.

Как день — так новые заботы для Василия. Подстрелил дикую свинью — надо городить плотный загон для поросей, наловил рыбы — надо завялить, засушить на зиму.

Марьица к осени заметно округлилась и целыми днями из лоскутов одежды шила одежонку будущему ребёнку.

...Ребёнок на свет появился ранней весной, оповестив округу громким криком. Это была девочка, и назвали родители её Любовой.

Хотя и управлялась Марьица со всеми делами по жилищу и с ребёнком сама, Василий старался подолгу не отлучаться. Теперь он был ответственен за жену и ребёнка.

Пошёл как-то Василий ранним утром настролять уток, и услышал в тишине говор людей, который разносился по водной глади реки. Присмотревшись, увидел направляющуюся к берегу лодку с четырьмя гребцами. Причалили и, не выходя, начали о чём-то спорить.

Из всего их разговора Василий понял, что ищут они место для отдыха и рыбалки своему князю.

Проводив взглядом удаляющуюся лодку, заспешил домой и всё рассказал Марьице. После этого Василий устроил себе наблюдательный пост и целыми днями просматривал округу, отвлекаясь только для еды и для помощи Марьице. Три дня кряду ждал и всё же просмотрел прибытие гостей. Утром потянуло с реки дымком и блеснул огонёк. Прихватив оружие, заспешил Василий к своему укрытию. Отсюда было видно, что на двух больших лодках прибыло не менее десяти человек. Расположились они в трёх шатрах. Судя по охране, в одном из них находился князь.

Стараясь не шуметь, Василий подполз к шатрам и прислушался. Говорили по-русски. Это-то

и расслабило Василия. Треснул под рукой сухой сук. Как от удара молотом по наковальне брызнул в тишину звук, подняв на ноги людей, находившихся в лагере. Люди, не вынимая оружия, окружили Василия со всех сторон.

— Кто такой? Лазутчик?

— Человек, как видите!

— Оборванец ты, а не человек!

— А ну, отдай саблю, а то зашибу! — подступая, пророкотал здоровый детина.

Не успел и трёх шагов сделать, как от ловкой подсечки клюнул головой в песок.

— Взять его! — дал команду старший ватаги, и началась рубка. Вьюном крутился Василий, отбивая все сабельные удары. Пять здоровых мужиков не могли справиться с этим седовласым воином. Наконец догадались набросить аркан и связать. Отвели к отдельно стоящему шатру, из которого тут же вышел высокий моложеватый статный мужчина и приказал развязать Василия.

— Ловок же ты, братец, коль мои пятеро тебя взять не смогли, — миролюбиво проговорил мужчина, пригласив Василия присесть рядом с ним.

Спокойные слова князя Александра (он так представился), его дружелюбный взгляд успокоили Василия, и он рассказал всё о себе и Марьице, утаив от собеседника лишь своё княжеское происхождение.

Марьица, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, взяла на руки дочку и заспешила на берег. Не замеченной подошла к собеседникам и прислушалась. Сидящий к ней спиной Василий молча слушал более старшего:

— Батый продолжает захватывать и подчинять себе княжества одно за другим. Почти все они выплачивают дань, а для княжения нужно получить от хана Батыея разрешение. Это унижительнейшая процедура. Заложил он в низовьях реки Итиль себе столицу Сарай-Бату. Теперь все мы будем за разрешением на княжество ездить туда.

Новгородская земля, где я княжу, протянулась от гор Урала до морей северных. Граничим мы с княжеством Полоцким, Владимиро-Суздальским, Смоленским, с народами сумь, эсты, латталы.

Монголы над нами власть имеют, но не разорили. Теперь мы от них откупаемся данью и чрезмерными податями. Но даже это не последняя беда на нашу голову. На наши земли начали нападать литовцы. Три года назад все литовские племена объединились под начало князя Миндовг. Год спустя они подступили к Смоленску и начали грабить окрестные поселения. Против них со своей дружиной выступил мой отец, князь Ярослав Всеволодович, и выгнал их. Летом прошлого года высадились шведы. Мне тогда исполнилось только 19 лет и княжил я в Новгороде. Медлить было нельзя и мне со своей дружиной пришлось

выступить против них. Отец мой в это время княжил во Владимире и выслать войско своё быстро не смог. Подошли мы к реке Неве и совместно с местными ижорянами расположили основную часть войск по берегам. Из заострённых брёвен перекрыли фарватер и с тылу на двух ладьях начали теснить войска шведского короля Биргера. Наткнувшись на подводную запруду, утопив несколько лодок, шведы начали высаживаться по берегам. Тут-то мы на них и налетели.

Много шведов побили мы. Биргера я сам достал саблей в лицо, а сына его, воеводу, убили тогда.

Велика была та победа для русичей и своевременна.

С этого времени нарекли меня Александром Невским.

Сюда, на этот остров, прибыл я с людьми своими запас пропитания войскам собрать: рыбы разной наловить да зверья набить.

Александр встал, обнял сильными руками Василия за плечи и сказал:

— Иди ко мне в дружину воеводой. Ты храбр и умён. Мне такие воеводы нужны. Давай руку, Василий, в знак согласия.

Мужчины пожали друг другу руки, обнялись и только теперь увидели стоящую почти рядом и плачущую от радости Марьицу с дочкой на руках.

...Всего-то и пожил неделю в семье Василий. На выданное Александром жалование купил всем разную одежду, еды вдоволь, поменял оружие. Даже бороду подстриг. Не может Марьица нарадоваться и насмотреться на мужа: высокий, стройный, очень красивый мужчина смотрит на неё влюблёнными синими глазами. Улучив момент, однажды перед сном шепнула на ухо: «Василёчек, я опять затяжелела». Обнял жену Василий, прижал нежно к себе и также тихо сказал: «Рожай, ладушка моя. Рожай дочек и сыновей. Им Русь и род наш защищать и славить! Давай, Марьица, по случаю этому выпьем по кружке хмельной браги».

Долго в ту ночь горела в спальне лучина.

Через неделю нарочным Василия вызвал к себе князь Александр.

— Срочно собирай войско! Идём воевать напавших тевтонских рыцарей! Делай всё быстро! Утром выступать!

Войско пришлось действительно собирать в спешке. Многие ещё не вернулись с заготовки припасов. Со всех концов города и слободок поспешили утром в Кремль вооружённые конные и пешие воины.

Город в это время состоял как бы из двух частей, раскинувшихся по обеим берегам реки Волхов. Обе его части были обнесены мощной каменной оборонительной стеной с десятками охранных башен.

Стены имели своё наименование, и назывались они концами. На малой стороне — Плотницкий и Славенский, а на большой стороне — Людин, Загородский, Неревский. Кремль же располагался за обводным каналом и каменной стеной на большой стороне. Обе части города соединял мост через Волхов, начинающийся прямо от стен Кремля. На территории Кремля, за ещё одной каменной стеной, располагались церковь и княжеский двор с конюшней, челядью и военными. Основное воинство в равных долях расположено было по ту и другую стороны города, а вестовые разъезды — по слободам.

Сюда, на большую площадь Кремля, спешили на построение пешие и конные войсковые подразделения.

Построив войско в каре, Василий поспешил навстречу вышедшему на возвышение Александру. Разнеслось по площади:

— Новгородцы! Верные защитники Земли нашей! Опять идёт на нас враг грабить, убивать, обрывать в свою веру. Предстоит нам сразиться с тевтонскими рыцарями. У нас два выхода: всем погибнуть либо вернуться с победой.

Я верю в Победу во Славу Руси!

Под громкие крики одобрения и плачь жён двинулись войска во главе с князем Александром в сторону Чудского озера.

Весна на всём пути следования войск во всю предъявлена свои права. То там, то здесь играли весёлым перебором ручейки и чернели проталины. К берегу озера подтянулись ближе к вечеру. Здесь их ждали ополченцы живущего здесь племени водь — умелые рыбаки, охотники. Они то и посоветовали Александру поставить захватные войска у чёрного камня, а вперёд выслать лёгкую кавалерию. Ещё они подсказали князю, что лёд на озере сильно потончал и под тяжестью может рассыпаться.

Собрав вокруг себя воинских начальников, Александр после долгого молчания распорядился:

— Вот в этом узком месте, — ткнул он в схему озера пальцем, — станет с конницей и пешими воевода Василий. Биться нужно до последнего, давая понять, что это основной отряд. Когда силы иссякнут и рыцари войдут в раж, медленно отступите, а затем бегите в нашу сторону. Выдвигаться нужно сейчас. И побольше костров запалите на месте!

Разведчики крестonosцев, посчитав костры и обилие на их свете теней, пришли к выводу, что новгородцы разместились там основными силами. Так и доложили своему начальству. А те, зная, что со стороны Пскова помощи новгородцам не будет (город был ими уже занят) направили всё своё войско клином на позицию новгородцев.

На рассвете заиграли тревожно боевые трубы, ударили барабаны. Правильным клином надвига-

лись на боевые порядки новгородцев рыцари Ордена Меченосцев и Тевтонского Ордена, сверкая на солнце своими доспехами. Впереди всех, как лезвие ножа, неслась закованная в панцири конница нападающих. Лёд дрожал от тяжести надвигающихся рыцарей.

Василий, несколько волнуясь, выехал вперёд своего войска и прокричал:

— Первыми начинают лучники первого ряда и тут же отходят под щиты второго ряда. Вторая шеренга ввязывается в бой, постепенно отступая за деревянные завалы. Когда конница завязнет в завалах и задние начнут напирать на передних, в бой с двух сторон встречается конница. Когда увидите, что конница рыцарей побеждает, пешие спешно отступают в сторону чёрного камня. Следом туда же отступает конница.

До самого обеда шла безжалостная битва. Василий был в центре боя, подбадривая своих воинов. Дважды выбивали его из седла, но каждый раз выручала его выучка дядьки Афонасия и Вавилы. Вот уже и шлем сбили, и дважды ломалась сабля, а он всё бился и бился. Его седая голова всегда была в гуще боя.

Силы были явно неравны.

Рыцари устелили своими телами лёд озера, но и новгородских воинов полегло немало.

Попятились, а затем побежали пешие, кои живы остались. Отпустив их на значительное расстояние, повернули лошадей и всадники.

Видя явное поражение новгородцев, рыцари скопом погнались за ними и наткнулись на двухстороннюю засаду во главе с князем.

Бой был жестоким, кровопролитным. Когда на малом пяточке скопились основные силы конницы рыцарей, лёд озера не выдержал тяжести и начал рушиться. Началась паника. В это время с тыла налетел с остатками своей конницы воевода Василий, удесятерив панику. Крики тонущих, призывное ржание лошадей венчали победу войска Александра Невского над Крестоносцами.

Труба заиграла отбой, и все устало опустились на лёд и тут же уснули. Понимая, что разгорячённые боем воины на льду простудятся, Александр скомандовал:

— Тащите всех на сани! Подстилайте меха, зипуны и солому! Разжигайте везде костры!

Когда всё было сделано, Александр медленно опустился на колени, а затем вытянулся во весь свой немалый рост и уснул. Василий уснул в седле.

...Десять лет верой и правдой служил Василий своему князю Александру. Десять лет сопровождал он его по пути в Орду и обратно. Десять лет переживал он вместе с ним унижение от ханства, понимая, что в этой ситуации, наверное, поступить

иначе Александр не мог. Он его не оправдывал, он был ему благодарен.

Марьица за это время родила Василию ещё двух сыновей и дочку.

Перед последней поездкой в Орду Александр направил Василия воеводой к сыну Даниилу в Москву.

На обратном пути из Орды Александр умер, оставив в памяти многих величие имени своего во славу Руси.

Московский воевода Василий был среди провожающих его в последний путь и без стеснения плакал.

*Славолюбивый человек служит
игрушкой для умных,
кумиром для глупцов, добычей для паразитов его
и рабом для собственного тщеславия.*

Ф. Бэкон

Наполеон Бонапарт. Путь к славе и поражению

ГРАФИНЕ МАНСАР.
ПАРИЖ.

Милая Сюзи!

Извини, что по-прежнему так обращаюсь к тебе, но так диктует моё влюблённое сердце, несмотря на возраст и длительность нашей разлуки. Даже сегодня вспоминаю наше детство и наши данные не по возрасту клятвы верности в будущем. Я и теперь заявляю без малейшей иронии, что самые верные люди на свете, конечно же, дети. Именно эта детская клятва привела нас в юности к первым объятиям, поцелуям. Помнишь ли ты это? Не затуманили ли годы нашей разлуки твою память? Какое же, Сюзи, это было волшебное время! Для меня и теперь эти воспоминания — единственная отрада и сердечное успокоение. Я и сегодня мысленно брожу с тобой по лугам и тропинкам, где в то время всё принадлежало нам. Что за счастливая это была пора! Мы пребывали с тобой в полной свободе любви и мечты. В это время мне хотелось быть гигантом и обнимать всё вокруг нас, неся тебя на руках. Да, именно это, пусть даже в иллюзиях, делало меня мужчиной, уверенным в своей силе. В придачу ко всему я оказался ещё и романтиком с душой младенца, без налёта жизненной плесени. И первые мои стихи были посвящены тебе, ибо ты и

только ты была моим дыханием, моей мечтой, моим путеводителем в мир грёз о всепоглощающей любви. До сих пор, любовь моя, близкая и далёкая Сюзии, ощущаю на губах своих нежность твоих поцелуев в знак благодарности за посвящение тебе первых моих строк. Тогда я был полон тобой и мог говорить только о тебе.

В объятиях нашей любви, под её гипнозом мы витали в облаках счастья, не замечая окружения и земных забот. А когда оглянулись, то увидели вокруг себя нищих крестьян, копошившихся в парижских свалках и обзлётных рабочих. И всё это происходило на фоне безудержной роскоши знати, особенно короля и королевы. Франция закипала революцией. Появились первые глашатаи этого процесса: Жан-Жак Руссо, Максимилиан Мари Исидор де Робеспьер. Последний открыто заявил: «Мы приближаемся к кризису и к эпохе революции...». Он оказался провидцем. Её волны свободы, равенства и справедливости катились по всей Европе и сомкнулись в смывающий вал в нашем Париже, Версале, в стареющей Франции.

Сегодня, когда идеализированная общественная мысль приближается к осознанию всей правды в оценках тех или иных исторических героев Франции и их влиянию на жизнь поколения настоящего времени, я вынужден открыть некоторую завесу о прошлом наших лидеров с целью

полной характеристики прошедшего, особенно действий военачальников.

Под влиянием нимба непогрешимости многих наших героев прошлого, с их неприкасаемостью, полная характеристика их поступков, какими бы горькими для современников они ни были, — это та правда для молодёжи, которая представляется именно истинной правдой, без белых пятен истории. Не идеализируя этих людей, отмечу: сложным было время их жизни, сложными и неоднозначными были их поступки.

Сюзи! Милая Сюзи! Жизнь и моя Судьба распорядились так, что всё это: время действий, поступки многих из них — стало частью моего миропонимания и легло в основу этого изложения. Излагаю всё так, как это происходило во времени и утвердительно зафиксировалось Памятью.

Помнишь ли ты, как однажды в разговоре с тобой я восхищался прочитанным трактатом Жан-Жака Руссо «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми», где он высказал мнение, что причиной неравенства является частная собственность и политическое неравенство, которое достигает своей вершины при деспотизме. В дальнейших своих жизненных перипетиях убеждался я в правоте этих мыслей не один раз. Ты же со свойственной тебе прямоотой сказала, что необходимо самим делать равными и

счастливыми людей. Быть добродетельными — значит заботиться о счастье себе подобных.

В этот памятный для меня вечер мы долго обсуждали всё это, но так и не пришли к компромиссу. Через многие годы пришёл я к выводу, что и то и другое суждение имеет право на жизнь и на частое проявление. Но мы тогда из-за этого даже поссорились! Помнишь ли ты? Молодость, молодость! До чего же ты порой бескомпромиссна и слишком прямолинейна! Даже сейчас мне стыдно за себя. Стыдно от того, что не сумел сформулировать и выразить мысль о Любви, которая заставляет наш мир сконцентрироваться на одной персоне. Именно она становится центром, и все мысли одолевает одна мечта — быть рядом с тем, кто тревожит сердце. Моё стремление адресовано тебе, моя любимая Сюз!и!

Однако, несмотря на эти видимые изменения в обществе, в многолюдном бурлении парижан, мы не забывали посещать полюбившийся нам букинистический магазин, где могли подолгу обсуждать авторские произведения известных и начинающих писателей. В конечном итоге мы сходились во мнении, что у каждой книги своя доля, свой срок существования. Есть книги, которые не замечены ни читателями, ни критиками. Им суждено пребывать в пыли на чердаках. Есть книги, замеченные критиками и не принятые читателем и наоборот. Здесь каждый о таком

произведении решает на свой лад. Но для нас существовала ещё одна группа — это переизданные произведения с авторскими добавлениями к изложенному, исправлениями, детализацией событий. Именно в них был простор для суждений.

Ты, конечно, помнишь, как в наш бурный спор о недостатках и достоинствах авторского изложения политической обстановки вмешался один из завсегдааев букинистического магазина. Извинившись, он представился слушателем Парижской военной школы, Наполеоном Бонапартом, и тут же начал лихо высказывать своё мнение по обсуждаемому вопросу. Говорил горячо, властно, считая своё мнение единственно правильным и не подлежащим сомнению. Была в его речи какая-то раздражительность и крикливость. Он тогда тебе не понравился, и ты дала ему определение: «Умный, самовлюблённый авантюрист и зазнайка!»

Но именно от этой встречи с Наполеоном я начинаю отсчёт своей дороги-судьбы. И шагал я с ним по этой дороге тридцать шесть лет. Я не был его знаменосцем и зачастую не участвовал на заседаниях штаба, но по выпавшей доле был его порученцем, что позволяло мне постоянно быть с ним рядом и видеть его действия. О нём, Сюзи, написано и сказано сейчас очень много: страшное и нелепое, восхваляющее и уничтожающее, похоронное и бравурное. Но нет в этом одного —

Человека! Человека с его страстями, переживаниями, влюбчивостью, авантюризмом, возвышением своего «Я».

И всё, что я видел, слышал, анализировал за все эти годы, скрупулёзно перекладывал на бумагу. Так постепенно родилось что-то похожее на мемуары. Но, начиная и даже заканчивая отдельные главы по времени, я каждый раз оставался недовольным написанным и зачастую брался за другие дела, но выпустив пар, вновь возвращался к изложению. Меня охватывал какой-то недуг: неотступно преследовали написанные строки, сомнения в правильности отражённого момента или вывода. Это преследовало меня днём и ночью. С этим я засыпал и просыпался. Успокаивало только одно: я вёл записи о Человеке — истории Франции, о Человеке-предводителе, о стратегии многих выигранных баталлий. Я даже писал всё это мысленно в полудрёме, и каждая буква воображаемо светилась долго, как светится пламя свечи, если взглянуть на неё и закрыть глаза. Зачастую ловил себя на том, что затеял не совсем продуманные действия — без всякого плана и схемы написания.

Поверь, милая Сюззи, я был болен идеей осветить действия Наполеона, ибо понимал, что сама Судьба свела меня с человеком, имя которого долго будет будоражить умы многих.

И вот поставлена последняя точка моего произведения. Я ещё раз скрупулёзно, придирчиво прочитал его и почувствовал, что оно возмущённо кричит: «Где читатель? Где многие читатели? Нужно издательство!» Но в моём захолустье под негласным надзором властей мне этого не сделать. Я вспомнил нашу встречу в марте 1814 года, когда в пылу откровенного разговора ты, плача, сообщила мне, что не выдержала одиночества и пять лет тому назад вышла замуж за вдовствующего пожилого графа. В начале того года граф умер, оставив тебе большое имение и издательскую контору погибшего брата. Встреча наша была настолько краткосрочной, что мы даже не сумели выговориться. Через пять дней Наполеон отрёкся от престола, и мы отправились в изгнание на остров Эльба. Опять мы с тобой, любовь моя, расстались на долгие годы, но тешу себя надеждой — не навсегда!

Нарочным высылаю тебе свою рукопись и умоляю тебя, Сюзи! Издай! Только ты сможешь это сделать! Вместе с моими строками изложения пройдишь по годам моего пребывания с моим Наполеоном, а не с таким, как о нём пишут и говорят. Последовательность изложения не меняй!

*Целую, радость моя! Живу надеждой встречи!
Твой Энри*

1. Путь Наполеона на Олимп славы

Есть категория людей, которые от самого своего рождения попадают под покровительство Бога. К этой категории отношу я и Наполеона. Даже по Гороскопу родился он под Знаком Льва (Дом Солнца), что согласно Астрологии означает: эти люди отмечены выдающимися качествами. Как правило, они честолюбивы и одержимы желанием подняться над толпой и, даже будучи самого скромного происхождения, достигают весьма высоких ступеней социальной лестницы. Уверен, что люди такого Знака, как Наполеон, обладают удивительным даром влиять на окружающих людей, подчинять их своей воле и вести за собой даже самыми тернистыми дорогами.

Возвращаюсь к рождению Наполеона. В Записях Гражданского Состояния Франции читаем, что в семье адвоката Карла Бонапарта в портовом городке Аяччо на востоке Корсики родился 15 августа 1769 года мальчик и записали его под именем Наполеон.

Мысленно восстанавливаю историю Корсики до подчинения Франции, и проходят чередой события разных веков: заселение иберийскими и лигурийскими племенами, завоевание римлянами, затем генуэзцами. Только в 1768 году Генуя уступила Корсику Франции. Думаю, часть черт

характера Наполеона: терпеливость, взрывные поступки, стремление к военным действиям, не считаясь с потерями, — были заложены наследственно этой историей.

В часы откровения со мной Наполеон восхищался виноградниками и садами своей Корсики, могуществом Средиземного моря, крепостью города Бонифачо. О своей семье говорил скупно и только однажды проговорился, что жили они очень скромно и ему приходилось даже подрабатывать.

До конца дней своих на этой Земле буду благодарен Судьбе за то, что свела она меня с Наполеоном. У меня на глазах рождался военачальник какого-то нового типа, порой непонятных действий и мышления. Мне очень часто не доставало опыта и знаний для того, чтобы его понять. Приходилось частенько прибегать к истории римских полководцев, приёмы которых в решении боевых задач и стратегии боя, обнаружил я лишь частично в происходящем здесь.

Ещё и ещё раз убеждаюсь в правоте мысли, что бурление народных масс приводит вначале к хаотическим действиям, и только после того целенаправляется, как возглавит эти массы энергичный, мыслящий предводитель. И таковые появляются. Одним из них был как раз Наполеон. Он вырос в среде этого народа и вобрал в себя лучшие черты его. Однако сидел в нём какой-то

особый взрывной чертёнок, который мог выскочить в любое время, и тогда Наполеон становился безудержным самодержцем.

На его взрывной характер я обратил внимание ещё при нашем первом знакомстве в лавке букиниста. Однако отнести его к типу «Холерик» я не смел и тогда. Скорее всего, он соответствует сильному, уравновешенному типу. В правоте этого определения убедило меня всё последующее время нахождения рядом с ним. И все же жил в нём дух авантюризма: он был уверен в своём везении, хитрости. Сейчас, когда его уже нет рядом со мной и лавина восклицаний в прессе зашкаливает, не могу забыть его девиз: «Нужно ввязаться в бой, а тактика появится по ходу его». Ниоткуда такое суждение прийти к нему не могло. Скорее всего, оно возникло в результате размышлений о предшествующем состоянии французского общества и губительном правлении страной.

Природой, воспитанием и образованием заложено во мне умение слушать, запоминать, анализировать. Когда меня мобилизовали в ополчение по защите Революции, находясь в окружении разгневанных людей, наслушался я о королевской семье такого, что перевернуло во многом мои представления. Если бы я не был парижанином, не дышал бы воздухом Родины, не видел бы на улицах баррикады и не слышал бы тяжёлую поступь по мостовой, то, наверное,

многого из истории Франции мог и не знать. Но я жил в этой волнующей и нищей стране!

После короля Франции Людвига XV престол перешёл к его внуку Людовику XVI рода Бурбонов. Вместе с престолом получил наследник пустую казну, государственный долг в четверть миллиардов ливров, нищий народ, придавленный повинностями. Но это всё не мешало с шиком жить знати и королевскому окружению, устраивать дорогостоящие балы. Особенно царствовала в этом королева Мария Антуанетта. Народ ненавидел «австриячку» и все беды приписывал ей. Страна находилась на грани банкротства. Однако король утверждал: «Государство — это я!» И не понял он, не мог домыслить, что федеральная Европа умирает, голову поднимает буржуазия и выступает вместе с народом. Время продиктовало необходимость перемен в государстве и его лидере.

Через много лет после революции во Франции и её последствий один из историков внушал мне, что буржуазный переворот здесь начался значительно позже, чем в Нидерландах или Англии. Сдерживающим фактором якобы были столетняя война с Англией, длительное правление клана Бурбонов. Но тем не менее пар людского недовольства под руководством высшего сословия буржуа и пророков Революции — Робеспьера, Демулена, Дантона, Руссо, Марата — выбросился наружу, и зашагала по Франции кровавая,

долгожданная Революция, которая снесла власть монарха — короля. Его отрубленную голову палач под одобрительные крики толпы высоко поднял на вытянутой руке.

Несколько месяцев назад до этой казни шагал я вместе с поручиком Наполеоном в орущей вооружённой толпе на приступ Бастилии. Именно здесь я впервые увидел в нём командира. Его команды раздавались повсюду. По цепи наступающих перебегал он настолько быстро, что я за ним даже не поспевал. При том он не кланялся пулям и не праздновал труса.

Бастилия, крепость Парижа, построенная в 1382 году, постепенно приобрела известность как государственная тюрьма.

Утро 14 июля 1789 года начиналось с пополнения толпы вооружёнными людьми, среди которых выделялись своим обмундированием королевские гренадёры. Кругом ораторы разных мастей призывали: кто за короля, кто за общенародное собрание, кто за Конституцию. В силу своей политической неподготовленности мне, как и Наполеону, больше нравились выступления якобинцев с их постулатами: свобода, равенство, выборность верховной власти народом, через голосование, принятие основного Закона Государства — Конституции. Мы даже путались в делении сословий: были клиры (священники, монахи, аристократия), второе сословие — буржуа

и беднейшее крестьянство. По нашему разумению, всё это возмущённое выступление было на стороне бесправного сословия.

Идея штурмовать и захватить Бастилию с целью освобождения заключённых по воле королевских министров и судей прозвучала спонтанно, но тут же мобилизовала всю эту орущую толпу к боевым действиям. И когда этот людской поток достиг намеченного, со стен крепости сыпанул град картечи и пушечные снаряды. Кровь первой шеренги наступающих обильно окрасила мостовую. Задние, не видя этого, продолжали надвигаться, подталкивая первых под разящую картечь. Началась паника. Повсюду стоны и крики о помощи. Внезапно в этой орущей и корчащейся толпе раздался ещё не окрепший командный голос Наполеона:

— Залечь и отползти к домам! Срочно зажечь по всей ширине площади костры! Жгите всё, что горит, больше дыма!

Впервые я увидел Наполеона нервно смеющегося, с бледным лицом и зажатой в руке шпагой, готовым убить любого, кто не выполнит его приказа.

Заполыхали костры: жгли действительно всё, что горело. С окон домов бросали мебель, бумаги, книги и даже древесный уголь.

Дым с большим ускорением пополз к крепости, и, когда он накрыл её, ударили пушки и ружья

наступающих. Защищающиеся из-за дыма были лишены возможности вести прицельный огонь, а нападающие получили преимущество.

Бастилия пала. В ликующую толпу бросили коменданта Бастилии — де Лона, четверых захваченных офицеров, троих швейцарских гренадёров. Все они под ногами победителей в скором времени превратились в кровавое месиво.

Революционный вал возмущения вздыбился по всей стране. Даже женщины Парижа из рабочих кварталов 5-го октября 1789 года (моя пометка в записях) устроили вооружённый поход к резиденции короля в Версале. История многих стран подтверждает, что возмущённые женщины повсюду влекут за собой мужчин и всё это сопровождается бойней и кровью.

Начало было положено: пала Бастилия, женский бунт, требование созыва Генеральных штатов, где каждое сословие имело бы свой голос.

Слабовольный король пошёл на уступки. Через шесть недель бесполезных споров вымучено из Генеральных штатов народилось Национальное Собрание — представительство всей нации. В продолжение всех событий в Версале была принята «Декларация прав человека и гражданина».

События нарастали со скоростью снежной лавины. Я даже не всё успевал фиксировать в своих записях. Помечаю только основное, даю общую картину преобразований. Король поспешно

уступал. Это стало известно прусскому королю Фридриху Вильгельму II и австрийскому королю Леопольду, которые обратились к монархам Европы с просьбой оказать Людвигу XVI военную помощь. В ответ на это Конвент принял решение объявить войну Австрии и Пруссии. Вялотекущие военные отношения перешли в активную фазу. Король пытался бежать, но его перехватили и казнили. Через некоторое время под ликование толпы отсекли голову его жене Марие Антуанетте (в моих записях 16 октября 1793).

За заслуги перед Революцией Наполеону присвоили звание капитана и направили в порт Тулон, который захватили англичане. Этот прекрасный город-порт с крупной крепостью для Франции был основным портом к Средиземному морю. Однако французские роялисты предали интересы Отечества и сдали порт вместе с кораблями флота англо-испанцам. Сюда-то и прибыли мы с Наполеоном во главе революционной армии для возврата порта и изгнания союзников.

Основное своё войско Наполеон сформировал и полностью вооружил в Марселе. Мили за четыре до Тулона Наполеон остановил продвижение войск для отдыха. Через сутки Бонапарт собрал штаб и поставил задачу:

— Готовимся к длительной осаде крепости! Действовать будем только артиллерией! Орудия установить по моему плану! По всему периметру

расставить корректировщиков огня! Бить в первую очередь навесно по внутренней гавани и кораблям! Тремя дальнобойными орудиями бить в одно место по стене! Всё население оттеснить на три мили от крепости! Всех вооружённых и сопротивляющихся расстреливать! Трупы ночью отнести под стены крепости! Артиллерия будет бить днём и ночью, для чего постоянно жечь у стен огромные костры! Передать по войскам — трусов, мародёров, дезертиров расстреливать на месте! Вперёд! Вперёд во имя Франции и Революции!

Дня через три, когда уже во всю говорили пушки, я его спросил:

— Зачем под стенами крепости трупы?

— Гнилостный, трупный запах растлевать волю осаждённых, и каждый из них будет думать о собственной жизни. Смерть зачастую путает многие жизненные принципы, — пафосно проговорил Наполеон.

— А для чего около стен крепости костры?

— Дым мешает прицельно стрелять по нашим позициям, а за огнём, особенно ночью, не видны огни выстрелов наших пушек, — картинно выставив вперёд ногу, ответил Наполеон.

На все приготовления к осаде: расставить орудия, обустроить флешы, укрыть боеприпасы, запасти питание и воду, укрыть от ответного огня солдат — понадобилось почти три недели. Я не уверен, что Наполеон в это время спал. Я засыпал,

он не спал. Я просыпался, а он уже не спал. Везде сам, сам, сам.

А вот перед штурмом уснул он сном молодца.

...Три месяца сутками грохот пушек, вой снарядов, разрывы, стон раненых, кровь, кровь, кровь. И за всем этим «пиршеством» наблюдал Наполеон, выставив нижнюю губу, как бы причмокивая. Он мог так стоять часами, не вмешиваясь в ход боя, лишь изредка отдавая приказы по корректировке боя. Наблюдатели докладывали, что во внутренней гавани осаждаемой базы горят корабли и слышны стоны раненых.

...В середине августа, заглушая громы артобстрела, в утробе крепости взметнулось пламя и донёсся мощный взрыв. Всё затихло с обеих сторон одновременно, и тут же поспешно на водный простор на полных парусах стали уходить англо-испанские корабли. Над крепостью взвился белый флаг капитуляции. Крепость сдалась.

Наполеон незамедлительно направил в крепость вооружённый отряд солдат, и, когда оттуда поступил сигнал о полной капитуляции, мы с ним вошли следом. Увиденное заставило меня вздрогнуть: у причалов догорали французские и испанские корабли, валялись разбитые пушки, кругом кровь и трупы с характерным запахом гниения. Меня стошнило, а Наполеон спокойно созерцал эту картину. Минут через десять раздалась команда:

— Все трупы — в море, останки кораблей оттянуть к левому причалу, оружие собрать, всё прибрать и дать всем отдых на двое суток! Вина и мяса не жалеть!

После отдыха закипела работа. Наполеон размещал в крепости войска и орудия, ремонтировал разбитые причалы, разрушенные стены, кроме того, назначил коменданта. Мне же он поручил сформировать структуру управления городком. После долгих раздумий я собрал представительство населения (один человек от десяти), и большинством голосом избрали мы Революционный совет города. Совет выбрал своего председателя. Всем выдали верительные документы с указанием прав и обязанностей.

Только через месяц, когда убедились в деятельности всех и вся, отбыли мы с частью войск в Париж.

Над головой Наполеона вновь засияла звезда Славы. В начале 1794 года ему присвоили чин «Бригадный генерал».

Во время присвоения чина Наполеон внешне особого восторга не проявил. Мне показалось, что этим он демонстрировал своему окружению, что это событие для него ничего не значит, что оно само собой разумеющееся и второстепенное, ибо он достоин большего. Все поздравления принимал сухо, вино не пил. Правда, в скором времени укатил

он на три дня с какой-то молодой графиней в её карете.

...Через несколько лет после всех этих событий пришло наконец-то ко мне понимание революционного процесса, и я вывел несколько этапов в нём:

1. Открытое возмущение всех бедных, полубедных, обездоленных людей властью. В это время появляются представители других сословий, которые не только разъясняют суть происходящего, но и предлагают конкретные меры действий;

2. Массовые выступления достигают вооружённого порога и выплёскиваются во всепоглощающую ненависть не только к правителям, но и к сословию имущих. Происходит крушение, уничтожение, убийство всех и вся. Трупы и кровь убиенных вводит толпы в ликующий экстаз.

3. Формирование единомышленниками и активистами системы Законов по управлению государством. Но процесс этот длительный и кровавый.

По моим соображениям, есть ещё этап (допускаю, не последний), когда лидеры и достигнувшие власти начинают уничтожать сопротивляющихся их идеям и их клану. Идёт опять-таки кровавая борьба за лидерство в руководстве. В этот период зарождается доселе небывалый страх у населения и ненависть теперь уже к вершителям

этого. Создаётся основа вовлечения людей к формированию другого управления.

В конце концов раскрылась перед моим пониманием вся картина произошедшей Революции и её последствий. Во главе этого процесса стали члены политического клуба — якобинцы. Возглавили эту партию Робеспьер, Марат, Дантон и другие. В момент свержения королевской власти был публично казнён Людовик XVI. В ответ на это англичане выслали из страны французского посла. А это было равносильно объявленной войне. Тогда новые революционные правители через свой Конвент объявили войну Англии, Нидерландам и Испании. В этих условиях внешних угроз понадобилось сосредоточить всю власть в одних руках. Началась якобинская диктатура: полное подчинение всех решениям одной партии.

Но чтобы это сделать, нужно было проявить силу относительно тех, кто с этим не согласен или сопротивлялся этому. Наступил период террора. С этой целью был создан революционный трибунал — чрезвычайный политический суд. Решение этого суда обжалованию не подлежало. Арестовывали, казнили всех людей, которые были не согласны с проводимыми мерами или только подозревались в этом. В ответ на такое насилие начались массовые волнения и выступления. Якобинцы, видя в этом угрозу своей власти, мобилизовали в армию мужчин и усилили террор. Только в Париже от

террора в это время погибло более пяти тысяч человек. Возглавлял всю эту махину уничтожения непокорных адвокат Робеспьер. Кровь лилась днём и ночью. Но всякое насилие всегда вызывает протест и соответствующее действие. Это произошло и с якобинцами. Произошёл переворот. К власти пришли более умеренные политики, а всё прежнее руководство расстреляли. Затем большинством граждан была принята Конституция. Удалось прекратить войны. И в 1799 году во Франции был провозглашён первый консул — Наполеон Бонапарт. Но до этого периода Наполеону пришлось пережить ещё одно существенное событие.

Пока мы сражались с ним за Тулон, здесь, в Париже, происходило то, до чего я додумался намного позже. Шла махровая, кровавая борьба за власть. Якобинцы терпели поражение. После падения Робеспьера, началось гонение и на его единомышленников.

Иногда исторические обстоятельства складываются так, что способствуют выдвижению масштабных лидеров. Но эти фигуры проявляются только после стойкого противостояния недругам или противникам. С Наполеоном произошло то же самое. Его взлёт как военачальника вселял страх у теперешних властей. В этот период был он неуютной фигурой. В начале обстреляли его карету. Правда, картечь порвала только мундир, но

это было ему предупреждением. Когда ж стало понятно, что его этим не испугать, противники якобинства спрятали его в тюрьму. Пришлось и мне исчезнуть из его окружения. Так я стал клерком торговой Палаты.

Наполеону всё же зачли его воинские заслуги и из тюрьмы выпустили. Он уходит после этого из действующей армии и устраивается в топографическое отделение Комитета общественного спасения на мизерную зарплату.

На мой вопрос: «Почему сюда?». Он очень быстро ответил: «Быть на виду у руководителей Конвента».

Насколько же он был прозорлив, подтвердили в скором времени события.

Любая власть — переходная, жестокая, парадная, — какой бы она ни была устойчивой, нуждается в информации о действиях различных слоёв населения, их группах, объединениях по вере или интересам. Для этого нужны информаторы. Их подбирают из числа тех же группировок разными методами: подкупом, шантажом, страхом, обещанием власти и др. Они везде. Их оберегают.

В октябре 1795 года эти осведомители сообщили членам Конвента о том, что реалисты, не довольные властью, готовят 5-го октября в Париже контрреволюционный переворот. Город нуждался в достойном противостоянии этому, поэтому

понадобился надёжный начальник военного гарнизона города.

Уже тогда, а сейчас особенно, понимал я, что на ровном месте бунт и разного рода военные перевороты не возникают. Нужна подготовка людей к этому. В моей революционной Франции, с её постоянно дерущимися членами Конвента, выступлениями разного рода проходимцев (даже шпионов других государств), бурно расцвела буржуазия. Ей нужна была абсолютная Власть. Власть любой ценой! Хорошим помощником в этих делах была народная бритва, то есть гильотина.

Под революционным лозунгом «Свобода, Равенство, Братство» творили Добро и Зло.

Срочно назначенное заседание Конвента было бурным, но скоропалительным из-за реальной угрозы переворота. После жарких выступлений было принято решение послать в войска своих эмиссаров для перевербовки на свою сторону канониров и назначить главой Парижского гарнизона Поля Франсуа Жана Никола Барраса. В Конвенте он заседал с 1792 года и слыл одним из рьяных защитников революционных завоеваний.

С моей точки зрения был он человеком-виртуозом, который мог приспособиться к любой обстановке, только чтобы забраться во власть и обогащаться любыми способами. Последующие годы подтвердили это.

Плутоватый Баррас понял сразу, что выполнить эту миссию без военных знаний ему не под силу. Понадобился Наполеон. Переговоры прошли без особых осложнений, ибо у обоих совпали интересы: Баррасу нужно было верховенство во власти, а Наполеону — в военном деле.

Звезда везения опять засияла над головой Бонапарта.

Как никогда Наполеон был готов к новым испытаниям, хотя предложение Барраса льстило ему, но не могу утверждать, что предстоящее не вызывало в нём ту долю сомнения, которая диктуется жизнью и опытом. У него и раньше были более явно выраженные сомнения и метания, особенно когда революция, о которой он мечтал и верил, предстала более грозной, жестокой, опустошительной, чем он представлял. Мысли и чаяния — одно, жизнь — другое. В часы длительных раздумий и наблюдений за окружающими его начинал он внезапно выражать свои мысли вслух, адресуя их мне и себе, становясь при этом каким-то особым философом: «Террор революции породил страх, а страх приумножил то, что мы сегодня имеем: неверие и недоверие, лицемерие и пассивность, трусость, откровенное и скрытое приспособленчество. Вот и Баррас прикрывается моими знаниями и опытом военного дела, стремится удержаться во власти. Я это вижу и

понимаю! Но своего шанса я не упущу! Я вновь буду замеченным победителем!»

Октябрьская ночь, скорее всего, напоминала какую-то сумасшедшую гонку бешеных лошадей. До самого утра стаскивали к дворцу артиллерийские орудия и расставляли на те места, которые обозначал только Наполеон. Он успевал везде, был на всех позициях и лично указывал артиллеристам сектор стрельбы. В умении Наполеона вести бой я убедился утром, когда мятежники пошли на штурм. Генерал Бонапарт устроил в это утро сплошное убийство наступавших. Вначале его пушкари били по хвосту колонны мятежников, чтобы отсечь возможное подкрепление. После видимых разрывов в них по ранее установленным целям в лоб ударили пушки. Десять часов без перерыва артиллерия перемалывала тела мятежников по всем направлениям. Такая же участь ожидала мятежников резерва в церкви Святого Роха. Их убивали гренадёры прямо на паперти церкви.

В окончании кровавой бойни Наполеон участия не принимал, ибо концовку он предвидел и рассчитал её изначально. Обнаружил я его в испачканном кровью и гарью мундире во дворе церкви. Весь его облик и поза кричали: «Я — Победитель! Я — Властелин!»

Всё, чему я был свидетелем в эти дни, осознанно привело меня к выводу, что

талантливейший военачальник Наполеон превращался, и с ускорением превратился, в кровавого монстра, который для достижения своей цели устиляет дорогу тысячами человеческих жизней, даже не задумываясь об этом. На фоне мнимого блага становился он, опьянённый своими победами, сеятелем беды.

Я настолько откровенно пишу о том, что было, ничего не упрощая, не «спрямляя», ибо уверен, что неузнанное, недоговорённое скажется, но уже более жёстко, оглушающе. И всё же при всём этом не могу не отметить, что был он человеком смекалистым, решительным и с задатками лидера. Конвент эти качества оценил и очень скоро Наполеон вновь стал своим.

Однако неугомонному генералу в Париже было тесно и весьма скучно. Думаю, что и члены Конвента задумались об этом и решили отправить неугомонного корсиканца командующим южной армией на границе с Италией. С этого момента засверкала полным светом звезда Славы Наполеона.

Годами раньше этих событий начал я наблюдать постепенный отказ Наполеона от якобинцев. Начал искать причины этого и в конце концов после Парижских событий пришёл к выводу, что он оказался более дальнорким, нежели я. Он сумел рассмотреть, что якобинцы, вместо построения демократического общества и управления им, постепенно перешли к диктатуре,

практически проигнорировав ранее данные народу обещания, и ушли от опоры в поддержке народа. Позабыв о народе, якобинцы начали борьбу за власть между собой. Всё это порождало кризис якобинского правления. Не заметили приверженцы Робеспьера открытых нападок приверженцев Дантона и Эбера. Робеспьер среагировал на это весьма оперативно и уничтожил противостояние. Но он рано праздновал победу. Не обнаружил он заговор против них, и поплатились они своими головами за это под гильотиной на Гревской площади. Но самое главное, не увидели они окрепший размах буржуазии. Всё это было дело их рук: в большом и малом. А вот Наполеон это просчитал и сделал выбор с опорой на военных. Любил он повторять брошенную когда-то фразу бывшего сержанта Лазера Гоша: «Если меч короток — нужно сделать только лишний шаг».

У меня было время для размышлений о событиях последнего года. Раз за разом мозг цеплялся за случай покушения на Наполеона. Он кому-то очень мешал и эти кто-то пытаются убрать его с политической арены. Не сразу, но после долгих размышлений пришёл я к выводу — нужен двойник, а может и два. Справиться с этой авантюрной задачей одному мне было не под силу. Надо было подобрать человека-авантюриста с артистическими данными, схожим лицом, ростом,

манерой передвижения. Раздумывая над этим, пришёл к выводу, что мне может помочь Бомарше. Вот и отправился я к этому известному драматургу Франции. Мне повезло. Несмотря на возраст и болезненный вид, он загорелся этой идеей и поддержал меня словами: «Я создам Наполеона на сцене жизни Франции!»

Бомарше привлек для этих действий рьяного приверженца Революции, известного писателя, но постоянного арестанта — Шамфору Себастьяна Рок Николу. Это он одним из первых ворвался в Бастилию при её штурме. Это ему принадлежат слова: «Мир — хижинам, война — дворцам». Из своей бывалой тюремной братвы подобрал он подходящих под Наполеона двух мужчин, и началось сценическое перевоплощение. Через три дня, правда, одного из них убрали по причине непригодности, но с Пьером занятия продолжились. Через месяц муштры по сцене вышагивал прямо-таки настоящий Наполеон. Для проверки содеянного решили организовать выезд за город.

Новоявленного Наполеона приветствовали. Двойник понравился и Бонапарту. С этого времени я их частенько видел беседующими. Моя придумка в скором времени оправдалась. Во время уроков фехтования двойник подвергся нападению и был ранен.

Итак, впереди маячила Италия. До нашего военного похода об этой стране я имел весьма

поверхностные познания. Мне было известно, что Италия — прародительница культуры, архитектуры, великих поэтов и художников. Знал я также, что в I–II вв. был расцвет Римской империи, в 476 году произошло падение Древнего Рима с образованием в 756 году церковного государства. Омываемая с трёх сторон морями, с прекрасными природно-климатическими особенностями, Италия не могла не привлечь завоевателей. На её территории побывали Германия, Италия, Франция, Сардиния, Австрия. Войны шли здесь с переменным успехом противоборствующих сторон. В Италии даже были города-государства: Венеция, Генуя, Флоренция.

Во время продвижения многочисленной армии через Альпы Наполеон как-то разоткровенничался и выдал своё сокровенное: «Я очень мечтаю о Директории в Париже. Они меня направили воевать с австрийцами, дабы отвлечь этих от германского фронта, а в случае моего поражения вычеркнуть моё имя из бойцов Революции. Но все эти стратеги во мне ошибаются. Я вернусь во Францию из этого похода победителем и создам могучую Францию!»

Уже в апреле против Наполеона выдвинулись войска Сардинии. Но даже я, далеко не стратег военных действий, понял, что участь противника predetermined. Сардинцы расставили свои войска на равнине, рассчитывая на удар своей конницы. Наполеон же затащил свою артиллерию на

плоскогорье и расставил пушки в два ряда, а свою конницу скрытно переправил в тыл сардинцев. Час густой стрельбы артиллерии и нападение конницы со стороны незащищённого тыла противника завершили полное поражение Сардинии. Триумфатор Бонапарт с особым удовольствием подписал протокол о капитуляции Сардинии, выдвинув при этом особый перечень поставок в свою армию: фуража, продовольствия, тягловых лошадей.

С мая 1776 года наши войска начали громить австрийские соединения. Вначале разбили войска австрийцев при Лоди, а затем осадили крепость Мантую. Все попытки австрийцев деблокировать крепость закончились для них плачевно. Окончательную точку в противоборстве Наполеон поставил в 1779 году после взятия крепости и серьёзного разгрома австрийский войск. Опасаясь полного поражения Австрии, император Франц запросил перемирия.

Свершилось ещё одна мечта властолюбивого Бонапарта: он стал королём республики завоёванной Северной Италии.

С подробным отчётом о военном походе на Италию и достижениях направил меня Наполеон летом 1798 году в Париж. Пока я подробно докладывал на заседании Директории о результатах военных действий Наполеона, людских потерях, занятых городах и территориях, оглашал перечень направленных в Париж ценностей, заседатели

ликовали. Один за другим депутаты начали вносить предложения по использованию войск Наполеона против Англии. Не дожидаясь окончательного принятия решения, я сделал ещё один доклад, в котором изложил план Наполеона завоевать Египет и вытеснить полностью англичан из Индии. Новизна, масштабность и стратегическая продуманность наполеоновского плана разделили стратегов во мнении. Два дня шли дебаты по этому предложению Наполеона. С малым перевесом голосующих предложенный план был одобрен. Но никто из них, как и я в то время, не мог догадаться, что они выпустили из бутылки Джина и породили этим грозного безжалостного завоевателя, подражателя Чингисхана и Юлия Цезаря.

Вернувшись в Италию, застал я Наполеона за изучением карты походов Александра Македонского. О моём докладе в Париже выслушал пренебрежительно-спокойно и, не отрываясь от карты, пробурчал: «Я бы и без их согласия двинул войска по своему плану. Я подчиню себе, как и он (Македонский — В. Г.) Индию!» Его самоуверенность вначале даже меня застала врасплох, но немного погодя в сознании прорезалась мысль: «Этот добьётся своего любой ценой и будет победителем. Его поводырь — война! Она ведёт его к желанной Славе! Любая попытка отвлечь его от задуманного, приведёт к провалу. Он хочет быть Великим, и он им станет, бросив к ногам тысячи

жизней! Кровь и людская боль для него неведомы. Он ослеплён своим величием. Он страшен и гениален одновременно!»

В начале июля 1798 года тридцатитысячная армия высадилась на египетский берег и двинулась на Александрию.

Через двадцать дней нашего похода высланные вперёд разведчики доложили, что турки развернули свои войска вблизи пирамид и готовятся к бою.

До этого, когда мы стояли в Александрии, дал мне Наполеон задание поработать в богатейшей Александрийской библиотеке рукописных книг древности и выяснить основные вехи в истории Египта, правлении Александра Македонского и прочитать о законодательстве страны.

Пока наши войска готовились к дальнейшему походу, я уточнил по документам архива библиотеки интереснейшие факты истории и записал их тезисно для Наполеона.

1. Египет расположен на северо-востоке Африки и на Синайском полуострове в Азии. Омывается Средиземным и Красным морями. Основная река — Нил. Она и основа всего земледелия. Основное население — мусульмане-сунниты. Большую часть территории занимают пустыни (Аравийская, Ливийская). Высокая плотность населения. Важнейшие порты: Александрия, Порт-Санд, Сузи, Думьят. Есть крупные города: Каир, Александрия, Эль-Гиза, Порт-Саид, Эль-

Махалла-эль-Кубра, Эль-Мансура. Язык — арабский. История страны перепутана веками и завоевателями. В 322 году до н. э. Египет завоевал Александр Македонский, выстроил свою столицу — Александрию — и воплотил культуру греков. После его поражения долгое время Египет находился под управлением Рима, а затем Византии. В середине VII в. Египет завоевали арабы-мусульмане, и он стал частью арабского Халифата. С этого периода началась арабизация и исламизация всей страны. В 1517 Египет захватывают турки, и до сих пор он остаётся частью Османской империи.

2. В Египте, как нигде, смешалось время и культура разных народов и верований. Особое место занимает древнеегипетская цивилизация, отражение её называется здесь «Дары фараонов — потомкам». Главные из них, конечно, пирамиды в Гизе и статуя сфинкса рядом с ними.

Бытует пословица древних: «Всё на свете боится времени, а время боится пирамид». Пирамиды эти построены в период правления фараонов: Хеопса, Кефрена, Микерина. Облицованы они были плитами белого известняка, а их верхушки покрыты медными листами. Солнце, отражаясь, создавало какое-то замораживающее свечение, вселяя в людей особый трепет и страх. Одна из трёх пирамид (Хеопса) высотой 147 метров.

В столице Древнего Египта (Фивы) размещён крупный комплекс святилищ. Здесь особо выделяется своим величием храм Амина.

На другой стороне Нила, в Долине Царей, хоронили мумифицированные тела усопших фараонов. И это только часть Города мёртвых. Там же возвышаются десятки храмов древности. В открытом поле стоит 18-метровая статуя фараона Аменхотепа III.

Всем Египтом руководили фараоны, создавая через веру единство всего населения. Египетские фараоны, приходя к власти, уничтожали всех приближённых предыдущего фараона, укрепляя так своё могущество над людьми. Основное божество древних было Солнце. Оно встречается в «Книге мёртвых» под разным названием. Чаще всего — Ра. Культ Богов в Египте весьма крепок и велик. Им поклоняются до сих пор.

3. О завоевателе Египта Александре Македонском дошедшие до сего дня записи и настенные росписи гласят в превосходной форме. Есть даже упоминание не только о его походах, созидательной деятельности, но и о его происхождении. Родом он из Греции. Отец — царь Филипп II, мать — дочь царя Эпира Олимпиада. Его отец, воспользовавшись длительными войнами греков с персами и внутренней Спартой, сумел без вмешательства ослабленной войнами Греции создать уговорами и силой свою Македонию в

северной части. Постепенно, помимо горных племён Македонии, захватил он и присоединил к себе Фессалию, полуостров Халкидика (бывшая греческая колония). Захватил Фракию с её золотыми приисками, что дало ему возможность сформировать сильную наёмную армию. В битве под Херонией в 3380 года до н. э. разбил объединённые греческие войска и стал фактическим правителем Греции. Его сын Александр принимал непосредственное участие в этих сражениях. Филипп II щедро одаривал воинов и своих сподвижников. У него было крылатое выражение: «Осёл, нагруженный золотом, возьмёт любую крепость».

Несмотря на свою занятость и уверенность в своей военной силе, Филипп дал Александру достойное образование по всем наукам. Учителем у него был знаменитый философ Аристотель. Именно он сумел вложить в сознание Александра интерес не только к военному делу, но и к зоологии, ботанике, географии, законотворчеству. В последние походы Александр брал с собой учёных разных направлений науки.

Высокоэрудированный, опробованный в боевых действиях, Александр стал реальным претендентом на замену отца, тем более что он пользовался особым уважением в войсках. Филипп всячески препятствовал этому. Он даже женился второй раз. Но после рождения второго сына был

убит во время состязаний. Имел ли к этой смерти отношение Александр и его мать Олимпиада, историки от прямого утверждения уходят.

При поддержке части армии Филиппа вначале стал Александр командующим этими войсками, а после полного подчинения остальных стал полноправным царём Македонии.

Молодой царь во главе огромной армии подчинил все соседние племена и совершил свой военный поход, без особых потерь и боёв дойдя до Дуная, попутно подчинил себе и проживающие здесь племена.

В это время против него восстали греческие города — Афины и Фивы. Развернув срочно своё войско, всей мощью ударил по Фивам и сравнял город с землёй. Поражённые его действиями, афиняне трусили и немедленно подчинились ему.

Александр считал себя представителем всех греков и поэтому принял решение пойти войной на известных противников Греции — персов. В 334 года до н. э. переправился он с войсками через пролив Дарданеллы и ступил на земли Азии. В первом же бою на реке Граник он разбил часть войск царя Дария, открыв себе путь в Персидскую империю.

Раз за разом малыми и большими людскими потерями Македонский побеждал персидские войска и, окончательно победив персов при

Ниневии, стал полноправным властелином Персии с её несметными богатствами.

В захваченном им Египте решил он построить столицу на берегу Средиземного моря и назвать её в свою честь Александрией. Подчиняя себе те или иные территории, Македонский сразу же устанавливал свою централизованную систему власти, землеустройство, производство, судебно-правовую систему. Он везде и всюду пытался показать, что он не только завоеватель, но и созидатель. Однако на первый план он всё же ставил военную силу. Сохранились записи: «Когда Александр не смог развязать хитроумный Гордиев узел, он рассёк его ударом меча, показав всем, как можно решить задачи ради цели».

Историки утверждают, что броская роскошь, постоянные торжества и длительные пиршества вскружили голову Александра, и в Египте он объявил себя воплощением бога Амона. Если в Египте это восприняли с восторгом, то в основной Греции и в войске начали роптать. А тут ещё и неудачный поход на Индию. Не удалось Македонскому увидеть воды Ганга, ибо пришлось ослабленное своё войско повернуть назад.

Во время великих торжеств в Вавилоне Александр заболел и скоропостижно скончался, не увидев рождения сына.

После его смерти начался делёж огромной империи между военачальниками. Пталемей взял

Египет со столицей в Александрии, заложив династию Пталемеев, которые правили здесь более ста лет. Селевк забрал восточные провинции со столицей в Антонии. В самой Македонии правил вначале ставленник Александра — Антипатр, а позже — потомки полководца Антигона, которые расположились в столице Фессалоники (Салоники).

Во всех этих государствах придерживались культуры и правопорядка Греции, но и сохраняли некоторые элементы местных обычаев и искусств.

4. Большая часть древней истории Египта и правления им изложена в настенных иероглифах и записях «Книги мёртвых». Известно, что основой и опорой всех правителей Египта в разное время до его распада была религия с культом Богов. Начиная с Древнего Египта, всё окружающее человека имело своего Бога, перед которым преклонялись (Бог Земли, Бог Солнца, Бог Воды и т. д.). Пожалуй, раньше других государств в Египте появился класс служителей культа — жрецы. Они были одновременно и чиновниками: подсчитывали и распределяли доходы от хозяйств, занимались наукой, единением населения.

Если представителем Богов был жрец, то на местах правил фараон. Административными органами власти руководил его назначенец — визирь. Из доступных отрывистых сведений можно сделать вывод, что уже с 3000 г. до н. э. в Египте возникло и действовало Египетское право и

заседание судов с делением преступлений на уголовные и гражданские. Постепенно под натиском времени, завоеваний меняется вера и укрепляется власть царей. Что бы здесь ни происходило, но Египет, объединившись, стал богатейшей, образованнейшей страной. Но во все времена, кто бы ни правил Египтом, основная ставка делалась на вооружённые силы для сохранения государственности.

...Итак, на виду у пирамид развернулись для боя турецкие войска. Наполеон действовал своим опробованным не один раз методом: выдвинул во фронт артиллерию, отвёл первые ряды войска за предел полёта снарядов, а конница заняла позиции наступления с флангов и тыла войск неприятеля.

Через час непрерывной канонады с обеих сторон, когда от грохота, стопа и пыли трудно было вообще что-либо понять, Наполеон каким-то своим внутренним чутьём уловил момент перелома боя и дал команду к наступлению коннице и пехоте. Ещё около часа наши воины добивали турок. Страшное зрелище предстало перед нами: остервенело отбивавшиеся турки с упоминанием имени Аллаха, корчившиеся в конвульсиях раненые, кровь, кровь и россыпь трупов. Внезапно среди этого поля брани, сидя на коне, Наполеон прокричал: «Добить всех раненых! Нашим оказать медицинскую помощь! Трупы собрать и отдельно захоронить! Пленных

поставить на колени, хочу на этих воинов посмотреть вблизи!»

Я не узнавал Наполеона, и когда он отдавал приказы, и когда с пренебрежением прошёлся перед турками, стоящими на коленях, как бы изучая каждого из них, и когда подскакал к огромному сфинксу, пристав в стремених, протягивая к нему руки.

Для меня он предстал совсем другим, нежели я его знал ранее. Предо мной был безжалостный, кровавый предводитель войск с первостепенной целью — Власть! Власть над всеми и всегда! Власть в большом и малом, без всяких приличий. Похоже, он давно был болен Властью, и теперь она разъедала его мозг, диктовала действия, превращаясь в потребность.

На мой вопрос: «Для чего нужна была такая жестокость к уже поверженному врагу?» — получил обескураживающий ответ: «Всем и врагам своим вселяю страх. Страх парализует волю и деморализует общее противостояние мне, а это делает меня непобедимым и сохраняет жизни тысячам солдат моей армии. Кстати, так поступал и Александр Македонский!»

Двое суток стояли мы вблизи пирамид, приводя в порядок наши войска и любуясь величием творений прошлых поколений.

Путь к Кипру был настолько прост, что зачастую поход этот казался лёгкой военной прогулкой. Кипр сдался без сопротивления.

Поход наших войск в Сирию окончился неудачно, к тому же от безводия я заболел, и меня в сопровождении двух гренадёров отправили в Париж. Сам же Наполеон со своим войском после неудачной осады Аккры в августе 1799 покинул Египет.

Думаю, что ещё в Египте задумал Наполеон захватить власть во Франции. В своих предположениях я не ошибся и в скором времени в этом убедился. Как только в октябре он въехал в Париж, тут же пригласил к себе ведущих банкиров столицы. О чём он с ними говорил и как, я не знаю, но несколько миллионов франков, лежащие на столе, красноречиво свидетельствовали о благополучном исходе встречи при полном взаимопонимании сторон. Деньги для Наполеона были только нижней ступенькой к власти. По тому, как он энергично вышагивал по кабинету, внезапно замирая и хмурясь, можно было понять, что основные его действия ещё впереди. Всё дальнейшее завертелось, как хорошо смазанное колесо кареты: без скрипа и тряски. Выращенные верные Наполеону генералы полностью поддержали его мнение, что пришло время спасти Республику. Пьер Корнэ, присутствующий при этом, получил следующее задание:

— Сегодня и завтра выступи аргументировано в Совете с тревогой о деятельности террористов, готовящих свержение власти Республики. В связи с этим нужно назначить единого начальника над всеми вооружёнными силами столицы и окрестностями. Убеждай как угодно, но этим войсковым начальникам должен быть я.

Многочисленные выступления Пьера Корне возымели действие, и совет единогласно назначил генерала Наполеона Бонапарта главнокомандующим всеми вооружёнными силами страны. Это была уже не вторая ступень ко власти, а платформа к решительным действиям. Действия начались уже на следующий день. Наполеон на заседании депутатов предложил изменить Конституцию и перейти к управлению страной через избрание Консула. В начале депутаты начали массово выступать против, но штыки ворвавшихся в зал grenадёров убедили их в обратном. Предложение Наполеона было принято. Их трёх избранных Консулов первым был избран Наполеон Бонапарт. Власть теперь была в его руках! Наполеон торжествовал!

Полгода Наполеон занимался перестановкой кадров вверху и внизу, подбирая преданных ему людей, обеспечивая их при этом финансами.

В мае 1800 г. Наполеон вновь отправляется в северную Италию на войну против австрийцев. Меня он оставил на месте с наказом:

— Проработай внимательно Римское право. Сопоставь его с Греческим и сделай набросок изменений в нашем законодательстве. Выдели отдельно Гражданское право с защитой интересов личности гражданина. Отдельно составь свод основных законов по уголовному и торговому праву. Все юридические нормы должны быть направлены на защиту целостности Республики, защиту интересов граждан.

Постарайся определить во всех этих делах роль Государства. а изменения Конституции обрабатываем вместе, когда я вернусь с победой.

К достойной славе своей Наполеон одержал победу и разгромил австрийцев в марте 1802 г. В Амвене подписал мирный договор с Англией. Непобедимый Наполеон положил конец девятилетней войне с Европой и прибрал для Франции остатки Бельгии, Люксембург и все германские земли на левом берегу Рейна.

В первый же день возвращения Наполеона я увидел в нём совсем другого человека. Сохраняя свойственную невозмутимость, незамедлительно принялся он изучать мои записи, проекты, периодически призывая меня для уточнения. Весь год без отдыха просиживал за чтением и письмом, забывая частенько пообедать. Постепенно из-под его пера выходил новый, далеко не буржуазно-революционный свод юридических норм. Из раза в раз внушал он мне: «Эти законы должны быть

конкретными, без второго толкования, понятными для всех. Законы Франции должны стать символом постоянства страны на все времена!»

Частенько применял он и греческую демократию: посылал меня для обсуждения законов в народ. По результатам таких визитов вносил некоторые поправки в свои записи.

Только в марте 1804 года, после обсуждения комиссией, кодекс законов был подписан Наполеоном. Это стало основной ступенью восхождения на олимп его славы.

Уже в апреле французский Сенат наделил его титулом «Император французов». В конце года в соборе Нотр-Дам Папа Пий VII торжественно венчал и помазал Наполеона Бонапарта на царствование.

Получилось так, что мне не пришлось быть на пышных и длительных торжествах по этому случаю, но мысленно я делил с ним его радость, ибо он был достоин этого.

В 1805 году вспыхнула новая европейская война против Франции. Противниками выступили Великобритания, Австрия, Россия. По рекомендации врачей мне пришлось покинуть войска, поэтому все военные баталии зафиксированы в моих записях по времени действий:

1. 2-го декабря Наполеон разбил вблизи Аустерлиц войска русских и австрийцев. Император Франц запросил мира и уступил Наполеону

Венецианскую область, Фриуль, Далмацию. Юг Италии стал французским.

2. На стороне России выступила Пруссия. В октябре 1806 года сразу в двух направлениях Наполеон полностью уничтожил прусские войска. 27-го октября Наполеон торжественно въехал в Берлин.

3. Более кровопролитными были бои с русскими. Та и другая сторона солдат не жалела. Поле боя было застлано трупами. И всё же Наполеон разбил и эти войска под Кёнигсбергом. Русские бежали, бросив раненых, артиллерию. Полное поражение заставило российского императора Александра I подписать мирный договор с Наполеоном. 8-го июля 1807 года Россия стала по этому договору союзницей Франции.

4. В октябре Наполеон со своей непобедимой армией захватил Пруссию и через шесть месяцев оккупировал Испанию (правда, ненадолго).

5. В 1809 году против Франции опять пошла войной Австрия. Недолго думая, Наполеон перебрасывает всю свою военную армаду против австрийцев. В июле под Ваграмом полностью разбил армию Австрии (только убито было около 32 тысяч человек) и на переговорах с королём Францем заставил его отдать для Франции Карантию, Крайну, Истрию, Триест, часть Галиции и выплатить контрибуцию в размере 85 миллионов франков. К 1810 году Франция, благодаря

Наполеону, владела большинством стран Европы. Не входила сюда только Великобритания. Из всех этих государств везли в страну золото, ювелирные изделия, шедевры национальной культуры, продукты питания; они же пополняли своими солдатами армию Наполеона. Но и этого ему было мало. Ко всем тяжестям, которые испытывал народ от французского владычества, прибавилась ещё одна: специальным Указом в этих странах были запрещены производство и торговля без санкции Франции.

Думаю, что именно на фоне этих успехов у Его Величества Наполеона «закружилась голова», и он нацелился на Россию.

2. Дела любовные, дела сердечные

Назвать Наполеона красавцем невозможно даже с натяжкой: низкорослый, несколько пастозный, с выделяющимся животиком. И при всём этом, кроме таланта военачальника, имел он талант привлекать к себе внимание женщин. Его раздевающий женщину пронзительный взгляд заставлял трепетать сердца многих красавиц, и они стремились к нему под разным предлогом. Я не помню такого военного похода, когда бы его не сопровождала женщина. Должен признаться: дурнушек среди них не было. Мешали ли женщины

его военным успехам? Утверждаю, что нет! Думаю, что именно они, давая ему сердечную отдушину и жизненную радость, побуждали его к решительным действиям.

Разумеется, наблюдать за человеком со стороны намного проще, чем тому ежедневно кипеть в своём особенном жизненном котле.

Первую жену Наполеона, Жозефину, знал я весьма приблизительно, а её поведение и того отдалённой. Сам Бонапарт о ней особо ничего не говорил, а шушуканья о ней служанок нельзя было принимать на веру. Я всегда следовал правилу: есть жизненный факт как реальность, но есть события, порождённые слухами. И чем массовой эти слухи, тем реальной стать им жизненным фактом. В этом-то и кроется опасность. Зачастую слухи зарождаются и распространяются умышленно, по заказу кого-то, с определённой целью. Всё это требовало от меня стократной проверки на предмет реальности того или иного факта. Это сегодня, по истечению многих десятилетий, о Жозефине могу заявить, что была она сексуально озабоченной молодящейся дамой с большим опытом ублажения мужчин в постели. Красавцев партнёров меняла весьма часто и так же часто за большие деньги делала аборт, что и привело её к бесплодию.

И всё же знакомство с Жозефиной и совместная жизнь с ней не перешли в форму

доверительности. Однако и настороженностью это назвать не могу. С годами узнал я о ней многое.

Воспроизвожу всё последовательно, как известное, так и неизвестное.

В группе Наветренных гористых островов Вест-Индии, в семье французского плантатора Жозеф-Гаспар Таше де ла Пажери родилась 23 июня 1763 года дочь Мари Роз Жозефина Таше де ла Пажери. В семье поговаривали, что Жозефине ещё в детстве предсказала старуха-негритянка, что она станет больше, чем королева.

Юность Жозефины Таше прошла в поместье отца в окружении плантации и 150 рабов, работавших на них. Во Франции, благодаря интригам её тётки Дезире, младшую сестру Жозефины сосватали за отпрыска богатого аристократического рода де Богарне. Тётка была любовницей отца жениха — Франсуа, виконта де Богарне. Но вскоре после договорённостей о свадьбе в возрасте 12 лет Кэтрин умирает от туберкулёза. Свято место пусто не бывает: вместо младшей, умершей дочери, Иосиф-Гаспар Таше выдаёт замуж за Александра де Богарне старшую дочку. 16-летняя Жозефина отправляется во Францию, где сочетается браком с 19-летним Александром.

Брак оказался неудачным, однако он принёс Жозефине двух горячо любимых детей: сына и дочь. Эжен де Богарне впоследствии стал вице-

королём Италии и герцогом Лейхтенбергским. И Ортанс де Богарне — женой голландского короля Людовика Бонапарта и матерью Наполеона III.

В марте 1785 года супруги развелись. Три года Жозефина наслаждалась свободой, с удовольствием окунувшись в мир модных лавок и светских салонов. Когда все возможные финансовые ресурсы были исчерпаны, ей пришлось вернуться в родной дом на Мартинике. Революция 1789 года изменила её судьбу. В 1790 году Жозефина снова уехала во Францию.

Между тем в 1789 году Александр Богарне был избран депутатом Генеральных штатов. Несмотря на своё дворянское происхождение, он поддержал требования депутатов от третьего сословия о равноправии граждан, вошёл в состав Национального собрания, где занимал посты секретаря и президента собрания. Высокое положение бывшего мужа позволило Жозефине войти во многие столичные дома и салоны.

В 1794 году генерал Богарне был назначен командующим Рейнской армией Французской республики, но после принятия якобинским Конвентом закона о недопущении дворян к службе в революционной армии вышел в отставку. По ложному доносу о его бездеятельности при обороне Майнца он был арестован как враг народа и гильотинирован 23 июня 1794 года — в день рождения Жозефины. Смертельная опасность

нависла над всеми его родственниками. Жозефина также была арестована и приговорена к казни. В тюрьме Карм она стала любовницей также содержавшегося там генерала Гоша. Однако после переворота 9 термидора и последующей казни Робеспьера смертный приговор был отменён, а сама Жозефина вскоре была освобождена.

Финансовое положение Жозефины после выхода из тюрьмы было крайне сложным: имущество бывшего мужа оказалось конфискованным, а сообщение между родной Мартиникой, откуда она могла получать определённые денежные суммы, и метрополией было фактически прервано из-за непрекращающейся войны с Англией. Овдовевшая Жозефина завязывает дружеские отношения со многими представителями столичной богемы и становится любовницей политического деятеля виконта де Барраса, одного из лидеров термидорианского переворота, который снимает для неё уютный особняк на улице Шантерэн. Жозефина стала видной фигурой парижской светской жизни, одной из главных причудниц и законодательниц моды и пропагандисток неогреческого стиля женской одежды. В 1795 году в салоне своей ближайшей подруги Терезии Тальен Жозефина познакомилась с генералом Бонапартом. Наполеон был на шесть лет моложе неё, и в то время едва ли существовали предзнаменования той блестящей карьеры, которая ждала офицера

артиллерии. На первый взгляд стильная вдова и молодой генерал не имели ничего общего, но их роднило очень многое. Оба они родились на маленьких острова: Наполеон — на Корсике, Жозефина — на Мартинике. Родным языком Наполеона был итальянский, и он поначалу говорил по-французски с сильным акцентом. Жозефина покинула Западное полушарие в 1779 году, чтобы выйти замуж за молодого парижского аристократа. Наполеон и Жозефина после приезда по Францию чувствовали себя там чужими. Им нужно было ассимилироваться и освоить так интригующий их этикет парижского общества. И Наполеон и Жозефина познали бедность, а во время революции сидели в тюрьме.

По свидетельствам современников, Жозефина отличалась расточительностью, а виконт де Баррас, возможно, не пожелал чинить препятствий её новым отношениям. Совершенно очарованный Жозефиной, Бонапарт сделал ей предложение в январе 1796 года. Несмотря на колебания Жозефины, брак между ними был заключен 9 марта 1796 года. Через жену Наполеон получал доступ в высшие коридоры власти Директории и связям в тогдашнем французском светском обществе. В то же время Жозефину брак с революционным генералом прочно страховал от придирок нового режима и обеспечивал ей статус добропорядочной женщины. Брачный контракт Наполеона и

Жозефины полон сознательных неточностей и выдумок. Так, ради Жозефины, которая была на шесть лет старше Бонапарта, неправильно указаны годы брачующихся (Наполеон якобы прибавил себе два года, Жозефина сбросила четыре, и разница исчезла).

Родственники Бонапарта прохладно отнеслись к его браку с овдовевшей матерью двоих детей. Особенно негативное отношение демонстрировали его мать и сестры, значительно проигрывавшие в сравнении с эффектной Жозефиной. На протяжении всех тринадцати лет брака Наполеона и Жозефины семейство Бонапарта не переставало чинить козни против «вдовы Богарне», бесконечно подталкивая Наполеона расстаться со «старухой».

Через два дня после свадьбы Наполеон был вынужден оставить Париж, чтобы принять командование французскими войсками в Италии. Прибыв на место, он отправил супруге множество писем со страстными и настойчивыми просьбами приехать к нему, на которые Жозефина, воспитанная в традициях вульгаризма восемнадцатого века и, по-видимому, не предполагавшая, что основой брака может стать романтическая любовь, отвечала сухо и небрежно.

27 июня 1796 года, уступая требованиям мужа, Жозефина отправилась в Италию в сопровождении Жозефа Бонапарта, Жюно и Ипполита Шарля, адъютанта генерала Леклерка, с которым она тогда

переживала роман. Но, кроме любовных, её с Ипполитом связывали также деловые отношения: совместно они принимали участие в финансовых махинациях, связанных с поставками в армию. Больше года Жозефина провела в Италии, живя с Наполеоном во дворцах в Милане и его окрестностях. 2 января 1798 года, после заключения Кампо-Формийского мира, состоялось её возвращение в Париж, по случаю которого министром иностранных дел Талейраном был устроен торжественный приём. В марте 1798 года информация о финансовых махинациях и предосудительном поведении Жозефины была передана Наполеону. Бонапарт пришёл в ярость, но Жозефине удалось успокоить его, убедив в беспочвенности слухов. Раздражённо отвергнув все обвинения в свой адрес, она предложила развод, если Бонапарт не доверяет ей. В июле 1798 года, находясь в Египте, Наполеон вновь узнал от брата о неверности своей супруги. На этот раз он не пожелал слушать объяснений и отправил брату Жозефу письмо, в котором просил о подготовке развода. Но это послание попало в руки англичан, а последующая переписка была прервана в связи с потерей флота. Узнав о прибытии супруга во Францию, Жозефина отправилась к нему и приложила все усилия, чтобы отговорить его от развода. Она отдавала себе отчёт в том, что, для того чтобы продолжить отношения с Наполеоном

на пике его славы ей потребуется расстаться с Ипполитом Шарлем. В доказательство своей невинности перед мужем устроила настоящий спектакль: рыдая крупными слезами, стояла перед ним на коленях, поднимая вверх руки, просила Бога вразумить Наполеона о её преданности супружескому долгу. И Бонапарт не только простил Жозефину и отказался от развода, но и оплатил огромные долги, которые она сделала в его отсутствие. Как бы то ни было, после этого эпизода отношение Бонапарта к Жозефине изменилось, чему отчасти способствовало то обстоятельство, что во время египетской кампании любовницей Наполеона стала двадцатилетняя Маргарита-Полина Белиль, жена одного из младших офицеров французской армии, вскоре прозванная Клеопатрой Наполеона. Теперь чувства Жозефины вроде как переродились в любовь и преданность к мужу, в то время он не перестал заводить на стороне кратковременные интрижки и длительные любовные связи. Также их семейная жизнь продолжала омрачаться частными размолвками, связанные с бесконечными долгами Жозефины.

В наполеоновском дневнике, переданном мне, читаю: «Ты считаешь меня таким же, какими являются окружающие тебя мужчины. Но я не такой, чёрт побери!» Чуть раньше следует запись: «Женитьба на Жозефине де Богарне (это имя дал он

ей сам) позволяет мне установить связь с партией аристократов».

Ещё до отъезда супруга в Египет Жозефина приобрела в рассрочку замок Мальмезон, заказала его полную реконструкцию и перепланировку. Наполеон оплатил эти неслабые расходы.

Теперь первая леди Франции счастлива донельзя. Светские приёмы, балы, внимание публики и руководителей всех мастей. Мальмезон становится точной копией Версаля.

В перестройке и отделки всех комнат замка принимали участие придворные архитекторы Пьер Фонтен и Шарль Гарнье, которые и заложили стиль ампир. Весь замок был перестроен и меблирован в античном стиле.

При замке был разбит английский парк, сделаны пристройки в неоклассическом духе. Власть и деньги делали своё коварное творение.

Всем на загляденье Наполеон отделал себе роскошную загородную резиденцию. Золота и серебра, вывезенного из завоёванных стран, было достаточно на всё.

Мне приходилось частенько бывать здесь, и каждый раз я был ошеломлён богатством и продуманностью убранств помещений. Больше всего поражали меня своей роскошью тронный зал и спальня Наполеона. Здесь, начиная с трона Цезаря, выпячивались не только богатство, но и дух властелина.

Богатство богатством, но власть превыше всего. Весьма часто заставлял я Наполеона у карты Европы. Особенно внимательно рассматривал он территорию России до Москвы. Уже тогда закралась у меня мысль: «А не мечтает ли он стать властелином большой империи, включая Россию?» Укрепило меня в этой мысли и то, что он договорился с Англией не поставлять в Россию сукно, из которого шили солдатское обмундирование. И Жозефина прекрасно осознавала величину амбиций Наполеона Бонапарта: он хотел основать династию французских правителей. Для этого нужен был наследник, ибо эту прореху приёмными детьми не заткнуть.

Жозефина отчётливо понимала, что бесплодная жена Наполеону не нужна. В 1800 году выезжает она на лечение от бесплодия на воды в Лотарингию, курорт Пломберье. Два года попыток зачать не дали результатов. Предвидя надвигающийся развод, она постоянно нашёптывала Наполеону: «Я делаю всё, что могу. Проблема в тебе, Бони».

Масло в огонь подливали ещё мать и сестра Наполеона, адресуя свои характеристики в адрес Жозефины: «Старуха! Мотовка! Пустое ведро! Она тебя обманывает!» О несуществующем своём бесплодии Наполеон усомнился ещё, когда жил во время египетской кампании с любовницей, женой офицера — Маргаритой-Полиной Белиль. Однажды во время одной из любовных утех она прошептала

ему на ушко: «Я беременна!» Тогда он это отнёс к проказам мужа, а в скором времени они и расстались.

Но Жозефина была бы не Жозефиной, коль быстро бы сдалась в своих намерениях остаться женой Наполеона. Вместе с главой французской полиции Жозефом Фуше начинают они массивный шантаж против Наполеона.

Жозефина всячески намекает мужу о бессмысленности основания династии, ведь тот явно бесплоден, шансов занять собственного наследника у Наполеона нет. Интриги пылкой креолки пошли прахом в 1804 году, когда Наполеон Бонапарт короновал себя и свою жену, обретя титул императора Наполеона I.

Как впоследствии писали и утверждали многие, ситуация с бездетностью новоявленной 41-летней императрицы Франции, о чём втихомолку шушукались на всех светских раутах Парижа, пока что не составляет большой проблемы, ибо 1802 году у Гортензии (Органс) де Богарне (дочери Жозефины) и Луи Бонапарта (младшего брата Наполеона) родился сын Наполеон-Шарль, объявленный императорским наследником. Но в 1807 году пятилетний Шарль умер от простуды, а годом ранее случилось событие, ставшее подлинной катастрофой для будущего Жозефины Богарне: 19-летняя Элеонора Денюель де Ла Пленье, ставшая в 1805 году любовницей

Наполеона Бонапарта (Элеонора была чтицей у Каролины Бонапарт, сестры Наполеона, с ним её свел маршал Мюрат, муж Каролины), родила Шарля Леона, точную копию императора!..

Я был свидетелем начала любовного романа Элеоноры и Наполеона. Всё началось с организации маршалом Мюратом пикника на природе. Сестра Наполеона, Каролина, пригласила и 19-летнюю свою чтицу. Молоденькая женщина не заметила ловко расставленных оболъстительных сетей.

Начитанный Наполеон Бонапарт увлёк её своими знаниями истории, литературы, искусства. Похоже, что эта юная головушка давно желала иметь такого друга-собеседника. Они уходили от всех беседуя и возвращались беседуя. После этого выезда на природу Наполеон зачастил в дом сестры. Он увозил Элеонору якобы на выставку художника или на прогулку. Через какое-то время соблазнитель Наполеон уложил это юное создание, влюблённое в него до беспамятства, в свою постель. А дальше всё пошло по законам биологии: зачатие, рождение.

Рождение внебрачного сына, первого отпрыска, наводит императора на мысль: а так ли он бесплоден, как клянётся его обожаемая жёнушка? Способность к воспроизводству Наполеона было окончательно закреплена в 1810 году: после любовной связи 24-летняя польская графиня

Марыня Валевская родила ему второго бастарда — Александра.

Разумеется, всех любовниц Наполеона я не знал, ибо среди них были и «одноразовые».

Но в моих дневниках очень много тёплых записей посвящёно графине Марыне (Марии) Лончинской (Валевская по мужу). Есть там и пометки о Белиль. О Полине Белиль моя запись гласит: «Очаровательна, соблазнительная внешне, но без мозгов в головушке. Наполеон пустышек не терпит».

...Слава и весть о непобедимом завоевателе Европы, Наполеоне, летела впереди его кареты. Везде многочисленные толпы приветствующих и любопытных обывателей. Торжественные встречи чаще всего заканчивались пиршеством, на котором женщины демонстрировали свою красоту и женские прелести. Такому проявлению способствовала зародившаяся во Франции новая культура: свободная, без обязательств любовь полов.

За свои реальные деяния Наполеон Бонапарт заслуженно был объектом обожания: с колен поднялась промышленность, окрепло сельское производство, богатели банки, расцвела литература, искусство, образование, всеильной стала армия, и, самое главное, он издал «Гражданский кодекс», в котором расписал всё и вся. Его величию способствовало привлечённое окружение: художники Франсуа Жерар и Жак-Луи Давид, Гёте,

композитор Иозеф Гайдн, многочисленная рать офицеров. Постепенно был создан миф о великом, любимом, непогрешимом Наполеоне. Даже кардинал Джованни Капрара нашёл нового святого, имя которого Наполеон. Да и сам Бонапарт не один раз говорил: «Моё имя будет жить столько же, сколько имя Бога». И школьникам внушали: «Императору надобно подчиняться, поскольку сам Бог сделал его министром своей власти на земле».

Вот и трепетали от всего этого женские сердца, ниц падали чиновники, лаврами венчая голову Наполеона. Они были согласны на всё, лишь бы быть замеченными Им и прикоснуться к Нему.

...В начале 1807 года со всех мест Польши ехали и шли в городок Булонь толпы жителей. Ещё бы! Ведь сам Наполеон с армией прибывает на временный постой.

В толпе встречающих карету Наполеона обратил я внимание на молодую полячку необыкновенной красоты. Заметил её не только я, но и император. А когда она его поприветствовала на французском языке и вручила букет цветов, он мило ей улыбнулся и пригласил во всеуслышание на бал в Варшаву. Ещё и пыль за каретой Наполеона не осела, как прозвучало от него задание узнать всё о красотке и проследить, чтобы прибыла та в королевский дворец на торжественный бал.

Через два часа я уже докладывал, что панночку зовут Марыней Валевской, она из небогатой семьи

Ланчинских и замужем за богатейшим графом Анастасио Валевским. Есть ребёнок. Во время доклада показалось мне, что Наполеону было всё это безразлично. Он всецело был поглощён ещё одним любовным похождением. Внешне в это время напоминал он мне ястреба, наметившего с высот своих жертву. Таким я его видел однажды в Париже, когда от него ускользнула в Америку красавица мадам Рекамье — хозяйка мужского салона.

Шляхта старалась угодить Наполеону, видя в нём освободителя от гнёта России, Австрии и Пруссии, в связи с чем и привезли в королевский дворец на встречу самых красивых полячек, зная слабость Наполеона к женскому полу. Среди них была и Марыня. Фурор произошёл во время танцев: из всех выставленных ему красавиц выбрал он Марыню и протанцевал с ней весь вечер. Я слышал прощальный их разговор:

— Марыня! Я очень желаю продолжения наших встреч.

— Это невозможно, сир!

— Почему?

— Я замужем.

— Это для любящих сердец не является помехой.

— Для этого нужно любить, сир.

— Я докажу свою любовь, Марыня!

— Я не желаю этого, — всхлипнув, закончила разговор красавица.

Взыграло от отказа уязвлённое самолюбие всепобедителя. Ранним утром следующего дня ехал я уже в имение графа Валевского к его жене с огромным букетом красных роз и письменным приглашением Бонапарта. Она не ответила. К вечеру всё повторилось. Результат тот же. Целый месяц влюблённый Наполеон гонял своих порученцев к Марыне с подарками и письмами о встрече. Во имя любви все военные дела были отодвинуты на второй план, а основной целью стала Марыня.

Частые визиты в имение помещика Валевского наполеоновских порученцев не прошли мимо внимания знатных польских воевод, а постоянные отказы Марыни от встреч насторожили. Они решили, что для Польши это большая угроза, ибо можно потерять единственного её защитника — Наполеона. Начались уговоры Марыни на встречу. Убедили в этом и графа. После развода Марыня Лончинская прибыла к Наполеону, в его страстные объятия. С этого дня они всегда были вместе. Ненадолго расстались только в 1810 году для рождения сына Александра. Когда весть о рождении сына дошла до Наполеона, началось какое-то безумие: он смеялся, исполнял какой-то замысловатый танец с бутылкой шампанского в руках и даже плакал от радости. Полетели

многочисленные восторженные благодарные письма Марыне. Не прошло и шести месяцев после родов, а она уже с Наполеоном сопровождала его в походе до границы с Россией. Она даже пыталась уговорить его от этого похода. Каким-то особым женским чутьём поняла она пагубность его действий и вернулась в Варшаву, хотя Наполеон просил ждать его с победой в Париже.

После рождения сына поляки решили: «Скоро, скоро Марыня обвенчается с Наполеоном!» Но изменчивый Наполеон принял другое решение: он выбрал себе в жёны Марию-Луизу Австрийскую, которая была от него уже беременна.

Я, человек, который практически всегда был рядом с Императором, не ведал об их интимной связи. Я был уверен, что Наполеон по уши влюблён в Марыню. Как же я недооценил политика Бонапарта. Во имя укрепления своей Власти он наступил на горло собственной любви.

Длительная походная жизнь, постоянное несвоевременное питание сказались на моём здоровье, и я до 1812 года провёл в лечебницах Италии.

Из сообщений штабистов мне стало известно, что после женитьбы Наполеона, униженная и опозоренная пани Валевская (её с 1810 года стали называть Марией) переехала в Париж, где ей предстояло довольствоваться долей униженной фаворитки. Граф Валевский с помощью высоко-

поставленных дворцовых чиновников устроили Марию с сыном Александром в один из богатых домов. Судьбе было угодно, чтобы она встретилась с Жозефиной, которая отнеслась к ней с пониманием и с особой душевной теплотой. Всячески помогала Марии в решении быта и в воспитании ребёнка.

Император не забыл свою полячку, навещал её и оказывал помощь во всех делах. Продолжалась ли у них интимная связь, мои информаторы умалчивают. Но через какое-то время ей запретили появляться во дворце.

Забегая наперёд, могу сообщить, что после отречения Наполеона от престола и убийства на остров Эльба Мария Валевская приехала к нему вместе с сыном. Уже при мне встретились они в 1815 году в период «ста дней Наполеона». После окончательного повторного позорного разгрома Наполеона сослали на отдалённый остров Святой Елены.

Оставшись в одиночестве, графиня Валевская под аргументированным натиском Жозефины вышла замуж за двоюродного брата Наполеона и родила от него. Через год она умерла от воспаления лёгких. За год до этого от простуды умерла Жозефина с какой-то затаённой улыбкой на устах.

3. Закат величия Наполеона. Крушение Французской империи

В это же время рядом с Францией решала свои мирные и военные проблемы огромнейшая по территории, с несметными богатствами, но с обездоленными крестьянами и бедными рабочими Россия. Многие европейские руководители и политики были уверены, что Россия отстаёт от них по промышленному производству, в науке, культуре. Единственное, что россияне неплохо делали, — это торговля. Однако Россия шла вперёд, развивалась, многое перенимая от европейских стран. Начало европеизации России интенсивно происходило при их царе Петре I. При его участии был создан военный и торговый флот, сформирована огромная армия. Всё это было опробовано во многих военных походах. Россия явно крепчала. Европейцы всё это видели, но многие из них считали, что их миссия — наложение своей культуры, достижений науки на другие страны Востока. Это именно их обязательства перед всем миром. Но для крупномасштабного показа нужен был предводитель. И вот появился Наполеон — руководитель одной из самых больших европейских стран. Сама история толкала его в поход на Россию, укрепляя в нём европейскую мысль и собственные амбиции.

В начале 1811 года был я назначен руководителем разведывательно-аналитического отдела штаба вооружённых сил Франции. Информация стекалась к нам по разным каналам: посольство, торговое представительство, пресса, эмиссары. В том, что Наполеон готовится к военному походу на Россию, я уже не сомневался, хотя в открытую он об этом не заявлял. Всё стало известно в мае 1812 года на расширенном Совете штаба армии. Наполеон в свойственной своей манере объявил о подготовке армии к войне с Россией, якобы оттуда идёт угроза нападения на Францию. В доказательство привёл слова русского царя Александра I при подписании в Тильзите мирного договора после поражения русских войск в войне 1807 года: «Мы ещё сюда вернёмся!» Было ли таковое, я сомневаюсь. Однако аргумент был весьма весом, и всё остальное суждение Наполеона свелось к тому, что упреждающий удар по войскам русских нужно нанести именно сейчас. Но с этой подачей согласились не все присутствующие военачальники, в том числе и я.

— Сир! Поражение российских войск от нашей армии около местечка Фридланд летом 1807 года нельзя отнести к слабости русских. Скорее всего, это стечение обстоятельств. Даже после подписания Вами и Александром I окончательного мира между государствами Россия продолжила наращивать свой военный потенциал, выдвинув на первые роли

способных военачальников: Кутузова, Ушакова, Гудовича, Эссена, Остен-Сакена, Олсуфьева, Сталя, Барклай-де-Толли, Багратиона, Берга и др. Крупными воинскими подразделениями командуют сегодня Багратион и Барклай-де-Толли. Это далеко не дилетанты в военном деле.

Россия — воинствующая страна. Они били татаро-монголов, немецких рыцарей, шведов, турок. Есть в российском народе одна особенность: они общинный народ. Всякое нападение на их армию будет людьми расценено как посягательство на весь народ. Они поднимутся на борьбу с нашими войсками от мала до велика. Мы получим войну народную, и будем мы биты не только всеми этими людьми, но и их обширностью территории, бездорожьем и зимой.

Сир! Мы не должны забывать, что Россия с 1801 года существенно приросла территориями. В её состав вошли: территория царства царя Картли-Кахетии Георгия XII, княжества Грузии — Имеретия, Мегрелия, Гурия, Абхазия, Ганджинское ханство, почти полностью Закавказье. От победы над Турцией ещё и Бессарабия, от победы над Швецией — Финляндия. И все эти народы могут выступить против нас.

Сир! Прежде чем отдать окончательное распоряжение, проанализируйте спокойно моё выступление, а цифровое сопровождение доклада я

передал Вам на прошлой неделе. В заключении говорю: на Россию ходить нельзя! Будем биты!

Выступающие после меня генералы соглашались с моими доводами и не соглашались на войну с Россией.

Последнюю точку поставил Наполеон:

— По всем подразделениям — подготовить войска к походу на Россию! Я заставлю императора России поднести мне ключи от Москвы! Вперёд, мои непобедимые! — с почерневшим от напряжения лицом почти прокричал он и тут же удалился.

...24 июня 1812 года, как на параде, по наведённым деревянным мостам мы начали переправу своих войск через Неман. Русских войск не было. Изредка встречающиеся крестьяне очумело смотрели на нас и, крестясь, кланялись. Похоже, они не знали да и не могли знать происходящего.

Основные силы Бонапарт направил на Москву через Смоленск. Боевые части надёжных военачальников рассредоточил по своему плану: Макдональда при полном комплекте составляющей наступательной армии направил через Роосцену и Митаву на Ригу; войска Мюрата шли в авангарде; проверенные в боях воины соединений Удино, Даву, Шерома и Шварценберга держали охрану от возможного нападения войск русских во главе с Барклаем-де-Толли и Багратионом. Однако напа-

дений не было. Я и сегодня уверен, что наше вторжение для Александра I было неожиданным. Его армия не могла объединённо выйти навстречу и дать бой. Наполеон, смотря на меня, торжествуя улыбался и наверняка думал: «Ну что, паникёр? Где твои опасения? Их нет и не будет! Скоро я буду в Москве!»

Не встречая особого сопротивления русских, Наполеон после Вильно часть войск направил на Витебск и Смоленск, а другую часть — на Минск и Могилёв. Похоже, русские этого и ждали. Под Клястицей войска Удина и Сен-Сира они накрыли таким плотным огнём артиллерии, что обоим пришлось надолго остановить наступление и практически отказаться от продвижения на Петербург. Позже я узнал, что командовал русскими войсками генерал Кульнев.

Наполеон, оттопырив губы, молчал.

Продвигаясь с боями к Смоленску, Наполеон, гонимый страстью заполучить Москву, не утруждал себя следить за действиями своих солдат. А они грабили, насиловали, убивали местное население. И встал нам навстречу во весь свой могучий рост российский народный гнев. Он был жестоким! Теперь Бонапарт воевал уже не с армией, а с целым народом на огромных российских просторах. Мои предостережения сбывались. Но Наполеон только под Смоленском это осознал, когда на наши основные силы ударили всей мощью соединения

русских войск под командованием Барклая-де-Толли, Багратиона и казаки Платова. Основные войска русских со всех сторон охраняли ополченцы, пресекая всякую нашу попытку ударить по флангам и зайти в тыл. В моём понимании это был не бой, а побоище. Много головушек с той и другой стороны полегло за город. Бои шли (по моим записям) с четвёртого по шестое августа безостановочно. Гибли одни — подходили другие. Нередко среди русских военных мелькали мужчины в гражданской одежде. Первыми поле боя покинули русские под командованием главкома Барклая. Через несколько лет мне стало известно, что эти действия осудил князь Багратион и обратился к царю с просьбой о смещении Барклая-де-Толли с должности главнокомандующего. Царь среагировал и на эту должность утвердил опытного Кутузова, который, похоже, оценив обстановку, пришёл к выводу, что без основательной подготовки к боевой операции, без объединения всех сил, без подготовки плацдарма вступать в новый бой нельзя.

Войска русских пятились к Москве, а мы двигались осторожно следом, подвергаясь частенько нападению партизан. Наполеон вновь воспрял духом.

Какое-то особое благоприятное впечатление оказал на меня русский город Смоленск, и не только своей величавостью архитектуры Кремля, Успенского собора, но и своей историей о том, что

после длительной осады поляками оставшиеся в живых осаждённые взорвали себя в соборе. Жители и на этот раз, чему я был свидетелем, проявляли чудеса храбрости: выносили с поля боя раненых и постоянно пополняли ряды выбывших своих воинов. В Европе я такого не видел.

И всё же момент основного противостояния войск наступил в ста сорока вёрстах от Москвы, среди поля около села Бородино. Русские укрепились здесь продуманно, мощно.

Ранним утром 26 августа началось сражение. Я неотлучно был около Наполеона и видел этот кошмар (не могу назвать по-другому) собственными глазами. По нашим разворачивающимся войскам первыми мощно открыли огонь русские батареи с Курганской высоты. Потери были значительные. Гневно, но без крика Наполеон дал команду вступить в сражение всеми воинскими подразделениями.

Всё перемешалось на этом, в сущности, малом российском поле. Рубились наши гвардейцы конноегерского полка с лейб-гвардейцами драгунского полка русских; всадники третьего кирасирского и первого легкоконного полков с гвардейцами гусарского и уланского полков; в штыковой бой шли гренадёры старой итальянской гвардии против лейб-гвардейцев Семёновского и Преображенского полков русских.

Никто не хотел умирать. Да и не может человек в здравом уме желать смерти. Даже наверняка зная, что ему уготовлена смерть, каждый солдат всё же надеется, что пуля и штык минуют его. Эта вера в бессмертие бросает его в штыковую атаку, в беспощадную конную рубку. В России я убедился ещё в одном: смерть здесь была мерилом гнева и ненависти. Они даже раненные, упавшие судорожными руками сжимали горло такого же полуживого нашего солдата.

Бой не прекращался ни на одну минуту. Наполеон и Кутузов видели, что всё поле сражения завалено трупами лошадей и людей. Со всех сторон на разных языках раздавались стоны и мольба о помощи.

А войска всё бились и бились. Валились снопами всё новые и новые воины с обеих сторон, а бой не прекращался, хотя павших было на этом поле не менее ста тысяч.

Наполеон стремился занять Москву. Стремясь к этой цели, он не считался с сотнями тысяч погибших солдат и офицеров, потерей артиллерии и кавалерии. Вперёд и только вперёд! Там, в Москве, была его слава, его непобедимость!

Однако кровавый день перешёл в ночь, а бой продолжался. В сумерках слышны были лишь разрывы снарядов по обеим сторонам. Отступить никто не хотел, но и воевать скоро будет уже нечем. Первым это понял Кутузов и отвёл свои войска за

Можайск для пополнения. Мы такой возможности не имели.

Свободный проход на Москву окрылил Наполеона и укрепил его веру в собственную непобедимость. Он забыл, что у русских есть ещё два преимущества: территория и зима. А зима нагрянула неожиданно. Мороз изо дня крепчал настолько, что даже горящая Москва не грела Наполеону душу.

Москва горела. Горела сплошным пожаром от окраин до Кремля.

Горожане со слезами на глазах жгли свои дома, продовольствие, склады, только чтобы это всё не досталось французам (врагам). В отместку за такое противостояние русских наши офицеры и солдаты устроили им вандализм: грабёж, насилие, расстрелы.

Хмурый Наполеон депешей за депешей уведомлял Александра I о встрече. Наверняка его мысль работала так: заставить российского императора признать победу французских войск, обязать Россию на всевозможные уступки и выплаты, заключить договор о военном присутствии Франции в России.

Шесть недель владел Наполеон Москвой, ожидая Александра I с перемирием, и просчитывал свои силы и возможности. А возможностей этих у него уже и не было: отсутствовала фуражировка, не

было пополнения армии, отсутствовало необходимое продовольствие.

В конце концов пришло решение:

— В Москву я ещё вернусь! Надо отходить к западным границам России! Отходить будем по Калужскому тракту, чтобы в нетронутых населенных пунктах пополнять запасы продовольствия и одежды.

Ранним утром 13 сентября «непобедимая» армия организованно покинула Москву по направлению к Калуге. За день до этого Наполеон направил меня с планом действий в тридцатитысячный отряд Мюрата. Мы и обсудить депешу путём не успели, как со всех сторон навалилась на нас двадцатитысячная армия русских. Бой был настолько поражающим, что пришлось с большими потерями убегать к горящей Москве.

Основной бой нашим отступающим войскам был дан русскими под городом Малоярославец. Кутузов расположил свои войска так, что вне зависимости от исхода сражения передний край наших войск всегда оказывался в полукольце второго ряда русских, затем — третьего.

Волна за волной накатывались войска друг на друга с обеих сторон. Даже с наблюдательного пункта было видно особое остервенение бьющихся.

Одни бились за свою Отчизну, другие уходили от позора. Пять раз Ярославль переходил из рук в руки. Тела убитых и раненых застилали улицы и

дороги. Артиллерия зачастую прекращала пальбу, ибо в этом месиве зла трудно было разглядеть картину боя.

Сражение прекратилось только под вечер. Русские плотно закрыли нам путь на Калугу, и мы вынуждены были отходить по разорённому нами же Смоленскому пути.

Через несколько лет в записях одного нашего умирающего генерала прочитаю: «Под Ярославцем остановилось завоевание Наполеоном вселенной и началось разрушение всего того, что было им задумано».

Из великой армии французов через Березину переправилось нашего воинства не более двадцати тысяч человек. Даже это количество ушедших от гибели должно благодарить Наполеона за его виртуозно продуманный план маневрирования.

Российский император в декабре прибыл в Вильно, который очистила от наших войск кавалерия Орлова-Денисова, и в январе 1913 года вместе с армией и Кутузовым переправился через Неман. Считаю, что с этого временно началось великое всепобеждающее продвижение русских по Европе.

Но Наполеон не был бы Наполеоном, коль сразу бы сдался на милость победителей. Четыре месяца метались офицеры по всей округе, чтобы набрать людей для новой армии Наполеона. И это

удалось. К началу мая в её рядах числились уже 150 тысяч солдат и офицеров.

К этому времени Россия и Пруссия заключили договор содружества и объединения войск в борьбе с Францией. Свою 150-тысячную (при 300 орудиях) армию выставил Наполеон против 100-тысячной объединённой армии русских и пруссаков под Бауценом. Бой был продолжительным, кровопролитным, но увенчался успехом наших войск. Впервые я видел Наполеона с шашкой в руке, грозя кому-то, он кричал: «Я вам всем ещё покажу, на что я способен!» Но он радовался рано. В общую коалицию войны против него дополнительно вступила Австрия и Швеция. Все коалиционные войска объединились в октябре под городом Лейпциг. Силы были явно неравными, но Наполеон кинул свои войска в эту мясорубку. Нас просто методично убивали. Когда от армии почти ничего не осталось, Наполеон дал команду к отступлению (к бегству). Не успели мы залечить раны и мало-мальски отдышаться, как союзники перешли Рейн, а английские войска под командованием Веллингтона, перевалив Пиренеи, вступили в Южную Францию. Борьба с таким могуществом было бесполезно, и, когда союзники в конце марта подошли к Парижу, Наполеон сдался, и через четыре дня отрёкся от престола. Я впервые видел слёзы на его глазах.

Удивительно, но его даже не арестовали, а отправили с тысячей солдатами в изоляцию на остров Эльба, предоставив ему его в пожизненное владение. Первое впечатление об острове привело всех прибывших в уныние: кругом воды Тирренского моря, многочисленные бухты, средиземноморские кустарники, негостеприимные рыбаки, бедные постройки.

От увиденного Наполеон как-то сразу сник, впал в хандру. Пять месяцев безделья и одиночества вызвали в нём приступ гнева. Начали проявляться приступы эпилепсии.

От изредка заплывающих сюда моряков получал он скудные вести о правлении Бурбонов во главе с Людовиком XXIII. Нутром стратега, политика чувствовал Наполеон, что в слабости Бурбонов заложен ещё один шанс его возрождения. И он этим воспользовался. В марте 1815 года высадился он со своим войском в бухте Жуан, а 20 марта, после бегства короля, во главе многотысячной армии вступил в Париж.

Но теперь он воевал уже против войск коалиции один. Несмотря на все его знания, умение воевать, исход был один — полный окончательный разгром. Точка была поставлена в сражении при Ватерлоо. Разгромленные наполеоновские войска бежали.

За сто дней нахождения Наполеона у власти, кроме того, что выполнял разные поручения, собрал

я сведения о русском императоре Александре I. Полная же картина о нём сложилась у меня, когда он возглавил все войска коалиции. И что удивительно (я это видел), он зачастую лично принимал участие в сражении вместе с солдатами.

От Дрездена до Лейпцига, от Бауцена до полного разгрома наших войск при Кульме и Ватерлоо росла и множилась слава русского царя среди народов освобождённых стран.

Совершенно седой русский царь с каким-то особым остервенением, с необъяснимым для многих душевным надрывом бросал войска на неприятеля даже при огромных потерях. Он всегда был (в отличие от Наполеона) на переднем крае сражения, на виду всех. Он не боялся смерти, а наоборот: ощущение её близости глушило душевную рану от измены жены, одиночества.

Под стать ему были и русские воины. У меня сложилось мнение, что, убивая, они делают своё правое дело хладнокровно, методично.

Был я свидетелем, когда при деревне Фер-Шампенуаз окружённые наши войска отказались от пленения, выкатили вперёд пушки, стали в огромное каре и оцетинились штыками. Обозлённые кирасиры, драгуны и уланы Баркляеде-Толли в капусту изрубили почти пять тысяч непокорных. Это же повторилось и неделей позже, когда кавалерийский корпус барона Корфа окружил пехотную дивизию под командованием генералов

Пакко и Аме и методично вырубил пехотинцев. К стыду своему должен признаться, что это варварство было порождено французами за покушение на Россию и её народы.

В то время когда Наполеон отдал себя в руки английским властям на их флагманском корабле «Беллерафон», вместе со своими войсками вошёл в Париж русский царь. Тысячная толпа горожан, уставшая от войны, кричала:

— Виват! Александр! Виват, русские!

Несмотря на то что российский царь перед вступлением в Париж обратился к войскам с просьбой не чинить населению злодейства, офицеры да и рядовые всё же вели себя как победители.

Особенно туго пришлось французским женщинам. Сильные, отдохнувшие мужчины нуждались в удовлетворении своей плоти.

Пожалуй, не было в Париже и в пригороде ни одной семьи, в которой не переночевал русский воин. И детей нарожали наши женщины от этих безымянных отцов. Много нарожали. Назовут их впоследствии Александрями — в честь русского царя. Да и сам царь тут же разыскал Жозефину и подолгу пребывал с ней. Что связывало молодого мужчину с постаревшей женой Наполеона, я не знаю. Возможно, что было это демонстрацией полной победы русских везде и во всём. Возможно

и другое! Жозефина скоротечно умерла от простуды.

По настоянию Александра I смертельный приговор Наполеону был заменён ссылкой на отдалённый остров св. Елены. Вместе с ним (по его просьбе) отбыл и я.

Пять лет позора и изгнания сказались на поведении Наполеона и его здоровье. Хотя и был он на этом острове передан под надзор губернатора Гудсану Лау, но это не ограничивало его передвижений. Наиболее тяжким для самолюбивого Наполеона был первый год его ссылки. Я уверен, что он никак не мог понять произошедшего с ним: повторное поражение в войне, ненависть к нему людей, позорная ссылка. От всех этих мыслей началась явно выраженная депрессия: нарушение сна, отсутствие аппетита, нежелание общения. Порой мне казалось, что он готовит себя к самоубийству. К счастью, я ошибся, и из этого состояния Наполеон вышел победителем. В скором времени он стал в одиночку уходить гулять по острову, подолгу наблюдая за быстрым закатом солнца. В ежедневную привычку вошла верховая езда на длительное расстояние. После нового года я вновь увидел прежнего Наполеона, правда, с менее резкими движениями. Основное время уходило у него на чтение. В небольшой островной библиотеке были издания французских и немецких писателей. Из доступных французский произведений особо

вдумчиво читал Наполеон, делая записи, автора Монтескье Шарля-Луи де Секонда. Были прочитаны его «Персидские письма», «Путешествие в Париж», «О духе закона». Из последнего произведения Наполеон выписал, что возникновение правовых институтов зависит от влияния географической среды и формы правления. Монтескье считал, что наилучшей формой правления государством является монархия, ограниченная конституцией. От прочитанного и выводов автора, совпадающих с его действиями как императора, Наполеон просветлел лицом. Особое впечатление на него оказало авторское сочинение «Размышление о причинах величия и падения римлян».

Наполеона в его ситуации мучили мысли: «Почему Римская империя с её могуществом пала под натиском варварских племён, особенно германцев? Почему рабы Рима открыли городские ворота германскому племени вестготов? Как это всеильные варвары прибрали под себя Европу и Англию?»

Пытаясь разобраться во всём этом, он скрупулёзно прочитал доступное произведение Василия Великого «Шестоднев» и одолел «Слова и священство» Ионна Златоуста. На полках его библиотеки появились (с моей помощью) произведения Юстиниана Флавия, Иоанна Димаскина, Паскаля Блёза, Ларошфуко Француа де.

В дневнике Наполеона появилась запись: «Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не умеет носить его с честью».

Читал Наполеон много-много, очень много, делая записи наиболее удачных выражений, выводов. Частенько мы с ним дискутировали на разные темы независимо от прочитанного им. При этом он настолько увлекался, что забывал о моём присутствии и ораторствовал один.

Насторожила меня однажды его просьба дать сведения о русских царях и полководцах. Мне не составляло большого труда выполнить эту просьбу, ибо ранее такие сведения у меня были. Через месяц выложил я ему на письменный стол краткие данные об Иване Грозном, Петре I, Екатерине II, Павле I, Александре I, Суворове, Кутузове, Барклае-де-Толли, Багратионе, Эссене, Нарышкине и более двадцати генералах российской армии.

Заметив в моих материалах много немецких фамилий, Наполеон зло произнёс: «Опять эти германцы!» После этого всплеска эмоций пришёл я к окончательному выводу: а ведь Наполеон ставит параллели между варварами, загубившими Рим, и русскими воинами, причисленными им к этим варварам и погубившими Его Величие.

В правильности этого вывода убедился я в последующие два года. Когда мы очень плотно трудились над его мемуарами, он торопился с написанием своего изложения, правда, путая даты,

события и место действия. В этих случаях обращался я к своим записям. С конца 1819 он уже сам не писал, а диктовал мне. Весь 1820 год был для Наполеона кошмаром жизни: начала прогрессировать болезнь желудка. К ноябрю он не мог уже кушать без приступов рвоты. Боль и голод разрушали его организм. Мужественный воин не стонал даже в забытьи. Он понимал, что смерть уже на пороге. Из последних сил продиктовал он нотариусу своё завещание. Немедля начал я его отправлять родным и близким.

5 мая 1821 годы Наполеон умер, но никто из приглашённых не соизволил прибыть.

Унёс он с собой все свои ошибки, просчёты, и свою самозабвенную гордыню, и величие, оставив потомкам своё имя.

Исполнилось его любимое выражение: «Всегда везде для всех да будет правый суд!»

*Ищешь Бога ты всюду и ночью и
днём.
Ищешь ты вне себя, слеп в мечтаниях
о нём.
Бог тебе говорит на наречиях разных:
«Ищешь где и кого? Я в тебе же самом!»*

О. Хайям

Божий суд

Несколько дней тому назад мне, специалисту-психологу, позвонил мой однополчанин, бывший сотрудник Комитета государственной безопасности (хотя я знаю, что бывших в КГБ не бывает), Андрей Фёдорович Черноусов. В период нашей службы на флоте в отряде была у него кличка Ус. И вот этот самый Ус взволнованно, с ноткой отчаяния, пожалуй, даже испуга, просил меня срочно прибыть к нему. Бросаю все дела и мчусь к нему на Таганку. Не успел даже второй раз нажать на кнопку звонка, как распахнулась дверь, и сильные руки Андрея втащили меня в жилище.

Прошло уже два года, как умерла жена Андрея, и её отсутствие чувствовалось во всём: разбросанные вещи, запачканная электропечь и полнейшая неразбериха на кухне. Но главным было не это, а осунувшийся от бессонницы Ус, с блуждающим взглядом и нахмуренным лицом. От Андрея пахло спиртным, но он был трезв как стёклышко.

— Что с тобой, Андрей? — наступательно начал я.

— Мучаюсь!

— Причина?

— Боюсь уснуть!

— Почему?

— Снятся раз за разом кошмары всяческого рода, связанные с разными временами и историческими событиями.

— Сны, дружочек, явление нормальное.

— Хотел бы я на тебя посмотреть, если бы ты раз за разом видел сражение за Троию или Наполеона, о которых я знаю только из школьной программы.

— Может быть, ты перед сном много читал?

— Да нет! Просматриваю прессу да теленовости. И всё. Днём читаю, но снов это ну никак не касается.

— Так всё же, чем тебя так взволновали сны?

— Необычностью, длительностью и повторяемостью.

— У детей в гостях бываешь?

— Редко, но бываю.

— Там видишь сны?

— Разумеется, но они не запоминаются.

— Слушай, Андрей, ты в академии изучал предмет твоих снов?

— Разумеется. Но ограниченно и не так подробно.

— А отдыхал ты давно на курорте?

— Нас, ветеранов, обязательно в два года раз отправляют на отдых.

— После курорта снятся женщины или Наполеон? — съязвил я.

— Тебе всё хиханьки да хаханьки! А я вот от этих кошмарных снов, кажется, болезнь приобрёл.

— Какую?

— Сумасшествие!

— Угомонись, Ус! Мы с тобой ещё не в том возрасте, чтобы сходить с ума. Это бред твоего воспалённого мозга и болезненного самоанализа.

— Что мне делать?

— Спать и постараться не думать об увиденном сне.

— А я их каждый раз записываю, — с какой-то теплотой в голосе проговорил Андрей и протянул мне объёмную тетрадь.

— Перечитываешь?

— Да.

— Андрюха! Записи твои конфискую навсегда, а тебе советую недельку пожить у детей. Ясно?

— Так точно!

Отругав своего товарища за беспорядок в квартире, засучил я рукава, и вдвоём за два часа всё вымыли, вытерли до блеска и уселись поужинать. Долго ещё вспоминали наши юные годы, разные жизненные ситуации, жизнь пенсионеров и, конечно, политику разных правителей государств. Наговорившись вдоволь, расстались ближе к ночи.

Звонков от Уса больше не было, а о его тетрадке я забыл. Наткнулся случайно на днях, перебирая бумаги в ящике письменного стола.

— Ну-ка, ну-ка! Что тут за особенности? — ехидненько проговорил я и начал читать. Читал и изумлялся, изумлялся и читал, вовлекаясь в события описанных снов.

Сон первый

На Лубянке Феликс Эдмундович Дзержинский, сойдя с пьедестала, вручил мне Звезду Героя Советского Союза, и мы с ним направились к Кремлю. Небо над Москвой было тёмно-серым, но вокруг нас толпились люди в разных одеждах, разного возраста. Среди них выделялись военные в длинных шинелях и будёновках с ярко-красной звездой, воины Чингисхана в меховых шапках, черкесы с кинжалами на поясе и много-много арестантов в полосатых одеждах.

Над Красной площадью стало совсем темно, и я оказался вблизи Лобного места. Внезапно небо разверзлось, и в ослепительных лучах солнца появился Иисус Христос, в белом одеянии, с посохом в руках, а над его головой сверкал такой нимб, что звёзды башен Кремля разом погасли. Издали донёсся последний удар церковного колокола, и в наступившей тишине раздался голос Христа, заставив всех вытянуться перед ним в струнку.

— Суд над вами сегодня чинить буду! Землю и души испоганили! Спасать нужно, пока ещё можно!

Взмахнул посохом, указал перстом в толпу и вперёд вышел Чингисхан, его внук Батый, Мамай, Тамерлан, Тимур, Тахтамыш. Упали перед Богом они ниц и руки кровавые к нему протянули.

— Встаньте на колени перед народом. Пусть все видят иродов, которые города и поселения сожгли от моря до моря, через кровь людскую поселили надолго Страх и Горе! Не имея своей культуры, везде уничтожали культуру других народов! Вы почему, козлобородые, золото припрятали? Почему от народа скрыли его? Надеялись на возрождение империи? Не бывать этому! — сверкнув очами, крикнул Христос и ткнул каждого из них посохом. — Империю вашу вновь превращаю в изначальное состояние с кочевым малокультурным народом! Вас и всех потомков ваших превращу в прах, и пусть ветер разнесёт его повсюду, чтобы в сознании людей остались вы как носители зверства и мучительства! Взмахнул Христос, и огонь тут же превратил стоящих на коленях в пепел, а налетевший порыв ветра тут же всё и развеял.

Вздых облегчения разнёсся по всей Красной площади.

Опять указал на толпу перстом Христос, и потянулись робко к нему князья русские, глаза до долу опустив.

Много их было, пали они на колени. Был тут князь Коломенский, Московский, Владимирский,

Суздальский, Ростовский, Ярославский, Псковский, Киевский. В сторонке на коленях стояли Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской с сыном Василием.

— Невский! Приблизься ко мне, — весьма миролюбиво позвал Христос.

Александр молча подошёл к нему, но под пристальным взглядом рухнул на колени.

— Вот так ты и перед ордынцами стоял, унижительно вымаливая ярлык на княжение, последовав примеру князя Владимирского — Ярослава Всеволодовича.

Почему не объединился с рязанцами, псковитянами, владимировцами на борьбу с монголами? Слава твоя после битвы на Неве и Чудском озере эта сделать позволяла!

В самый последний момент ты побоялся власть свою потерять и покорился Орде. За это тебя проклинаяю, и смерть свою примешь ты в степях Орды.

Вновь Христос указал на отдельностоящих, и к нему подполз Иван Калита.

— За то, что Кремль белокаменным устраивать стал и крепкой каменной стеной окружил, от захвата врагов противостоял, тебе слава. Но ты, Ванька, вор и разбойник! Подчиняясь Орде, добился самостоятельности сбора дани со всех княжеств, но часть сбора утаивал и постепенно прибирал под власть Москвы обессиленные

княжества. Под твоим владычеством оказалось княжество Белочёрское, Владимирское, Ростовское, Юрьевское. Сын твой Симеон получил по наследству от Орды ярлык на княжение Москвы, но тут же столкнулся с противостоянием Литвы. Даже женившись на дочери литовского князя Ольгерда, он союз свой с ним не закрепил.

После долгих споров и многочисленных людских смертей от чумы правление Московским княжеством перешло к сыну твоему Дмитрию.

Тебя, Ванька, за дела твои мерзкие оставляю тело твоё на прокорм червям земным, а историки и летописцы будут именовать тебя денежным мешком.

— Встань перед всеми, Дмитрий Иванович, кого по заслугам назвали Донским. Смотрите все и помните, что этот молодой князь впервые на Руси, противопоставив объединённые войска княжеств, разгромил войска Мамаю на Куликовом поле и примером своим в дальнейшем помог объединению княжеств Руси по окончательной ликвидации трёхсотлетия татаро-монгольского ига!

Пусть же навечно в памяти людской останется имя твоё Дмитрий, а по заслугам — Донской!

Засияла после этого ярко-ярко звезда на шлеме князя Дмитрия.

Наступила долгая тишина. Лежащие у ног Христа князья молчали, изредка выдавая своё

присутствие дрожью ног и сдержанным всхлипыванием.

— Вы же народ свой предавшие, корыстолюбцы, чинопоклонники сильных над вами, позволившие Орде признать ислам, приговариваетесь мною к вечному забвению. И пусть имена ваши смогут в летописях найти только историки, — проговорил Христос и отвернулся от лежащих с особым пренебрежением.

Всем! Всем говорю! Русь сильна только единством всех народов! Рассыплетесь, как горох, тут же налетят вороны и поодиночке расклюют.

Христос замолчал, перебирая складки своей одежды, и неожиданно голос его громким эхом ударил по всей площади, достигнув куполов Собора Василия Блаженного.

— Михаил Меченный! Ты опять прячешься за спину жены своей! Взгляни на всех и без словоблудия признайся, как с неметчиной договор заключил? Как начал на крови замешанную многонациональную империю рушить? Как потом попытался уйти от ответственности? Как власть передал партлидеру Борису, который под парами спиртного подписал договор в Беловежье?

Вы с ним разрушили всё! Вы у людей забрали еле дышащую Веру в лучшее будущее! Вы народ свой в угоду амбициям случайных людей у власти покинули, оставив их нищенствовать! Прикрываясь

демократией, вы Россию, по указке извне, разодрали по национальным кускам.

Борису, за содеянное смертью предрекаю в муках. Имя его потомки будут вспоминать только в анекдотах!

Тебе же, Михаил, даю возможность пережить смерть близких тебе людей, дабы понял ты, насколько глубока вина твоя перед живущими сегодня.

Сон второй

Утро следующего дня началось при большом стечении народа на Красной площади. Опять затемнело небо, и, когда ночь надвинулась повсюду, бросило солнце свой яркий пук света, и все увидели на Лобном Месте Христа. Сегодня был он не один. Рядом стояли апостолы Павел и Пётр. Каждый из них, как и Христос, держал в руках по посоху, излучающему особый небесный свет. Этот свет выхватил из толпы Василия Шуйского, Ивана Грозного и Малюту Скуратова. Опережая друг друга и толкаясь при этом, зашпешили они к Лобному Месту. Тяжёлые посохи опустились на плечи подошедших, и пали они на колени.

— Ты, Василий Шуйский, и брат твой Иван, — гневно разнеслось по площади, — воровали, убивали и зверствовали по всем землям и вотчинам

Московским, прикрываясь именем малолетнего царя Иоанна. Вы не только глумились над народом своим, но и вырастили зверствующего царя, которого впоследствии назовут Иваном Грозным.

За прегрешения ваши умереть тебе, Василий, мученической смертью на пятьдесят первом году жизни, оставив вдовой молодую жену. Весь ваш род Шуйских, выращенный вами же царь проклянёт и, дабы власть свою показать, велит князя Андрея Шуйского скормить собакам. Пусть же потомки царей российских надолго забудут вас всех!

Христос стукнул оземь посохом и Шуйские тут же испарились.

— Встань лицом к народу, Иоанн! — разнёсся опять по площади голос Христа. — Пусть все ещё раз увидят того, кто мучил их на протяжении долгих лет. Пусть посмотрят на тебя последний раз казанские татары, литовцы, поляки, псковичи и новгородцы, коих ты воевал и подчинил себе. Пусть увидят они не воина Отечества, а душевнобольного самодура, использовавшего власть свою не на благо народа русского, а на его уничтожение, ради удовлетворения прихотей своего воспалённого мозга.

В подвалах и замках устраивал ты, душегуб, «пытошные». Ты веселел и успокаивался при виде крови людской и агонии жертв под пытками, от запаха жжёного человеческого мяса. Ты даже орудия пыток изобрёл: сковороды-жаровни, иглы

под ногти, клещи для вырывания ушей и носа, ножи для снятия кожи с живых, дыбу. Любил ты лично этим заниматься.

Для укрощения злобства твоего послан был пожар на Москву. Два месяца горела Москва. У тебя было время одуматься. И ты, царь, роль одумавшегося сыграл великолепно. Ты внешне даже переродился. Были приняты меры, чтобы никто из погорельцев не остался без крова и хлеба. Для пущей важности был обновлён и издан свод законов, уставные грамоты, а в Москве был учреждён Собор. Даже училища по образцу европейскому открыл.

Но это была всего лишь ширма. Тебе, как и Чингисхану, нужна была власть широкая, единственная над всеми. Но тебе мешала рада, бояре, церковь. Чтобы всё это подчинить и посеять страх, нужна была мощная рать. И ты её создал в лице опричников. Из числа безграмотных, безродных людишек отобрал себе тысячу телохранителей под руководство изверга рода человеческого — Малюты Скуратова. Объявил личной собственностью около двадцати городов и улиц Москвы. В скором времени увидели все, что ты всю Россию передаёшь в жертву своим опричникам.

Большую часть времени проводил ты со своими холуями в Александровской слободе, чиня насилия над женщинами, купцами, боярами. Разврату твоему не было предела. Не остановили

тебя, душегуб, слова митрополита Филиппа: «Даже в неверных языческих Царствах есть Закон и Правда, есть милосердие к людям, а в России везде грабежи, убийства совершаются именем царя». За это ты жестоко отомстил, убив его прямо на алтаре.

Вспомни, царь-убийца, как ты расправился с новгородцами. Шесть недель убивал ты со своими опричниками людей города и окрестностей. Шестидесят тысяч трупов оставил после себя.

Тебя в стремлении убивать, казнить не остановил ни мор людей, ни неурожай, ни голод. Насытившись и награвив, возвратился в Москву. Ты трус к тому же! Когда к Москве с войском подошёл крымский хан Девлет-Гирей, ты трусливо сбежал в Коломну. А когда почувствовал угрозу со стороны своих опричников, ты и их уничтожил. Тебе, властолюбец, даже бежавший от твоей расправы князь Курбский писал: «Вместо любви и благословений народных стяжал ты ненависть и проклятия всемирные».

Злодейством своим и организацией пыток, преследованием инакомыслящих проложил ты путь для будущих последователей своих: Гитлера, Сталина, у которых были свои исполнители — гестапо, ЧЕКА, НКВД. А в СССР был вскормлен свой Малюта Скуратов — Берия.

За всё это гореть тебе в аду и умирать долго и тяжело!

Пусть летописцы отразят всё твоё злодейство как акт ненависти к тебе!

Ты же, Малюта Скуратов, палач и изверг рода человеческого, останешься в памяти народной именем нарицательным для всех палачей.

На Красную площадь пал тяжёлый туман, закрыв всех обвинённых. Затем легла кругом темень.

Неожиданно эту черноту прорезал яркий луч, осветив огромный белый экран у мавзолея В. И. Ленина, и замелькали на нём разные видения и лица. А над площадью опять властвовал голос Христа.

— Всмотритесь в него, в этого славного капитана флота за штурвалом идущего впереди парусника. Это прославленный в поколениях сын земли Русской — царь Пётр Алексеевич. Он единственный российский царь-созидатель, сумевший неимоверным трудом своим и личным примером вывести на историческую сцену лаптёжную Россию и придать ей во всём лучшее европейское содержание.

Он на люд российский смотрел глазами прорицателя и видел в нём величие будущего!

До Петра никто из князей и царей не сделал столько значительного в науке, торговле, в военном деле, в культуре, как сделал он. Именно он прочно укрепил рубежи российские, создал сильнейший флот, провёл переустройство торговли. Заложил и

отстроил Кронштадт, Петербург, начал строить канал Волго-Дон и Ладожский канал для водного пути Москва — Петербург.

При нём начали работать фабрики, литейные заводы, судовой верфи.

Повсюду открылись для всех детей школы, гимназии, инженерные училища.

Многих отправил он за границу учиться ремеслу и культуре. Он сам полтора года учился в Голландии, Германии, Франции, Дании.

Всё, что увидел и изучил в этих странах, Пётр внедрил в России, иногда силой заставляя многих следовать его указаниям.

В назидание всем царям и будущим властям, Пётр объявил безжалостную войну взяточникам и казнокрадам.

С ними был он жесток. Сибирского губернатора, князя Гагарина, повесил. Петербургский вице-губернатор Корсаков публично был выпорот кнутом. Князьям Волынскому и Опухтину за это языки жгли калёным железом. У многих взяточников конфисковали имущество, а их самих сослали в Сибирь.

Так пусть же во все века слава твоя, Пётр Великий, за дела твои для России живёт вечно!

Неожиданно рядом с Петром I появились Александр Меншиков, Никита и Акинфий Демидовы.

— Вам троим Россия обязана устройством многих заводов, а также рудодобычи, ружейного

производства, добычи меди, золота и серебра, освоением богатств Сибири, Урала.

Но вы со временем посчитали, что вам всё дозволено, и стали приворовывать.

За эти деяния умрёте тяжко в бедности и одиночестве!

Не успела эта троица исчезнуть, как прикатил в заснеженной кибитке Наполеон: малорослый, в неопрятной одежде, с запалыми щеками, блуждающий взглядом, от всего отрешённый. Сзади повозки в огне пожаров видна была Москва. Кибитка по снегу покатила вдаль, а Христос произнёс:

— Хотел захватить на манер Батыея весь мир и быть самым богатым на земле, а получит тяжкую смерть в изгнании на острове. Не твори зло!

Экран погас. В наступившей тишине диктор Левитан начал декламировать стихи Василия Андреевича Жуковского:

Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнём ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозой мщения во взоре,
Ужасные создания тьмы.

Без остановки перешёл на стихи Л. Ю. Лермонтова:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой...

Закончил строками стиха А. С. Пушкина:

И там, где роскошь обитала
В тенистых рощах и садах,
Где мир благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.

Сон третий

В Москве творилось что-то непонятное. Со всех сторон к Красной площади двигались большими колоннами люди. Даже конная милиция не смогла им помешать пройти сюда.

В воздухе над этой массой народа витал дух единения, повсюду раздавались возгласы «Судить! Судить! Судить!»

Внезапно ударил колокол, и наступила тишина. С Лобного Места Христос произнёс:

— Сейчас перед всеми станет человек, о котором долго ещё будут спорить учёные мужи, политзаключённые, воины, коммунисты. В хитрости, прозорливости и коварстве с ним не сравнится никто. Он вобрал в себя всё от разных властителей, отсортировал и долгие годы

руководствовался этим, властвуя над людьми. Вот он! — и Христос рукой указал на Кремль.

Люди расступились, и по этому коридору спокойно, как по ковровой дорожке, от стены Кремля мимо Мавзолея зашагал к Христу Сталин. Подойдя к Лобному Месту, на колени не встал, а повернулся лицом к людям, и блеснула на его военном мундире генералиссимуса Звезда Героя Социалистического Труда.

Взмахнул посохом Христос, и мундир Сталина, его руки покрылись кровью. Кровь бежала к его ногам настолько быстро, что в скором времени стоял он уже по колено в ней.

— Это кровь людей, загубленных тобой под флагом коммунизма! — гневно произнёс Христос, и Сталин молча опустился на колени.

Толпа зашумела, задвигалась, делясь на защитников и обвинителей.

— Грех твой, горец-боевик, огромен перед народом! — вновь заявил Иисус. — Как только подарили вам купленную на иностранные деньги власть в России, начали вы на фоне бредовых идей дёргать рычаги этой власти, не имея никакого представления об их назначении. Вы создали хаос и голод! Единственное, на что вы были способны, так это силой террора заставлять идти с вами. Расстрелы, расстрелы, расстрелы неугодных!

Ты, кого из страха, вбитого в сознание людей, назовут Вождём, в этом деле преуспел. Даже царя,

который отказался от престола, вместе с детьми и прислугой расстреляли. А сколько ты, Сталин, во время Гражданской войны загубил красноармейцев из-за своего якобы особого дара военспеца. Сильно ли ты отличаешься от Чингисхана? Оглянись вокруг, Джугашвили! Вот там стоят миллионы жертв твоей созданной системы расправы над людьми, которые были умнее тебя, здравомыслящее. А вот тут выстроились все 80% воинских начальников, которых ты расстрелял перед началом войны. В дальнем углу площади грозят тебе кулаками крестьяне — жертвы коллективизации, которых превратил ты в рабов. Слышишь топот от Кузнецкого моста? Это спешат сюда расстрелянные в Катыне по твоему приказу 20 тысяч польских офицеров. А ведь к власти добрался ты обманом, подделав бюллетени голосования. Но чтобы это не стало гласностью, ты старую ленинскую гвардию уничтожил. Я напомню всем, в том числе и твоим защитникам, что было написано в листовке старого большевика М. Н. Рютина: «...Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его свитой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана и клеветы, с помощью невероятного насилия и террора... Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установив в партии и во всей стране

свою личную диктатуру, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого произвола. И чем ты не Иван Грозный? Ты даже историю своей партии заставил переписать, выставляя свои заслуги. Ты и Троцкого (тоже душегуба) убил, потому что был он намного умнее тебя и знал о тебе много того, что не должны были знать другие. И напрасно ты приписываешь себе заслуги в строительстве социализма и в выигранной войны с фашистской Германией. А ведь ты, Сталин, в первые дни войны с фашистами струсил. Вместо принятия необходимых военных решений перед ответственностью за страну, укрылся на своей даче, и за тебя всё решали растерявшиеся твои подчинённые: Ворошилов, Будённый, Берия, Молотов, Тимошенко, Баграмян, Жуков, Маленков, Каганович, Шапошников.

Армия, раздробленная, без опытных командиров, гибла, и гитлеровцы занимали город за городом. А ты, Сталин, в чьих руках была насильственно сосредоточенна власть, преступно отстранился от руководства борьбой. Ты был поражён коварством Гитлера. Ты думал, что перехитрил его, хотя считал его своим сподвижником в методах управления народом: террор, расстрел, гигантомания, лагеря смерти, ложь в прессе, восхваление своей личности. Ты даже пил за его здоровье, и эшелоны хлеба до самой войны уходили в Германию. Ты считал себя

крупным политиком-стратегом, а вышло всё наоборот. За все твои действия российский народ кровью и жизнями рассчитался!

Оглянись на солдат, офицеров и простых тружеников, которые жизнями своими проложили этот путь!

Но ты ещё не знаешь, что искусственно созданная тобой национальная политика в одночасье рухнет и развалится СССР на мелкие части, а Россия останется одна, в нищете, воровстве и коррупции. Ты, Сталин, разрушитель страны и палач своего народа! Пусть все это знают!

За то, что ты сотворил с людьми, выбросят твоё тело из мавзолея в яму под стену Кремля, уничтожат все твои памятники в стране и за границей, а в памяти потомков останешься ты только как создатель Страха и угнетатель! Таков мой тебе приговор!

В наступившей тишине как-то неожиданно скрипнули двери Мавзолея, и оттуда быстрой походкой вышел В. И. Ленин. Ещё и не дойдя до Лобного Места, слегка картавя, начал говорить:

— Я, Ульянов-Ленин, будучи марксистом-теоретиком, трудами своими и личным участием сумел убедить многих в необходимости революции. Первым объектом оказалась крестьянская Россия. Здесь мы, большевики, взяли власть в свои руки и начали строить новое государство. У нас не было опыта ни в чём. Да и откуда ему было взяться,

когда мы постоянно находились то в тюрьме, то в ссылках. Но нам поверили солдаты, крестьяне, рабочие и пошли с нами. Не верить нам было нельзя, ибо провозглашали мы свободу, равенство и братство.

Но царская Россия с другими странами была связана долговыми обязательствами. Вот и налетели на нас со всех сторон войска этих стран. Пришлось воевать на Юге, на Севере и внутри страны. Если бы мы только защищались, то нас бы уничтожили молниеносно. Нужно было наступать, наступать из последних сил и возможностей, и всё это при полной разрухе хозяйственной деятельности в стране. Было не до сантиментов. Ввели повсюду силовое принуждение, в надежде, что народ поймёт нас. Но не поняли! Повсюду начались выступления против нашего режима. Пришлось прибегнуть к террору. Оглянулся я, а вокруг голодные, озлобленные лица. Нужно было какое-то другое решение. Отступил я от прежней своей программы, и начал вводить НЭП, то есть элементы рыночной экономики и частного производства. Смерть мне помешала довести всё до конца.

Но в одном сожалении, что поздно определил сущность натуры Сталина, и он, добравшись до власти, похоронил не только мою старую гвардию коммунистов, но и саму идею строительства общества новой формации с социально защищённым народом.

А теперь судите меня за все мои ошибки и грехи!

— Сейчас ты, Ульянов, сам себя осудишь, когда увидишь, что стало с Россией. Смотри в сторону своего убежища! — во всеуслышание сказал Христос и указал на Мавзолей. Всё вокруг потемнело, а у Мавзолея засветился огромный телеэкран. Вначале показали лежащие по всем дорогам трупы людей Украины, Поволжья, Средней России, скрюченных от голода.

Эту картину заменили кадры высылки в Сибирь под конвоем сельских кулаков с семьями и расстрела их. Затем показали организацию колхозов с тружениками в лаптях, хаты, крытые соломой. А дальше шла жуткая картина. Выстроились в ряд, держа в руках свои окровавленные головы, маршал Тухачевский, командарм Якир, комкор Примаков, комкор Эйдеман, маршал Блюхер, комиссар Гамарник, комбриг Шмидт. К ним присоединились: Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Томский. Внизу была приписка писателя Максима Горького: «Если враг не сдаётся — его уничтожают». После этого показали стену камеры тюрьмы, где своей кровью чекист Артузов написал: «Каждый честный коммунист должен убить Сталина!».

Затем высветилась карта распавшегося СССР, остановившиеся заводы и фабрики, нищие дети и повсюду бойкая торговля, а в мусорных баках

ковыряются нищие. Эту картину сменила другая: из огромных труб льётся нефть в морские танкеры для отправки за границу. Замелькали фамилии российских миллиардеров и миллионеров, держащих свои счета в иностранных банках.

После небольшой паузы пошли картины войны в Афганистане, Чечне, Дагестане. Затем расстрел из танков здания парламента, сидячая забастовка шахтёров России на Васильевском спуске. В заключение мелькнули кадры брошенных сельских домов, заросшие полыньёю и осотом совхозные и колхозные поля, и всё это на фоне горящих лесов и торфяников.

Ленин с ужасом смотрел на меняющиеся картины, нервно теребя в руках свою кепку, и, не выдержав, крикнул на всю площадь:

— В землю меня срочно захороните! В землю!

Толпа ахнула от этого. Когда рассеялась тьма, не было уже ни Христа, ни Ленина.

* * *

...Странно, но это какие-то пророческие сны! — начал я размышлять вслух и поймал себя на мысли о существовании Вселенского разума. Возможно, я бы ещё гонял непрофессиональные мысли, но в это время позвонил Ус.

— Ну что, старик? Прочитал?

— Прочитал.

— И как?

— Ужасно!

— Вот и мне было ужасно.

— А как теперь?

— Всё в порядке.

— Сны снятся?

— Нет.

— Вообще не снятся?

— Может быть. Но я их не помню.

— Вот и хорошо. Не нужно теперь и записывать.

— Сны не нужно! А вот стих мой к снам подпиши.

— Диктуй!

Андрей Фёдорович продиктовал мне свой стих, и я, не исправляя его, приписал в тетрадь к его снам.

Вещий сон

С горы спустился кое-как,
А вот в гору — ну никак:
То падал, то хромал, колени сбил
И вновь вставал,
Один раз вниз лицом упал.

Немного полежал, но всё же встал.
Так потихоньку плёлся ввысь,
Чтобы потом скатиться вниз.

Но только там, с вершины той,
Увидел я крестов постой
И заорал: «Я не спешу!
Крестов могильных не хочу!
Ведь я живой! Ещё люблю
И дальше жить ещё хочу!
Но от могилки к ряду в ряд
Спешил немисленный отряд.
На вороном своём коне
Все разом кинулись ко мне.

...

Но Боже мой! Как хорошо,
Что это было лишь во сне!

Сны сбываются...

*Счастлив, трижды счастлив человек,
которого невзгоды жизни закаляют.*

Жан Фабр

Наперекор всему

Тихон Васильевич Найдёнов, отменив все плановые встречи, нервно кружил по своему служебному кабинету мэра города. Его мысли, как колючки репейника, впившиеся в одежду, царапали мозг.

Несколько успокоившись, присел за свой рабочий стол, бережно достал из сейфа посеревший от времени конверт и вскрыл. Здесь, в этом незатейливом укрытии, уместилось всё его детдомовское детство. Всего-то и было в нём: выписка из акта доставки в детдом найденного под развалинами пакгауза прифронтальной станции мальчика без всяких документов, подписанная главврачом военного санитарного поезда, да две пожелтевшие фотографии с выцветшими на обороте фамилиями. Из всего того, что ещё можно было разглядеть, остались только бусинки зрачков да горестная тень в размытых очертаниях лиц. Даже если бы и не было их фамилий на обороте, Тихон Васильевич назвал бы всех по памяти по имени, фамилии и даже кличке. У каждого из них было когда-то своё прошлое, забытое под натиском новой жизни в сибирском детдоме с крикливым названием «Герои революции». Кем они были, кто их родители, знал только директор приюта да сотрудники спецслужб. Через много лет, когда появится возможность заглянуть в архивы, узнает Тихон Васильевич, что многие попали сюда как

«дети врагов народа», а другие были просто «потерями войны».

Единственное, что смог он о себе узнать, это то, что выполз к стоящему санитарному поезду из-под развалин. Из объяснительной записки главврача следовало, что за всё время следования поезда с ранеными в тыл мальчик не плакал, постоянно просил кушать и среди стонущих был самым тихим пассажиром. По этим приметам назвали его Тихоном (Тишей), а фамилию дали по факту обнаружения — Найдёнов.

С особой осторожностью достал Тихон Васильевич из конверта маленькую фотографию совсем ещё юной девушки с гордо вскинутой головой и удивительно большими лучистыми глазами. Это была его Оля: первая и последняя его Любовь. Даже сейчас ощущает он сладость их поцелуев на чердаке столовой, куда они пробирались после отбоя через слуховое окно. Здесь рождались у них планы совместной жизни, даже имена детям придумывали. Фотографию же эту сделал фотограф-любитель из соседнего колхоза, откуда он привозил в детдом картофель и капусту. Ради этой фотографии его дружок Ромка через форточку стырил из столовой две банки американской тушёнки и рассчитался ими с возчиком-фотографом. За эту операцию оставленные без обеда пацаны их крепко отволтузили, но, увидев фотографию, всё простили. С кол-

хозяина же за излишнюю жадность и чёрствость к безродным детям выудили дополнительный мешок картошки и банку мёда. Картошку ночью отволокли к дверям столовой, а мёд ели всей командой одной ложкой по строгому счёту. В кругу всех была и Оля.

Долго прятал Тихон от постороннего глаза фотографию любимой, пока не пришёл её в твёрдой обложке с внутренней стороны куртки. Теперь она всегда была с ним.

Их чувства друг к другу были настолько сильными, что наперекор всем требованиям внутреннего распорядка детдома ходили они на глазах у всех рука об руку. Возможно, и сбылись бы их мечты о будущем, да только разыскал однажды Олю её отец после длительного пребывания в сибирских лагерях политзаключённых и неожиданно увёз его Любовь навсегда.

Они, обнявшись, прощались на холодном осеннем ветру и плакали навзрыд. Отец, нервно покусывая ус, стоял в стороне и не мешал прощанию. Когда же начался рёв прибежавших девочек, обнял влюблённых и быстрым шагом увёл дочь.

По всей России искал Тихон Васильевич потом свою Олю, да так и не нашёл. На всю жизнь осталось в его сердце щемящее чувство невосполнимой утраты.

Не один раз убеждался он в превратностях судьбы: кому-то улыбается всегда, а кому-то вечно зубы показывает.

В своё время повзрослевших детдомовцев рассовывали в различные профтехучилища, ФЗУ, для приобретения рабочих профессий. Ему же повезло. Через два месяца после расставания с Олей приехали за ним бездетные супруги и усыновили его. Как же он благодарен им за их любовь и ласку, за их родительскую щедрость души. По обоюдному согласию оставили за ним его имя, а фамилию и отчество дали по новому отцу. Так и стал он Тихоном Васильевичем Найдёновым.

Воспоминания о родителях опять взбудоражили его память, и он, поднявшись с кресла, начал выхаживать от стола до книжного шкафа, натываясь на расставленные стулья. Это родители взрастили в нём человека грамотного, целеустремлённого. Всего-то и покидал он их дважды: для службы в армии и учёбы в институте. Даже когда прибыл он по распределению на работу в свой город, в служебную квартиру не пошёл, а остался с родителями в их доме на окраине города. Сюда же привёл он свою первую жену, а через пять лет и вторую.

Вообще-то с женщинами ему не везло. Вроде бы и много их было и выбор был, а дважды женился неудачно. Первая из симпатичной привлекательной девушки через два года прекратилась в ханжу с

замашками диктатора. Развелись. Через три года женился вновь. Родители в ней души не чаяли. Но она категорически выступала против деторождения. На этой почве между ними возникали серьёзные разногласия, зачастую перераставшие в конфликты. От развода удержали родители. Через шесть лет жена умерла от внематочной беременности во время командировки на Севере. Больше Тихон не женился и женщин в родительский дом не приводил. Так и живёт он со своими старенькими родителями в ежедневных заботах и хлопотах.

Вроде и городок их невелик и производств не так уж много, а проблем уйма. И вся эта «уйма» требует ежедневных решений. Вот и крутится он в этом круговороте проблем с раннего утра до позднего вечера. На сон отводит он не более пяти часов. Зато он ежедневно в любое время суток накормлен и обласкан. Родители без него даже спать не ложатся.

Первый раз по рекомендации обкома и горкома партии назначили его главой города. Пришлось поменять директорское кресло градообразующего завода на кресло главы. Через пять лет его избрали главой города, а ещё через пять лет избрали вторично, превратив в мэра города. Долго не мог Тихон Васильевич привыкнуть к этому французскому слову. Он вообще протестовал всегда, когда умники заменяли в речи русские слова на иностранные, обедняя тем самым русский язык.

Но, похоже, это поощрялось кем-то сверху. Вся эта чехарда началась с Москвы и достигла окраины.

Хотя это и было для него неприятным явлением, но на уровне остальных изменений в стране было это пустяком. Более болезненной и не всегда понятной стала политика правительства страны по переадресовке федеральных проблем регионам без финансового обеспечения. Похоже, что это продолжится и в будущем. Спорить по всему этому было не с кем, приходилось выкручиваться из куля в рогожу.

В решении многих проблем устройства города Тихон Васильевич со своей командой преуспевал, и его с трибун и в прессе частенько ставили в пример для подражания. Голова от успеха не кружилась, но, если уж быть до конца честным, было приятно. Ещё в школьные годы, читая рассказы А. И. Куприна, обратил он внимание на выражение и запомнил его: «В мире нет ни одного такого сильного яда, как слава, но и слаще его тоже нет ничего». Этого-то и остерегался Тихон Васильевич, постепенно приходя к мысли, что руководитель любого ранга не должен подолгу засиживаться на одном месте, ибо у него замыливаются глаза, и мелочи, которые кажутся ему незначительными, накапливаясь, приобретают размер проблемы. Для всех управленцев нужна ротация.

Раскидала судьба-судьбинушка всех детдомовцев по просторам России. Затерялись их следы в хороводе житейских проблем, да и острота детской памяти стала гаснуть. За всю свою жизнь только два-три накоротке встречался Тихон со своими сверстниками. Но вот как его дружок Ромка из Ташкента разыскал его, было непонятно и сверхъестественно. Однако факт есть факт, и когда тот позвонил ему по номеру домашнего телефона, на какое-то время потерял даже дар речи. От волнения он забыл спросить друга о семье, о работе, о здоровье. Запомнились последние слова Ромки: «Тихоня! Приезжай ко мне в Ташкент. Я приготовил тебе сюрприз. Думаю, ты ему обрадуешься. Приезжай обязательно. Подробности сообщу телеграммой».

— Что за сюрприз? Почему такая спешка? — вслух проговорил Тихон.

Утром на работе открыл папку с ежедневной корреспонденцией. Сверху лежала телеграмма: «Жду. Разыскал дорогого тебе человека. Будем рады встрече. Роман». Дальше сообщался ташкентский адрес.

— А не рвануть ли на самом деле в Ташкент? — сам себе вслух задал вопрос Тихон и от этого засмеялся. — Ну, Ромка, держись!

На согласование с губернатором своего отпуска и разного рода поручения заместителям ушло два дня.

По выработанной с годами привычке поднялся в шесть утра и начал собираться на работу. Вспомнил, что он в отпуске, и рассмеялся.

— Тиша! Ты бы выспался сегодня. Всё же отпуск у тебя, — выглядывая из кухни, проговорила ласково мама. — Совсем на этой работе исхудал и измотался.

— И то верно, Тихон, — из глубины кухни донёлся голос отца. — Давай отметим твой отпуск коньячком да сходим на рыбалку.

— С рыбалкой, папа, придётся повременить, — целуя мать, сказал Тихон и, присев за стол, продолжил: — Завтра улетаю в Ташкент за сюрпризом моего друга детства Романа. Рюмочку же коньяка я приму с удовольствием, — сказал и дурашливо рассмеялся.

В 1966 году Тихон Васильевич прилетал в Ташкент, когда землетрясение сильно разрушило город. Был он тогда в составе экспертной государственной комиссии по определению мер для восстановления города. Практически город, особенно жильё, нужно было отстраивать заново. После его доклада в правительстве и в ЦК было принято решение всё разрушенное отстраивать по современной архитектуре силами всех республик СССР.

В короткие сроки город был отстроен, восстановлено производство, и Ташкент зажил своей прежней мирной жизнью. Вот теперь Тихону

Васильевичу представилась возможность вновь побывать в этом городе и, главное, встретиться с другом детства.

Сборы в дорогу были недолгими, без провожаний и родительских наказов. В зеркале видел Тихон, как перед входной дверью поспешно перекрестила его мама, что-то тихонько шепча.

По мере подготовки к вылету — оформление багажа, проверка билетов, ожидание приглашения на посадку — волнение Тихона Васильевича возрастало. В голове была одна и та же мысль: «Что за сюрприз мне там Роман приготовил?» В конце концов пришёл он к выводу, что, возможно, это встреча с одним из детдомовцев. От этой мысли успокоился и даже одобрил своё решение не сообщать Роману о своём прибытии.

— Сюрприз на сюрприз, — вслух произнёс он, весьма озадачив этим соседку справа.

Через много лет Тихон признается жене, что вариант встречи с первой своей любовью подспудно в мыслях маячил, но был отмечён, как невозможный.

Полёт прошёл успешно, и самолёт, мягко коснувшись бетонки, начал тормозить, вырубивая к порту.

Из прошлого своего пребывания в разрушенном городе Тихон Васильевич запомнил некоторые исторические детали. Из объяснения древнеазиатского философа Бируни следовало, что

слово Ташкент позаимствовано из тюркского языка от названия поселения Ташкана. В летописях упоминается город ещё во 2-ом веке до н. э. Началом основания города считается городище в оазисе на берегу реки Салар. Развитию города способствовала, с одной стороны, близость к руде Карамазорских гор, а с другой — кочевая степь с обилием продукции животноводства и изделий разных ремёсел. Находясь на благоприятном торговом пути из Азии в Европу, город прирастал людьми и ремёслами, став современной столицей государства Чаг с названием Бинкент.

Не один раз город разрушали различные войска арабов, монголов, правителей Хорезма. Но город опять восстанавливался, сохраняя в архитектуре традиции местных народов с элементами культуры восточных стран.

В начале XIX в. Ташкент вошёл в состав Командорского ханства. В 1865 году был определён составной частью Российской империи и через два года стал центром Туркестанского генерал-губернаторства Сырдарьинской области.

Когда в 1899 году была построена железная дорога Оренбург — Ташкент, город стал не только крупнейшим торговым и транзитным пунктом России, но и её оплотом в Средней Азии.

Советская власть в Ташкенте была установлена в 1917 году, а в апреле 1918 года город стал столицей Туркестанской АССР. После длительной

гражданской войны город Ташкент был включён в состав Узбекской ССР, а столицей он стал только в 1930 году.

В годы Великой Отечественной войны сюда из европейской части страны переправили многие промышленные и военные предприятия, учебные заведения, культурные учреждения. В это время Ташкент многих спас от неминуемого голода.

Из перечисленных тогда культурных и правительственных учреждений Тихон Васильевич запомнил Ташкентский госуниверситет, медицинский, педагогический, политехнический институты, институт текстильной и лёгкой промышленности. Гордостью горожан были Большой театр оперы и балета имени А. Навои, Театр драмы Хамзы, Музыкальный театр имени Муками.

С особой гордостью специалисты назвали более 600 библиотек, выделив Республиканскую библиотеку имени А. Навои, фундаментальную библиотеку Академии Наук, медицинскую и научно-техническую библиотеки. Были названы десятки музеев истории, искусств и славы жителей Республики.

Всё это в то время нужно было либо реставрировать, либо восстанавливать заново.

Взяв такси, Тихон Васильевич решил совершить небольшую экскурсию по городу. Таксист оказался словоохотливым знатоком города.

Город Тихона ошеломил: вместо запомнившихся развалин домов, словно на параде, выстроились жилые кварталы с фасадами колорита республик-строителей, детские площадки, школы, магазины. Во дворах домов высажены деревья и везде для увлажнения воздуха журчит вода арыков. Ташкент стал символом единения всех народов и национальностей. Кругом чистота и порядок.

Проехали по зелёному берегу реки Чирчик, заглянули на рынок, с его характерным гомоном и медовым ароматом дынь. После этого путь пролёг в сторону привокзальной площади, на которой возвышался памятник 14-ти туркестанским комиссарам. В глубине этой площади и находился дом его друга Романа.

Подкатили почти к самому подъезду. Тихон, явно волнуясь, поднялся на третий этаж и у двери с номером 57 нажал на кнопку звонка. Она тут же открылась, и в проёме появился Ромка: такой же смуглолицый, с копной вьющихся волос на голове, с изрядной сединой. Однако был он не по годам молод. Тихон уже и готов был обнять друга, да во время сообразил, что это не он.

— Меня зовут Тихоном Васильевичем. Приехал я к своему другу Роману Николаевичу по приглашению в гости, — скороговоркой выпалил Тихон.

— А вы проходите в дом и давайте знакомиться. Я сын Романа Николаевича — Костя.

Папа скоро придёт. Он о вас нам с мамой все уши прожужжал: «И какой у меня друг! Какой у меня друг!» — смеясь, проговорил Костя и начал помогать разоблачаться Тихону Васильевичу.

На шум из соседней комнаты вышла милостивая женщина, по обличью и одежде явно узбечка. Догадавшись, кто перед ней, дружески улыбнулась и представилась:

— Я вас, Тихон Васильевич, по рассказам Ромочки таким и представляла. Зовут меня Зариной Усмановной. Я жена Романа Николаевича, а это наш сын. Ромочка придёт с минуты на минуту. Вот будет для него сюрприз, — несколько растягивая слова, как учитель в школе, проговорила она и, взяв Тихона под локоть, повела в богато обставленный большой зал.

— Костя! Проводи нашего гостя в ванную комнату, а я быстренько приготовлю по-узбекски плов и чай, — распорядилась она и тут же исчезла.

Не успел Тихон Васильевич после душа путём вытереться, как с порога донеслось:

— Где этот Тихоня? Я его сейчас буду душить за его коварство по прибытии. А ну, выходи на суд товарища!

Только и успел Тихон шагнуть за порог ванной комнаты, как тут же оказался в крепких объятиях полковника милиции. Этот был Ромка. Они обнимались и плакали, нервно смеялись, обнимались и плакали.

Долго не могли успокоиться и, когда этот момент наступил, не разжимая объятий перешли в зал.

Только присели, как раздался телефонный звонок. Роман кого-то молча выслушал и отчеканил:

— Меня не будет три-четыре дня. У меня в гостях дорогой мой друг. Все вопросы решай сам и никаких звонков! Ясно? Ну вот и хорошо!

— Ох, и строг ты, Рома, — только и успел заметить другу Тихон, как раздался звонок в дверь, и в коридор шагнул капитан милиции с огромной корзиной фруктов, вина и ещё чего-то. Поставил всё это и молча ушёл.

На немой взгляд Тихона Роман ответил:

— Ташкент — город большой, а начальник горотдела один. Не мне это принесли, а моему гостю. Таковы местные обычаи ещё с истории. Не прими я подарок — обидятся, сочтут за оскорбление. Врагом можно из-за этого стать. Сейчас ты всё увидишь сам. Я и знать не буду, кто принесёт подарок.

В этот вечер долго ещё несли в этот дом что-то и от кого-то.

Костя с мамой быстро накрыли стол и тихонько удалились. Друзья стоя выпили за встречу, затем повторили за друзьями детства, затем...

Через час застолья заговорили о самом сокровенном.

Тихон выложил о себе всё до мелочей, а под конец своего рассказа всё же не вытерпел и спросил:

— Рома! А где обещанный сюрприз?

Ромка хитровато улыбнулся и совершенно трезвым голосом произнёс:

— А это, Тиша, будет тебе на похмелье!

Роман Николаевич налил в бокал светлого вина и, держа его в руке, заговорил:

— После того как тебя забрали твои новые родители, остался я без дружеской поддержки. Через год часть наших ребят и девчат распределили на учёбу по разным училищам. В ФЗУ, куда я попал, из меня должны были сделать столяра. Но там, Тиша, было не до учёбы. Там ежедневно нужно было выживать. Наши детдомовские проказы с тем, что там творилось, были семечками. Кто постарше и посильнее действовали словно бандиты: отнимали еду, одежду, пили, избивали непокорных, устраивали поножовщину.

Однажды, когда меня опять сильно избили, попал я в больницу и в процедурном кабинете увидел цветной настенный календарь на фоне голубых куполов.

Мне показалось, что эти купола я уже где-то видел. Внизу календаря мелко было написано слово Ташкент. Вот тут-то меня и осенило: не из Ташкента ли я? Определиться помог случай.

Роман Николаевич встал, нервно закурил, сделал глоток вина и продолжил:

— Однажды из Москвы прибыла в наш детдом какая-то комиссия. Пожелали они поговорить с нами о житье-бытье и об учёбе. С этой целью и меня пригласили на беседу. Дверь директорского кабинета, где заседали проверяющие, была полуоткрыта, и я заметил, что перед каждым приглашением очередного воспитанника они читают документы в разных папках. Меня осенило — надо выкрасть своё личное дело.

Время шло к обеду, и, когда все удалились, я через форточку — а форточник, как ты помнишь, я отличный — забрался в кабинет, разыскал свою папку и благополучно с ней выбрался наружу. И вот что я, Тиша, вычитал. Оказывается моя фамилия не Русланов, а Усманов, и родом я из Ташкента. Отец мой был начальником горотдела милиции, и его вместе с моей мамой арестовали в 1939 году, через месяц расстреляли. После отца забрали моего деда — историка школы. Он тоже исчез бесследно. Спасая меня, бабушка решила затеряться в глухомани Сибири, но дорогой заболела и умерла. Меня сняли с поезда и определили в наш детдом. На одном из документов моего дела карандашом была сделана приписка о братьях и сёстрах бабушки с указанием адресов. Не долго думая, дал я дёру из Сибири сюда, в Ташкент.

Разыскал я здесь своих родственников, и они меня вырастили, выучили и наставили на путь истинный.

Отслужил армию в милицейских войсках, и после демобилизации направили на работу в милицию.

Здесь я встретил мою Зарину. Она в это время преподавала в школе русский язык и литературу.

Потихоньку сняла она с меня шелуху детдомовщины, и зажили мы друженько да ладненько. Через год после свадьбы родила она мне на радость сына.

При упоминании о сыне лицо Романа Николаевича внезапно посерело и на глазах появились скупые слёзы. Видя недоумённый взгляд Тихона, с дрожью в голосе сообщил:

— Наш единственный сын серьёзно болен. У него нервный срыв после войны в Афганистане. Там он попал в плен, и, когда их повели расстреливать, ему удалось сбежать. Вернулся домой с опустошённой душой, с потухшим взглядом и повторяющимися нервными припадками. Он нам с матерью о войне почти ничего не рассказывал, но вот что я у него нашёл в прикроватной тумбочке. — Роман подал Тихону тетрадный лист, на котором рваным нервным почерком был написан стих. — Это, Тиша, не стих! Это крик его души, его боль!

Афган

Нас с боя вывели вчера,
Когда подмога подошла:
Десант приполз на перевал
И встречный бой душманам дал.

Они ж, набравшись наркоты,
В полный рост на нас всё шли:
Им нужен был тот перевал,
Где оборону взвод держал.

Живых в ущелье отвели,
Что б на рассвете увезти,
Мы прилегли там у костра
И нервно спали до утра.

В тумане «духи» подошли,
Обойдя все наши посты,
Сонных быстро повязали,
Куда-то в горы повели.

С нами шёл наш капитан,
Безумно храбрый ветеран:
На ноги сильно припадал,
Но не ныл и не стонал.

Когда нас к круче повели,
Он крикнул: «Вниз! За мной, сынки!»

И первым — в омут головой,
Таща и нас всех за собой.

Не погибли мы в войне,
Не утонули и в реке,
Но нет ответа до сих пор,
Кто смертный дал нам приговор?

Пока Тихон Васильевич читал, Роман Николаевич, судорожно глотая, выпил бокал вина и жадно выкурил сигарету.

— Разумеется, до правильного стихосложения там далеко, но это — исповедь солдата, видевшего смерть, — немного успокоившись, сказал Роман. — Похоже, все они, оставшиеся в живых, вернулись с этой войны с искалеченной душой, полуживыми. Видел я как-то, Тиша, когда они в камуфляжах стали у фонтана на площади в круг, обнялись, сомкнули головы и плакали. На это невозможно было спокойно смотреть. После таких встреч начитаются у него припадки, и он долго ещё воюет.

Куда я его, Тиша, только не возил, где только не лечил — всё безрезультатно.

— Слушай, Рома, а давай я его заберу к себе. У меня в городе успешно практикуют китайцы. Может быть, они-то и помогут.

Роман Николаевич всё это молча выслушал, быстренько удалился и через минуту привёл жену.

— Послушай, Заринушка, что предлагает нам мой дружок.

Тихон Васильевич подробно и убедительно повторил своё предложение. Зарина Усмановна подошла к Тихону, благодарно положила на его плечо руку и, обращаясь к мужу, дрогнувшим голосом проговорила:

— Нужно согласиться, отец, — сказала и, печально опустив голову, ушла.

Чтобы как-то разрядить обстановку Тихон Васильевич предложил выпить за родителей. Затем пили за настоящих друзей, за счастье детей, за любовь, за мирное небо над головой. Угомонились только утром на рассвете.

Следующий день полностью был посвящён достопримечательностям Ташкента и его лучшему ресторану. После всего этого уехали ближе к ночи на трёх машинах на дачу куда-то в сторону Самарканда, на берег реки Заравшан.

Здесь всё повторилось заново. Под конец уже надоевшего застолья Тихон Васильевич опять-таки задал вопрос:

— Рома! Где обещанный сюрприз?

— Завтра всё будет, — хитровато улыбаясь, ответил Роман.

Утро наступившего дня началось с чашечки кофе и лёгкого завтрака. Роман Николаевич отвёл в сторону жену, и они долго о чём-то шептались, изредка поглядывая на Тихона. Минут через

двадцать Зарина Усмановна с Костей, попрощавшись с гостем, укатили в Ташкент.

Роман Николаевич сел за руль автомобиля, усадив рядом Тихона Васильевича, и со знанием дела заявил:

— Сейчас мы с тобой, Тиша, едем за сюрпризом в Бухару. Машина нашего сопровождения идёт впереди, так что за нашу жизнь можешь быть спокоен. За время пути коротенько поделюсь своими знаниями о городе и тем, что почерпнул от Зарины. Наберись терпения и слушай!

Тихон Васильевич интуитивно чувствовал, что его друг что-то прячет за частоколом рассказа, но перебивать его не стал.

— Город Бухара был основан в начале новой эры в оазисе низовья реки Зарафшан. Название города, скорее всего, заимствовано от местного «бугора», или «божья красота». И это действительно красота красот Средней Азии.

Город неоднократно занимали разные завоеватели. Побывали здесь арабы, кочевники, войска Чингисхана, воины Тамерлана, кочевники-узбеки. В конце концов где-то в XVI веке образовавшееся государство Шейбанидов стало называться Бухарским ханством, и в течение четырёх столетий Бухара была столицей. Самое же удивительное, Тихон, завоеватели старались город

не разрушать, а, наоборот, возводили новые сооружения. Страдала только крепостная стена.

Когда прибудем в Бухару я тебе обязательно покажу Мавзолей Исмаила Самани, ансамбль Пои-Калян с минаретом Калян и мечетью, облицованные цветным кирпичом. Побываем обязательно в Мавзолее Сейфеддина Бохарзи, познакомимся с устройством медресе.

Роман Николаевич говорил, говорил, а Тихона Васильевича по мере приближения к городу охватывало какое-то особое волнение, от которого он никак не мог избавиться.

Уже въезжая в город, Роман Николаевич в заключение сказал:

— В 1862 году город вошёл в состав Российской империи, а в октябре 1920 года Бухару объявили столицей Бухарской Народной Советской Республики. Теперь я предлагаю следующий план действия, — утвердительно заявил Роман: — часа два-три знакомимся с достопримечательностями Бухары, затем обедаем в загородном ресторане в компании моего местного коллеги и милейшей женщины-хирурга.

— Что затем? — кивая в знак согласия головой, спросил Тихон.

— А дальше, дорогой дружочек, как карта ляжет, — задумчиво проговорил Роман и, припарковав машину, вышел.

Вернулся минут через десять довольный, с нескрываемой улыбкой на лице.

Величие и великолепия сооружений древности, их особая восточно-азиатская архитектура в сохранившейся кладке и чеканке, поражали Тихона Васильевича. Увлечённый рассказами гида и увиденным, не заметил, как пролетели три часа экскурсии.

Накупив массу сувениров и фотографий Бухары, Тихон подошёл к машине, но Романа там не оказалось. В скором времени тот появился с огромным букетом чайных роз, приговаривая: «Дарите женщинам цветы! Дарите!».

В уютном зальчике ресторана стол был накрыт на четыре персоны, а рядом стоял молодой официант в ожидании распоряжений.

Трое были на месте: Роман Николаевич, Тихон Васильевич и местный начальник горотдела милиции — Усман Алиевич Алиев. Не было только доктора-хирурга, хотя на столе в огромной хрустальной вазе красовались розы.

Роман всячески тянул время застолья, выжидающе поглядывал на входную лестницу зала. Было видно, что для него важна эта встреча. Тихон Васильевич мог только посочувствовать Роману, который так рьяно ожидал встречи с мифическим хирургом.

Первым увидел приближающуюся стройную женщину Тихон Васильевич. Он даже успел

подумать о Романи: «Губа не дура» — и посмотрел на него. От того, как тот засуетился при виде женщины и как изучающее глянул на него, Тихон Васильевич невольно повернулся в сторону входящей женщины и остолбенел.

Даже через сто лет он узнал бы её по гордой посадке головы, по лучезарным глазам, по милой ему улыбке. Это была его Оля, Олечка, его любовь, его нежность.

Не осознавая своих действий, гонимый шквалом чувств, рванулся он к ней, сметая стулья, посуду, подхватил на руки и начал целовать, целовать.

Она же трепетно прижалась к нему, тихо заплакала, и её губы между поцелуями шептали только одно:

— Миленький! Любимый! Долгожданный!

На них начали посматривать из других залов. Они же настолько были во власти этой долгожданной встречи, что даже не было сил разжать объятия.

Они не слышали, что им аплодируют из противоположного зала, оттуда же донеслось: «Горько! Горько!»

Опомнились, когда Роман Николаевич, хлопнув пробкой шампанского, застучал вилкой по хрустальному фужеру. Начальник местной милиции никак не мог взять в толк, как это их строгий хирург могла так встретить гостя. Так и не

разобравшись, налил себе коньяка и, мысленно поздравив всех, выпил.

Всё остальное происходило, как в калейдоскопе. Роман провозглашал какие-то тосты, и его поочерёдно целовали. Затем целовались они. Ромка же после каждой выпитой рюмки хлопал себя по груди и провозглашал: «Вот он мой сюрприз! Живой сюрприз нашего детства!»

Застолье перешло за полночь. Роман о чём-то перемолвился с Алиевым и тут же заявил:

— Оля! Я своего друга до обеда оставляю под твоё покровительство, а мы с Усманом продолжим собеседование на его даче. Машина прибывает за вами в двенадцать. Мы, естественно, не говорим «прощайте», а говорим «до свидания».

Фыркнула машина, и начальники укатили.

— А как же мы, Тиша, — прижимаясь и как бы ища защиту, проговорила Оля.

— А наш экипаж под номером 17, Оленька, стоит на противоположной стороне, — сказал Тихон и прижал Олю к себе с такой силой, что она даже ойкнула.

— Задавишь, медведь, — засмеявшись, сказала Оля и, взяв Тихона за руку, потянула к машине.

Оля своим ключом открыла дверь квартиры, осторожно заглянула в комнату дочери и, не обнаружив её, проговорила:

— Наверное, ушла к подруге.

Вручила тут же Тихону халат и указала на ванную комнату.

Пока Тихон плескался и фыркал под душем, выгоняя пары алкоголя, Оля по-чистому застелила в спальне постель, поставила на столик вазу с фруктами и из холодильника достала бутылку шампанского.

— Ты, Тиша, тут пока управляйся с вином, а я приму тоже душ, — прихватив лёгкий халатик, щebetнула Оля и, мило улыбнувшись, ушла.

Уснули под самое утро, когда большие напольные часы отстучали шесть раз.

Оля проснулась первой на уютной груди Тихона. Его руки настолько крепко сомкнули объятия, что выбраться из них не разбудив Тихона было

невозможно. А ей и не хотелось этого делать. За много лет своей жизни нырнула она этой ночью в омут своей долгожданной любви, к милому ей мужчине. Она сейчас не думала о дне завтрашнем, о возможном повторении мук расставаний. Она жила днём сегодняшним, очарованная осознанной и вымученной любовью. Пусть это будет маленькой толикой её счастья, но это её — и только её. От этих мыслей навернулись слёзы, которые затем скатились по щекам на грудь Тиши.

Оля краем глаза видела спокойное, мужественное лицо своего любимого, мелкие морщинки у глаз и плотно сжатые губы сильного и

смелого человека. «Тиша, Тиша! Почему ты так долго не появлялся? Неужели с другими женщинами забыл наши клятвы? Почему не искал меня? Почему обделил меня своей любовью?» — мысленно говорила она с ним.

Оля опять попыталась расслабить объятия Тихона, но он, не просыпаясь, так стиснул её, что она тут же отставила всякую попытку и через какое-то время умиротворённо уснула.

Проснулась от ощущения чего-то недостающего, и, не обнаружив рядом с собой Тишу, тихонько всхлипнула, и мысленно вернулась к своей ночной исповеди: «Родной мой! Как я прожила все эти годы в ожидании встречи с тобой, знает только Бог и моя подушка. Фамилия моя, как ты помнишь, была Ожегова. Так это было и на самом деле. Мой папа, Ожегов Анатолий Францевич, был командиром какого-то крупного воинского подразделения на Востоке страны. В 1939 году принимал участие в боевых действиях против японцев на реке Халхин-Гол. Действия наших войск оказались непродуманными, и от этого были большие потери. Отец всё это высказал комкору Г. Н. Жукову. Случилось это в конце августа, а в сентябре папу арестовали. Мама искала его в разных судебных инстанциях, но безрезультатно. После ареста отца маму начали притеснять на работе, и ей пришлось из института уволиться. Два года проработала техничкой в

школе. Не знаю, чем она руководствовалась в последующих своих действиях, но в начале 1942 года поспешно вышла замуж, и мы переехали в Новосибирск. Через год в пьяной драке убили её мужа, и мама начала пить. Вскоре от сильного запоя она умерла, оставив меня со старенькой мамой её мужа. Старушка помучилась, помучилась со мной и перед своей кончиной определила меня в наш детдом. Так я оказалась рядом с тобой.

Не знаю, кто уж там из верховной власти заступился за папу, но его через восемь лет лагерей освободили. Каким-то чудом ему удалось меня разыскать, и он увёз меня в Ташкент. Здесь я закончила десятилетку и с большим трудом поступила в медицинский институт.

Папа, напуганный произошедшим с ним, боясь возврата репрессий, решил сменить мне фамилию, заставив меня выйти замуж. Так я стала Бондаревой Ольгой Анатольевной.

О своих злключениях в сталинских лагерях смерти папа ничего не рассказывал и только в редких случаях, когда приходилось выпивать, грозил кому-то кулаком и называл их врагами и прихлебателями.

На четвёртом курсе института родила дочку. Назвала, как мы договаривались с тобой, Наташей. С мужем в скором времени расстались. Когда, Тиша, нет к человеку любви, её искусственно не

создать. Муж это понимал и после развода уехал куда-то навсегда.

Папа больше не женился, а когда появилась внучка, принял на себя все заботы о её воспитании и обучению. После окончания института направили меня на работу в Бухару. Здесь я и стала ведущим хирургом городской больницы.

Наташа после школы под зорким оком бабушки поступила в этот же институт и после окончания приехала ко мне. Она терапевт. Теперь мы работаем вместе. Папу похоронили два года назад. Всё это время папа помогал мне в поисках тебя, но безрезультатно. Сердцем, душой чувствовала, что мы обязательно встретимся, и помог нам в этом наш геройский Ромка.

Два месяца тому назад вместе с группой оперативников участвовал он здесь в задержании опасного преступника. Что-то там просмотрели опера, что-то недодумали, и Ромка схлопотал удар ножом в живот. Рана была не ахти какая, но всё же пришлось его уложить в стационар. Вот тут-то я его и узнала.

Долгими вечерами просиживала я у его постели, вспоминая тебя и нашу детдомовскую жизнь. Перед самой выпиской принесли ему пачку газет, где в одной из них было опубликовано небольшое сообщение, что в Москве состоялось совещание, на котором выступил мэр города

Т. В. Найдёнов, и была напечатана групповая фотография. Я тебя узнала сразу. Ромка после этого со всей его энергией и возможностями начал искать тебя. И нашёл ведь!

Ты не представляешь, Тиша, как я была счастлива от этого. Я уже и ехать к тебе собралась, да Ромка остановил, пообещав пригласить тебя в Ташкент и Бухару. А когда он позвонил мне сообщить, что ты у него, я места себе не находила и впервые о нас с тобой рассказала дочери. Теперь мы вместе! Я счастлива до безумия от этого, родненький мой!»

На кухне что-то брякнуло, и оттуда раздался сдержанный смех.

Молнией сбросив с себя одеяло и накинув на голое тело халатик, Оля, шлёпая босыми ногами, заспешила на голоса. А на кухне всё кипело и скворчало. Тиша и Наташа усердно готовили праздничный стол, на котором уже красовался огромный букет свежих цветов в окружении шампанского и множества снеди. Повара, увлечённые приготовлением, не слышали Олю, а она, счастливая, смотрела на них и от этого тихо плакала. На очередной её всхлип оба разом обернулись, и она тут же оказалась в их объятиях.

После долгого переодевания и прихорашивания из Наташиной комнаты вышли две очаровательные женщины, настолько похожие, что Тихон невольно ойкнул, но тут же галантно усадил

их за праздничный стол, разлил шампанское. Затем вышел из-за стола и, подойдя в Оле, явно волнуясь, заговорил:

— Оля! Мы тут утречком с Наташей переговорили, и она согласилась с моим намерением сделать тебе предложение стать моей женой. Оля! Ты согласна?

От этой неожиданности Оля как-то странно качнулась взад вперёд и, почти не видя ничего из-за нахлынувших слёз радости, повисла на шее Тихона, повторяя одно и то же: «Да! Да! Да!»

Наташа за столом несколько раз обращалась к маме, но, ни разу не получив вразумительного ответа, от этого отказалась и с нежностью наблюдала за новоявленными супругами. Мама всецело была поглощена своим счастьем и слушала только своего Тишу. А он в свойственной манере руководителя весьма корректно изложил план действий по регистрации брака, по организации свадьбы, по переезду в его город и по трудоустройству. Закончил следующим:

— Первое, что мы сейчас сделаем, — отправим телеграмму родителям о моей женитьбе и приезде. Затем втроём пойдём в магазин выбирать свадебные наряды и подарки.

Оля зачарованно слушала мужа. Впервые за всё время своей жизни она осознала, что теперь ей не нужно принимать решения по жизненным вопросам, не нужно что-то планировать на

будущее, не нужно переживать за судьбу дочери. Всё теперь делает за неё её Тиша. Делает хватко, продуманно, без суеты. «Так неужели всё это реально и происходит со мной? Неужели слёзы мои и мучения закончились? Боже! Как я хочу, чтобы всё это осталось до конца моей жизни!» — не вникая в подробности разговора, думала Оля.

За общими разговорами не заметили, что стрелка часов застряла на цифре 12. Вместе с последним ударом курантов раздался звонок в дверь. С какими-то коробками, фруктами, шампанским через порог шагнули весьма весёленькие начальники горотделов. Ещё и за стол не сели, а Роман, посмотрев на смеющихся Олю и Тихона, многозначительно изрёк:

— Усман Алиевич! Здесь пахнет свадьбой. Нам нужно всё организовать! Убедившись, что попал в десятку, закончил: — А теперь по этому поводу есть предложение выпить и начать организационное заседание, как в Филях перед Бородино!

Детально всё обсудив, остановились на варианте Усмана и Романа: свадьбу отмечать в три этапа.

Вначале в Бухаре, где всё организационные вопросы по регистрации брака, месту проведения, увольнению с работы Оли и Наташи с гордостью взял на себя Усман. Второй раз отмечают в Ташкенте, где, естественно, всю организацию берет на себя Роман. Третий раз отмечают дома у Тихона

в кругу родителей, друзей и гостей из Бухары и Ташкента.

Два дня суеты и беготни по магазинам пролетели, как мгновение. И вот наступил день бракосочетания и свадьбы.

Ещё с утра потянулись к дому молодожёнов люди разной национальности: узбеки, таджики, казахи, русские, каракалпаки. Замелькали в толпе узбекские платья, таджикские халаты, цивильные костюмы и вездесущие дети. Перед самым выходом жениха и невесты, когда для всех гостей подогнали автомобили, присутствующие выстроились в две шеренги, призывно заиграла зурна, затем другая, третья, извещая всех о торжестве создания новой семьи и общей радости.

Для Тихона и Оли всё происходящее: ЗАГС, обручальные кольца, музыка Мендельсона, свадьба — запечатлелось в памяти, как всплеск всеобщего ликования друзей и гостей, как победа торжества над их горем и разлукой, как гимн их выстраданной любви. У Тихона сложилось мнение, что в этот день гуляла вся Бухара. Под занавес свадебного торжества по местному обычаю в сопровождении избранных гостей, отвезли молодожёнов домой.

Уставшие, но невероятно счастливые, Оля и Тихон проспали до самого утра, пока не услышали требовательный стук в дверь вездесущего Романа с сотоварищами.

В Ташкенте торжество отмечали так же пышно, с размахом в уютном загородном ресторане. Тосты, цветы, цветы и множество подарков от знакомых и незнакомых людей. Всё было в этот день, но был ещё один, очень дорогой, подарок — телеграмма от родителей: «Поздравляем тебя, сынок, и твою Олю с правильным решением. Ждём всех домой. Ваши мама и папа».

Пока шла чередой свадебных торжеств, Наташа постоянно была рядом с мамой и до безумия радовалась её счастью. Только однажды она подумала о себе, перенося на себя происходящее: «Была ли у меня любовь? Пожалуй, что нет! На втором курсе, правда, была увлечена молодым доцентом, но после двух встреч разочаровалась в нём, и мы расстались. Разумеется, мне хотелось любви, семьи, да и ребёночка уже пора бы родить. Похоже, до сих пор не встретила я свою судьбу семейного счастья, как мама».

Молодость и оптимизм брали верх над всем негативом мыслей, и она вновь окунулась в хоровод общего веселья.

Среди гостей Наташа выделила высокого, стройного, смуглолицего юношу, пожалуй, ровесника, с огромными печальными глазами. Улучив момент, они уединились и разговорились. Наташа вкратце рассказала всё о себе, а Костя очень грустно сообщил, что после службы в Афганистане он серьёзно заболел. Теперь вся надежда по

излечению возложена на Тихона Васильевича, который пообещал его взять с собой.

— Так я тоже с мамой уезжаю к нему. Будем жить вместе. Не горюй, Костя! Победим мы твою болезнь! И через минуту: — Ты танцуешь?

— Нет.

— Пойдём, пойдём, я научу.

С этого дня завязалась у них дружба, а когда Наташа узнала о его болезни всё более подробно, со свойственным ей максимализмом решила: «Я его поставлю на ноги! Обязательно вылечу!»

На новом месте первая неделя прошла в суете общих забот. После шумной, по городским меркам, свадьбы мэра выделили ему отдельный коттедж в центре города.

Роман и Зарина, проводив всех гостей, остались для оказания помощи по благоустройству жилья. Роман Николаевич был в ударе: часами бегал по магазинам, выбирал торшеры, люстры, светильники и ещё много, много другого. Его командный голос был слышан повсюду: в подъезде при выгрузке мебели, в обществе рабочих, занимающихся наклейкой обоев, даже на кухне. И везде он давал советы, указания, раздавал похвалу.

— Ромочка мой всё сделает хорошо! Он это умеет, — улыбаясь, объясняла Зарина присутствующим, слыша голос мужа.

К концу недели всё было сделано. Жильё заиграло многоцветием, отражая красоту уюта.

Роман Николаевич и Зарина начали готовиться к отъезду.

Зарина ещё во время общих работ по благоустройству жилья чутьём матери заметила особую внимательность Кости к Наташе, которая отвечала ему тем же. Зачастую их смех был слышан из какой-нибудь дальней комнаты.

«Девочка моя! Помоги моему сыну своей добротой и любовью», — не один раз обращалась она мысленно к Наташе.

Прощались в аэропорту, не скрывая печали и слёз. Обнимая Тихона, Роман шепнул ему:

— Тиша! Сыну моему помоги! Вылечи!

— Я сделаю всё, что могу. Всё, что могу. А могу немало! Лети, Рома, домой и успокойся. Не забывай, что у меня теперь в доме два врача: Оля и Наташа!

В скором времени Оля и Наташа начали свою трудовую деятельность в первой городской больнице, сюда же поместили для обследования и Костю.

После многочисленных анализов, уточнения деталей детства и юношества консилиум врачей по заболеванию и установлению её причины исключил наследственный фактор и структурный дефект головного мозга, так и не дав ответа о причине возникновения болезни.

Наташа всё это время была рядом с Костей, скрывая от него решение консилиума врачей. Тихон

Васильевич, узнав от Оли и Наташи подробности врачебных выводов, на следующий же день поместил Костю в небольшую частную клинику китайцев.

Болезнь медленно отступала, и Костя уверовал в своё выздоровление. Что тут больше помогло: иглотерапия древней Китайской медицины, окрепший организм молодого человека, постоянная забота Оли и особенно Наташи — суть не важна.

Болезнь через месяц лечения исчезла, и Костю отпустили домой под врачебное наблюдение. Теперь в комнатах Наташи и Кости вечерами слышны были музыка и смех.

Пока лечили Костю, Оля почувствовала, что скоро опять станет матерью.

Ликованию Тихона не было предела. Когда на свет появился здоровенький мальчик, семейным советом решили назвать Романом и об этом сообщили в Ташкент.

Не прошло и двух дней с момента звонка, как в квартиру втиснулись Роман и Зарина с чемоданом пелёнок, распашонок, детских ползунков, с импортной детской коляской и большим педальным автомобилем.

На второй или на третий день обмывания маленького Романа к вечернему праздничному столу не вышли Костя и Наташа. Но когда они появились, держась за руки, с счастливым блеском

в глазах, Зарина всё поняла и такая же счастливая, обняв молодых, начала целовать.

Роман Николаевич церемонно, согласно узбекскому обычаю, связал руки счастливой пары платком, усадил в торец стола и, подмигнув Оле и Тихону, спросил:

— Вы что это? Неужто решили пожениться?

— Да, — застенчиво ответил Костя.

— Да! Да! — дерзко вскинув голову, обведя всех зачарованным взглядом, гордо заявила Наташа.

Тихон Васильевич, оглушённый этим сообщением, даже растерялся и почему-то суетливо начал двигать по столу ложку и вилку. Когда же осознал происходящее, подскочил к ребятам и крепко прижал их головы к своей отцовской груди. Оля и Зарина, обнявшись, плакали от счастья за детей.

Веселья в этот день было, пожалуй, больше, чем могли вместить стены этого семейного и такого счастливого гнёздышка. Роман Николаевич на радостях хлопнул подряд две рюмки коньяка и пошёл в пляс, исполняя не то цыганочку, не то лезгинку.

* * *

Большие напольные часы по-прежнему исправно отсчитывали время.

Носится вьюном по комнатам внучек под ворчание бабушки:

— Константинович! Ты куда опять полетел? Эким ты непослушным стал! Придётся родителям сказать!

— Ба..а..уленька! Не надо гово...л...ить! Я уже сейчас исп...а...влюсь, — пробегая мимо бабушки, проговорил внук и резво убежал.

*В характере каждого человека
есть нечто такое, чего нельзя
сломать: это костяк
характера.*

Георг Лихтенберг

Прерванный полёт

На заседании Совета ветеранов труда было принято решение опубликовать в областной газете серию очерков о наших восьмидесятилетних жителях. Мне, как бывшему газетчику, поручили съездить в село Ключи к известному в своё время овощеводу Бернару Антону Андреевичу. За многие годы своей корреспондентской работы мне приходилось бывать раза три в этих Ключах, но близкого знакомства с овощеводами не получилось, а с бригадиром бригады только раз накоротке-то и встретились. Я даже лица его не мог вспомнить.

По выработанной с годами походной жизни собрал с вечера всё необходимое для предстоящего визита, прихватив на всякий случай бутылочку коньяка.

Рано утром автобусом отчалил за сто вёрст, в Ключи.

Летняя прохлада утра да монотонное шуршание шин по асфальту вызывали особо комфортную дремоту. Вышел из этого состояния где-то на полпути рейса. Дорога причудливо петляла в окружении тайги, в пробивающихся лучах запоздалого солнца, от чего всё вокруг: дорога, великаны сосны — казалось завязанными воедино меняющейся паутиной света и тени. От этой почти забытой красоты вновь почувствовал прилив былой энергии фотокорреспондента и умудрился на ходу сделать несколько снимков.

К маленькому придорожному автовокзалу прибыли точно по расписанию. До Ключей предстояло мне прошагать не менее трёх километров. Меня это нисколько не смутило. Забросил за спину походный рюкзачок я, бодрым шагом, забыв про возраст, направился к виднеющейся горе, у подножия которой и расположилось село.

Разное говорили относительно названия посёлка. Кто утверждал, что произошло оно от множества родников (ключей), что бьют из-под горы, а историки утверждали, что посёлок был заложен первопроходцами как начало освоения природных богатств таёжной глухомани, то есть ключ к богатству. Как бы то ни было, посёлок разрастался, превращаясь из отделения совхоза в самостоятельное хозяйство.

Вот сюда и вела меня довольно-таки разбитая дорога, как и десятки подобных дорог моей молодости. На очередном повороте заметил утопанную тропу к горе. Решив сократить путь, свернул на неё, бормоча стих:

Иным газета — бумажица,
Кульки из неё крутили бы,
А мне она птицей кажется
С большими, белыми крыльями!

Тропа за молодым ельником резко метнулась на вершину горы, и оттуда открылась панорама

посёлка. Жадно вглядываясь в разброс улиц, ищу глазами Дом культуры, медпункт, тракторный и автомобильный ангар и ничего не обнаруживаю. «Сюда ли я прибыл? — мелькнула даже мысль сомнения, — Да нет же! Сюда!» Ещё не осознавая произошедшего с посёлком, ускорил шаг, спускаясь вниз. Минут через десять шагал я уже по знакомому и незнакомому селу. Проходя по дамбе когда-то большого пруда, увидел полностью открытую шандорину, из под которой медленно выплёскивал свои воды ручеёк. Бывшее зеркало водоёма серело донным илом, бурно зарастая ивняком и осокой. Не слышны гомон ребятишек и дерзкие выкрики ныряльщиков с гребня плотины. Тишина!

Шагая по безлюдной улице, обратил внимание, что нет дощатого тротуара — былой гордости села. По остовам фундаментов и обильным зарослям крапивы, насчитал отсутствие более десяти деревянных домов и производственных построек. Кругом запустение: завалившиеся ограды, ржавые останки техники и заколоченные крест-накрест окна домов.

Очумело озираясь по сторонам, дошёл до обшарпанной конторы и на втором этаже в одном из кабинетов обнаружил человека. По щетине на лице, по мутному взгляду и стойкому винному запаху было понятно, что пьёт он уже не один день и, похоже, сегодня с утра плеснул на старые дрожжи. Уверен, что такое состояние для него было

нормой. Мужчина при виде меня встал из-за стола, приветливо пожал мне руку и пригласил присесть на единственный стул без спинки. Его одиночество и хмель требовали разговора. Остерегаясь таких разглагольствований, я расспросил о дороге к Бернару и поспешил удалиться. Уже на выходе услышал:

— Это единственный правильный мужик в нашей деревне! Передайте ему от меня поклон!

Уверенно пройдя вдоль улицы ещё метров сто, свернул налево в переулок и опешил. Всё, что я увидел, не соизмерялось с процветающей разрухой села. У меня возникло сразу сравнение с оазисом в пустыне.

Всего-то и домов в этом переулочке расположилось около десятка, но настолько выглядели они вызывающе своей красотой и ухоженностью, что невольно хотелось крикнуть: «Почему же не все такие!»

Вдоль улицы, по обеим её сторонам, был проложен тротуар. Оградки из штакетника у каждого дома были выполнены одного фасона, а палисадники красовались разноцветием. Перед каждым домом в белом обрамление вдоль забора разместились клумбы с таким разнообразием цветов, что я не вытерпел и сделал несколько снимков. В отличие от укоренившейся традиции сибирских поселений — скрывать свой двор высоким глухим забором, здесь всё было наоборот.

Низкая ограда позволяла всякому видеть всё, что делалось в ограде и на огороде. Здесь всё было сделано настолько опрятно и красиво, будто брошен был вызов для подражания.

Мне казалось, что я ходко шагаю по этому переулку, вдоль этого рукотворного великолепия, а на самом деле топтался я на месте, спеша запечатлеть в памяти и на плёнке красоту устройства жилья на фоне разрухи.

Немного успокоившись, присел на скамейку у дома, около палисадника, в надежде увидеть кого-то из селян, чтобы определить дом Бернара.

Летнее солнце в наших местах уже к одиннадцати часам пропекает воздух и тело настолько, что хочется спрятаться в тень и испить прохладной водицы. С этой целью я и постучал кольцом клямки калитки дома. На стук выглянула опрятно одетая седая женщина с вежливой улыбкой на лице. Профессиональным взглядом определил я сразу особую, глубинную грусть, скорее даже скорбь, в её глазах.

— Здравствуйте! Извините меня за беспокойство, но я разыскиваю Антона Андреевича Бернара.

— Я его сейчас приглашу, — ответила женщина, пристально осмотрела меня и ушла.

Пока я доставал из рюкзака диктофон, готовясь к записи разговора, скрипнула калитка, и мне навстречу шагнул хозяин.

— Здравствуйте! Бернар Антон Андреевич это я, — как мне показалось, не узнав меня, с оттенком настороженности в голосе проговорил он.

В ответ я представился, умолчав о нашем знакомстве, и объяснил цель своего визита.

В молодости, да и под старость, обладал я фотографической памятью на события, а вот Антона Андреевича узнал не сразу. С виду ему лет семьдесят, не более того. Сейчас показался он мне очень высоким, с интеллигентной благородной осанкой. Лицо, правда, было уже подёрнуто местами морщинами, но большая часть из них укрывалась седой, на профессорский лад бородкой. Однако внимание моё целиком захватили опять-таки его глаза. Они были огромными на его загорелом лице, без обычного стариковского прищуря, горевшие неистраченной ещё жизненной энергией. Но там, в дали глубокой, засела в них какая-то особая грусть, к которой, похоже, хозяин никого не допускал. Его крепкую шею венчала гордо посаженная голова с заметным шрамом на лбу. Поразила меня в нём ещё и одежда, настолько чистая и опрятная, что не вязалась в моём представлении о сельской жизни.

Увлечённый составлением портрета я не сразу услышал:

— А я вас помню, Константин Михайлович. Вы приезжали к нам в хозяйство двадцать лет назад, когда мы осваивали полевое земледелие.

Если бы в это время над моей головой ударил гром небесный, пожалуй, я бы так не среагировал, как был ошеломлён сказанным. Увидев мою растерянность и наверняка глупую улыбку, Антон Андреевич дружески хлопнул меня по плечу и спокойно сказал:

— Я бывший военный лётчик. Фиксировать увиденное в памяти — профессиональная выучка и опыт.

То, что Антон Андреевич был отменным овощеводом, знали многие, но то, что он бывший лётчик, навряд ли кто-то знал. Оправившись от временного шока, я начал крутить хитроватые словесные блудни, пытаюсь разговорить собеседника. Антон Андреевич молча слушал меня, изредка хмуря лоб, и, улучив момент, вставил:

— Не старайся, Константин Михайлович, втянуть меня в разговор. Я тебе всё-всё расскажу и так. Но для начала пройдем в дом, пообедаем и только после этого побеседуем. Сказал и, видя мою растерянность, легонько подтолкнул меня вперёд.

Обед удался на славу. Вроде бы и на столе ничего особого не было, но настолько вкусно всё было приготовлено, что я даже попросил хозяйку повторить фруктовый суп на молоке. Екатерина Христофоровна ненавязчиво раз за разом выставляла на стол всё новые и новые блюда, при этом просила только попробовать. Естественно,

хозяйке отказать я не мог и с воодушевлением съедал всё.

— Константин Михайлович! Вы не будете возражать, если мы после этого обеда немного вздремнём в прохладе мансарды.

Отказаться, естественно, я не мог, ибо почувствовал наваливающийся на меня сон. Не успел дотронуться головой до подушки, как тут же провалится в звенящую тишину.

Проснулся от ощущения одиночества и какой-то особой лёгкости во всём теле. Внизу слышан был тихий говор супругов. Не успел я умыться, как тут же был приглашён за стол выпить чашечку кофе с молоком.

Там, на кухне, за чашечкой ароматного кофе началась наша беседа. Когда я ещё раз объяснил цель своего визита, Екатерина Христофоровна как-то напугано взглянула на мужа и тихо сказала:

— Антоша! Главное, не волнуйся и держи себя в руках. Валидол на тумбочке. Беседуйте!

Вот вроде бы ничего особенного и не сказала, но столько в её слова было вложено недосказанного, горького, что я долго не мог наторить колею беседы.

Антон Андреевич долго молчал, судорожно глотая кофе, затем встал из-за стола и нервно зашагал по комнате.

— То, что я вам, Константин Михайлович, расскажу, никто не знает. Но не говорить, молчать

тоже не могу, да и бояться тоже уже нечего. Мы с женой пережили то, чего с лихвой хватило бы на всех! Вы не обращайте внимания на моё особое волнение, ведь сейчас я должен прошагать ещё раз по дороге Судьбы.

Антон Андреевич сделал глоток кофе и заговорил:

— Родился я в городе Саратове, что на Волге, в семье военных. Насколько я знаю, в нашем роду все служили Отечеству. Моим предком был Анри Бернар — французский пленный войны 1812 года. После отступления войск Наполеона от сожжённой Москвы по Смоленской дороге нашли его замерзающим местные крестьяне. Обогрели, накормили и передали властям. В 1913 году пленных французов начали использовать на хозяйственных работах в городе Саратове. Здесь он познакомился с девушкой из немецкой слободы. После принятия им российского гражданства они поженились. Отсюда и пошёл наш род Бернаров.

Всё моё детство и юность прошли в Саратове. Не могу не сказать, что это самый красивейший город на Волге. Саратов в архивных документах вначале числился под названием «Молодой город», который был построен для наблюдения за продвижением кочевников — калмыков и татар, — уничтожения их воровской шайки и для охраны царских судов на Волге. Город не один раз горел, отстраивался то на левой, то на правой стороне

Волги. Окончательно разместился он на правом берегу как город-крепость. Название же своё получил от Соколовой горы, которая издали кажется жёлтой. От двух татарских слов — сары (жёлтый), тау (гора) — образовалось название поселения, а затем и города.

Из рассказов стариков и по музейным записям явствует, что город постоянно воевал. Побывали здесь со своими войсками в разное время калмыки и татары, самозванец сына царя Фёдора Иоанновича — Илья из Мурома, Степан Разин, Кондрат Булавин, Астраханское казачье войско, отряды белых и красных. Однако, благодаря своему удачному географическому расположению, город строился, развивался и хорошел. Здесь впервые были построены: конная железная дорога, водопровод, канализация, — установлена телефонная связь, а по Волге «шлёпали» первые пароходы. По всей России славилась саратовская дешёвая ткань — сарпинка.

Город мой был многонациональным: русские, татары, мордва, немцы, украинцы, поляки, цыгане жили здесь. Никогда между этими народами не было вражды на национальной почве.

От брака моего прадеда француза и прабабушки немки родился сын Пётр. В двадцать лет он добровольно уходит служить на флот. В 1886 году на знаменитом корабле «Витязь» под командованием флотоводца вице-адмирала

Макарова участвует в кругосветном плавание. После длительной флотской службы вернулся в Саратов и женился на обрусевшей польке. От этого брака было у них шесть детей. Один из них мой отец — Андрей. Когда ему исполнилось двадцать лет, призвали на царскую службу. Служил в 31-ой Самарской запасной бригаде Казанского военного округа на Кавказе. Через пять лет службы вернулся к родителям и в скором времени женился на немке Луизе, моей маме. Всех детей нас было пятеро: два мальчика и три девочки. Брат Александр погиб в первые дни войны, защищая крепость Брест, а сёстры, отец и мама сгинули в сталинских лагерях в 1942 году.

Внимательно слушаю Антона Андреевича и понимаю, что он никак не может из-за особого волнения заговорить о самом наблевшем, о самом тяжёлом.

В поисках выхода из этой ситуации я весьма вовремя вспомнил про свой коньяк. На предложение выпить Антон Андреевич молча кивнул головой и из буфета достал две рюмки. Выпили по одной, и я тут же налил ещё, но Антон Андреевич, не дотронувшись до рюмки, продолжил:

— Как вы понимаете, по национальности я немец. Нужен небольшой экскурс по истории немцев России.

Известно, что немцы были в стране уже при Иване Грозном и занимали высокие государственные посты.

В период царствования Петра I по приглашению началось массовое прибытие немцев из Пруссии, Голландии, Австрии, Германии. В основном это был торговый, мастеровой, учёный люд. В 1702 году он дополнительно пригласил в Россию военных, учёных, учителей, архитекторов. Они-то и помогли этому государю прорубить окно в Европу и стать Петром Великим.

Дело отца продолжила его дочь — Елизавета Петровна. России в это время нужно было осваивать плодородные земли Юга, бассейна Оки, земли верхней и нижней Волги. Надеяться на своих помещиков было бесполезно. Пришлось ей для этих целей на льготных условиях пригласить безземельных немцев. Всего-то и понадобилось им пять-шесть лет для создания преуспевающих колоний в районах Балтии, Кавказа, Волги, Чёрного и Азовского морей.

Массовое же прибытие в Россию немцев, образование колоний началось после издания манифеста Екатерины II (Софьи Августы Фредерики Ангальт-Цербстской) в 1763–1768 годах.

Предоставление кредитов, денежное пособие, освобождение от налогов и воинской повинности

стимулировало прибытие в Россию немцев-колонистов.

Уже к 1870 году в Саратовской и Самарской губерниях сформировалось более сотни немецких колоний. К началу нового столетия, по учётным листам, немцев в России было более двух миллионов человек.

Вот откуда, Константин Михайлович, пошли наши корни!

Будучи по своей природе трудолюбивыми и рачительными, немцы-колонисты в скором времени в сельском хозяйстве и в промышленности заняли ведущее место. Собирая доступный мне материал по истории российских немцев, я вычитал, что к 1905 году только в Одесском регионе из 300 помещиков 176 были немцами. Немцам по всем регионам России принадлежали сотни промышленных предприятий. Ведущее место занимали они в науке, в военном деле, в управлении государством. Считалось даже престижным жениться на немке или выйти замуж за немца. Пример подавали в этом царствующие особы: не было ни одного царя династии Романовых, в жилах которого не текла бы немецкая кровь.

Всё это не могло не раздражать националистов России. Для них в стране были две неугодных нации: немцы и евреи. Именно эти народы в царское время и при советской власти системно

подвергались преследованиям: погромы, переселение, ограничение в правах.

Я давно, Константин Михайлович, пришёл к выводу, что в России очень умели по времени и целям использовать людской потенциал разных национальностей. К примеру: продвинули немцы сельское хозяйство и промышленность вперёд — отменили им льготы по налогам и кредитам банка; началась война с немцами в 1914 году — убрали с фронтов командиров немцев; напали фашисты в 1941 году на СССР — всех немцев депортировали в Сибирь и Казахстан. Или возъём евреев. Евреи в России жили в двух измерениях: компактно и дисперсно. Везде, где бы они ни жили, постоянно черносотенцами и другим сбродом устраивались погромы. Их власть могла выдворить с любого места, объясняя это тем, что якобы большинство людей недовольно высокими доходами и богатством евреев. Или обнаружили много евреев в окружении В. И. Ленина — устроили после его смерти на всех гонение, а Сталин даже жён евреев своего окружения не пощадил. Везде и всюду существовал двойной стандарт.

С немцами всё было сложнее. Во-первых, проживали они и вели своё хозяйство в ограниченном пространстве на землях колоний или в слободах; во-вторых, немецкое происхождение царских особ лишало чиновников возможности принимать какие-либо решительные репрессивные

меры. Но не считаться с повсеместным засилием немцев во всех сферах производства и управления России стало невозможным. Для этого народа нужна была особая национальная организация и государственная политика. В отличие от царя Николая II, который планировал немцев переселить в Сибирь, большевики после 1917 года нашли другое решение.

В 1918 году по декрету В. И. Ленина после проведения Первого съезда Советов немецких колоний была создана трудовая коммуна немцев Поволжья. В октябре 1918 года создали область немцев Поволжья путём объединения некоторых уездов Саратовской и Самарской губерний.

В феврале 1924 года на базе этой области была провозглашена и сформирована Автономная Советская Республика немцев Поволжья со всей атрибутикой разных комиссариатов и других органов управления. На территории республики немецкий, русский, украинский языки были равноправными, но делопроизводство велось на языке народа большинства входящих территорий. Были открыты немецкие школы, институты, театры, издательства. Столицей был определён город Покровск (с 1931 года — Энгельс). В других местах, где компактно проживали немцы, создали десятки национальных сельских советов и районов: в Крыму, на Украине, в Краснодарском крае, на Алтае, в Оренбургской области.

В заключение, Константин Михайлович, могу сказать, что немцы в СССР зажили своей полнокровной жизнью в общих делах страны, всё глубже и глубже проникаясь пониманием, что Россия по-прежнему их Родина. Разочарование в этом наступит для миллионов немцев в 1941 году, когда их в скотских вагонах отправят в Сибирь и Казахстан, объявив предателями и шпионами. Это будет выглядеть как прерванный полёт птицы, камнем падающей с высоты.

Антон Андреевич говорил и говорил, переходя порой на сдержанный крик. Я всеми фибрами души чувствовал, что слова его повествования, как стрелы, летят из глубины того далёкого и разят моё сознание остротой правды пережитого им.

— В 1937 году окончил я 14-ю Энгельскую военную школу лётчиков. За год до выпуска познакомился на вечере отдыха с моей Катенькой. Познакомились, потанцевали, а получив разрешение, проводил её до дома. Так до самого выпуска и провожались. Кубари на петличках обмывали уже мужем и женой. Переехали мы с Катюшей к месту дислокации моего полка, под город Брянск. В нашем военном городке начались для Катеньки ежедневные проводы и тревожные ожидания меня с полёта.

Зимой 1938 года получил я отпуск и решили мы с Катюшей съездить в Сергиев Посад. Радость от выпавшего случая быть вместе, отсутствие воя

самолётов расслабляли и придавали нашему отдыху особый шарм.

Поглощённые тишиной и величию красоты церковей, храмов, белоснежной крепостной стены, не заметили, как подошли к часовенке испить святой водицы, и ещё мы не заметили, что за нами давно уже ходят двое в штатском. Арестовали меня на глазах у Кати прямо около часовенки и почти бегом отвели в стоящую поодаль легковую машину.

Хотя я ежедневно и читал газеты, слушал радиосообщения, однако упустил важное политическое событие: ликвидацию по всей стране национальных областей, районов, сельсоветов (польские, эстонские, греческие, вепские, немецкие и другие). Вместе с этим закрыли и национальные школы, учебные заведения, ликвидировали издательства. Изуверски был уничтожен цвет национальной интеллигенции. Так в СССР осуществлялась сталинская национальная политика.

Привезли меня тогда на Лубянку и начались допросы, допросы, допросы. В каких грехах меня только не обвиняли. То я французский шпион из-за своей родословной, то немецкий — по этим же основаниям.

Я настолько был уничтожен морально происходящим, что в первые два дня допросов не мог даже двух слов связать. Это был психологический шок. Мне даже казалось это сном. Но это была реальность, и били вполне реально. У

меня на лбу до сих пор шрам от удара пистолетом. Нашего брата, военных, здесь ломали, как хотели. О геройстве и стойкости патриотов на допросах прочитал я за последние годы очень много, но в наших застенках от стойкости не остаётся следа уже на третий день допросов. Здесь умели выбивать нужные признания.

Со мной в камере были ещё военные: грек, еврей, поляк, литовец. Все мы, оказывается, были шпионами разных государств, и, главное, все в этом признались. Двоих из сокамерников однажды увели навсегда.

Через эти застенки пропустили многих: маршалов, комкоров, комбригов, политработников. Отсюда путь лежал либо к стенке, либо в северные лагеря. Так была практически обезглавлена вся Красная армия к началу войны, чем Гитлер и воспользовался! Такова правда, Константин Михайлович!

Антон Андреевич внезапно побледнел и медленно опустился на стул, шаря руками по столу в поисках лекарств. Нашаря валидол, судорожно положил под язык и замер.

В это время, как по звонку, неслышно вошла Екатерина Христиановна и, увидев состояние мужа, тут же скомандовала:

— Прекратите всякие разговоры о прошлом! Немедленно за мной на кухню! Будем обедать!

Обед прошёл настолько по-семейному, что включиться в продолжение разговора не составило труда. Правда, всё остальное происходило в присутствии Екатерины Христиановны.

— Через три месяца мои дневные и ночные допросы закончились. А через восемь месяцев меня вообще выпустили на волю с определением «недоказанность вины». Только через много лет уже в лагере понял я это хитросплетение политической игры. Дело в том, что к середине года репрессивным действием повсеместно начали возмущаться коммунисты и пресса. Их всех, конечно, после этого расстреляли, но в данной ситуации Сталину пришлось во всех огрехах обвинить начальника НКВД Н. И. Ежова. Его сместили с должности (затем расстреляли) и на его место назначили Л. П. Берию. Для приобретения необходимой популярности он-то и настоял на освобождении из-под стражи таких «врагов народа», как я. Смена руководителей НКВД и политическая игра спасли мне жизнь.

Разговор продолжила Екатерина Христиановна:

— Когда Антошу уволокли эти ежовские сатрапы, я рухнула без чувств в снег. Подняли и увели меня в свою келью какие-то послушницы. Долго они там надо мной колдовали, приводя в сознание, а когда очнулась, начались преждевременные роды. Ребёнка я потеряла. Хорошо ещё,

что все служители храма Божьего оказались людьми веры христовой и меня не сдали властям. Через месяц вернулась в наш военный городок, а в квартире хозяйничали уже другие люди. Пришлось уехать к родителям. Антон приехал, когда его, кроме меня, никто не ждал.

— Прибыл в расположение своей эскадрильи и оказалось, что меня демобилизовали по причине ареста. Сколько я прошагал по разным инстанциям, знает только Бог и Катя. В конце концов я своего добился и меня зачислили в лётный состав. В мае 1941 года у нас родился сын, а через месяц началась война. Все семьи срочно отправили в тыл, а мы бились в небе. Вся наша эскадрилья истребителей теперь имела свою базу, откуда мы вылетали под моим командованием на фашистов. Атаки немецких асов мы отражали практически весь световой день. Сколько мы совершили вылетов, сколько сбили самолётов противника и сколько бомбардировщиков заставили сбросить бомбы не по цели, знали только наши отцы-командиры. Мы же воевали, защищая Родину!

В конце 1941 года по всем войскам был разослан приказ снять с фронтов всех военно-служащих немецкой национальности. Командир нашего полка Репин и комдив Вахрушев решили меня защитить и в нарушение этого циркуляра приказали мне вылететь к фронту, провести рекогносцировку и с подлётного аэродрома вести

обстрел вражеских скоплений. Приказ я выполнил не задумываясь: быть или не быть в живых. По прибытии через несколько дней назад доложил о выполнении задания и из уст своего командира услышал: «Антон, боевой мой лейтенант, не могу я тебя больше держать в армии, ибо ты подлежишь переселению в Сибирь, и похоже, что тебя всё же причислили к врагам народа. Деньги, пищевое довольствие на десять дней привезут сейчас же, а ты уезжай немедленно, иначе арестуют меня. Прощай, лейтенант! Я сделал всё, что мог! Прости!»

— Пока Антоша воевал с немцами-фашистами, — начала разговор Екатерина Христиановна, — нас всех по указу от августа 1941 года по причине предотвращения политических преступлений скоротечно загнали в скотские вагоны и под конвоем направили на поселение в Сибирь и Казахстан. Раньше нас выселили всех поляков, немцев, часть евреев со всех приграничных территорий, Одессы, Ленинграда, Карелии. Всех взрослых мужчин мобилизовали до этого в трудовые армии. В путь дальний, страшный, неизведанный гнали женщин, стариков и детей. В непригодных вагонах для перевозки людей совместное нахождение женщин, детей и мужчин, больных и здоровых уже через несколько дней пути сказалось на состоянии всех. Мы были лишены воды, еды и даже возможности справления естественных надобностей. Смерть и появление

новорождённого происходили на глазах у всех. Хоронили мёртвых без всякого обряда на полустанках в близлежащих кустиках либо в чистом поле без крестов и надгробий, не зная даже своего местонахождения.

На одном из таких перегонив умер и мой сынишка Петя. Захоронила я его во время пропуска очередного воинского эшелона прямо в железнодорожной насыпи. С тех пор и зовёт он меня во сне.

Однажды в вечерних сумерках лязгнули буфера вагонов, раздались снаружи голоса, шумно клацнула вагонная сцепка, немного приоткрылась дверь вагона и наступила давящая тишина. Выглянули наружу, и — о Боже: стоит наш вагон один-единёшенек в каком-то тупичке почти в чистом поле. Кругом никакого, только снега и ветер, даже охранники исчезли куда-то. Пождали, пождали да и стали выгружаться. Куда идти, где теперь наше пристанище — никто не знал. Один из наших юрких мальчишек забрался на крышу вагона и разглядел оттуда виднеющиеся какие-то серые постройки. Туда мы и направились. Голодные, полураздетые брели мы как в тумане по сибирскому снегу вдаль без какой-либо надежды, без веры в жизнь.

Через много лет про всё это написала я стих, затем, правда коряво, перевела на русский язык.

Екатерина Христиановна поспешно вышла, тут же возвратилась, держа в руках лист бумаги, и начала читать:

Это время проклиная...

Из прошлого запомню навсегда
Прощальный взмах платка,
колючку на окне,
Конвойных мат, плачь матерей
И рвущий душу крик детей.

Помню паровоза свист,
Осины тёмно-красный лист,
что ветром занесло в окно,
И, как кровавое пятно, всех облетя
и побледнев,
Опять назад нырнул в окно.

На полустанках, в тупиках
Снимали мертвецов,
Поспешно хоронили их
Без обряда и крестов.
Крест в записях поставят,
Пометят место наугад.
И дальше в тыл,
Где ближе смерть
И нет пути назад.

Вагон наш бросили в степи,
Тот час охранники ушли.
Теперь нас охраняла ночь
Под завывание пурги.

А утром все мы побрели
К сараям, что видны были,
Не все дошли, не доползли,
В пустой овчарне нас нашли.

Ещё я помню наш барак,
буржуйку у окна,
Её калили докрасна,
Но не хватало нам тепла:
Была она на всех одна,
На всех была одна.

Ушли года, и быль ушла,
Но плещет память иногда
О том, о чём забыть нельзя
И стереть уже нельзя!

— Кто? По какому такому праву устроил геноцид над целым мирным народом? Кто за это ответит?

Екатерина Христиановна тяжело вздохнула и, пряча слёзы, поспешила удалиться.

После ухода жены разговор продолжил Антон Андреевич:

— Когда я по предписанию в полной лётной экипировке, с партбилетом в кармане прибыл в Магнитогорск, сразу же кинулся в штаб округа с просьбой вернуть меня на фронт в действующую армию. Вначале мне вежливо отказывали, а когда я всем порядком надоел, мобилизовали в трудовую армию и засадили в зону.

О трудовых армиях, о содержании репрессированных народов, Константин Михайлович, сказано много, даже есть спектакли и фильмы. Но всё это «приглядка» со стороны без реальности происходившего на самом деле.

Все годы жесточайших репрессий с 1937 по 1940 годы против своего народа были одинаковыми. Была запущена машина уничтожения здравомыслящих граждан России. Из своих воспоминаний о своих восьми годах пребывания за колючкой запомнил лагерные стихи. Читаю на память, как запомнил:

Впрессованы в память цифры 3,7

И в зловещие две: 5,8.

Кровавым запомнился год этот всем

И статья для расстрела 5...8

По этой статье в беспредельном году

Расстреляли видных комкоров.

Добавили к ним коммунистов,

артистов, собкоров.

И по этапу пошли
сотни тысяч других без разбору.

Уплотнили места Соловков —
Не молиться сослали попов.
А командиров не на войну —
Загнали на смерть в Колыму!

В шахте кайлит уголёк Воркуты,
Известный профессор из самой Москвы,
В полном составе команда «Авроры»
Давно за «колючкой» бескрайней Печоры.

А на Урале члены ЦКа
И два сотрудника ЧКа
Валят лес, мостят накат:
«Врагам» дороги нет назад.

Летописцы оставят в истории след
И выделяют жирной строкой,
Что миллионы загублены в год,
Чтоб укрепить этот строй!

Таких, как я, снятых с фронтов, вышедших из окружения, оказалось много. Всех нас отправили строить Челябинский металлургический завод.

Лагерь трудармейцев, как мне тогда показалось, занимал по площади несколько десятков гектаров. Согнали сюда 65 тысяч немцев и

поделили на 15 отрядов. Каждый отряд был окружён колючей проволокой со сторожевыми вышками и по периметру «разгон» натасканных на людей овчарок.

Приключения мои начались сразу с бани. Охранники потребовали снять кубари, остричься и снять лётную форму. Я отказался. Тогда попробовали это сделать силой, но против меня их было всего трое. Вызвали незамедлительно к особисту — куму. Тот долго угрожал мне, а когда это ему надоело, покрутил пальцем у виска, матюгнулся с полным перебором и выгнал. Так меня и запомнили в лагере как партийного лётчика — командира эскадрильи.

Жили мы в наспех сооружённых землянках, куда свет попадал из единственного оконца на потолке. Везде сырость и вонь от прелости. Про нашу пищу даже вспоминать страшно. В шесть часов утра подъём — и в столовую, которая представляла из себя наспех сколоченные на улице столы без всякого навеса. Подходишь к черпачному с котелком и ложкой, и он тебе отмеряет черпак жижицы с плавающими хвостиками рыбы и какими-то косточками. На второе к этому добавляли немного каши, а потом зелень. Хлеб выдавали на весь день утром по 400 граммов на трудармейца. Эта пайка зачастую в лагере служила разменом за жизнь человека.

На работу нас вывозили под охраной, и каждый раз звучало: «Шаг влево, шаг вправо — стреляю без предупреждения!» И стреляли. В каждом отряде ежедневно умирало и погибало 8, 10, 15 человек. Трупы складировали за территорией отряда, а затем сбрасывали в общую яму. Насколько я знаю, туда было сброшено более 15-ти тысяч трудармейцев.

Отряды связи между собой не имели, лишив так всех возможности узнать что-либо о семьях и родственниках. На работу уводили строем и через 10–12 часов приводили. Все занимались определённой работой под строгим контролем охранников.

Мне дали бригаду из 15-ти человек на строительство электролизного цеха. Самым страшным для всех был каменный карьер. Его все называли адом в аду. Люди там умирали сотнями. В лагерях на этой стройке нас было более шестидесяти тысяч человек. С воли информации никакой! Единственная газета, и то не регулярно, — «Правда».

Каждый месяц по несколько раз устраивали шмон. Выгонят всех на улицу и ищут часа два: оружие, взрывчатку, антисоветскую литературу. Меня и в лагере не покидала мысль о полёте. Раздобыл учебник английского языка и начал изучать. Так вот, при очередном обыске, выдрали из учебника карту мира, ссылаясь на запрет иметь

карты и на то, что я, как лётчик, могу улететь и по этой карте.

Изо дня в день трудармейцев становилось всё меньше и меньше. Были месяцы, когда в совокупности умерло и было расстреляно 160–230 человек. Чтобы снизить показатель смертности, начальство пошло на хитрость: всех больных и доходяг стали отправлять якобы домой. Где теперь они умрут, никого не волновало. Главное, не в лагере. Людей становилось меньше, а объёмы работ были те же. Начали поставлять уголовников и военнопленных. Но для этого нужен был более жёсткий режим. Одной из мер устрашения было предание суду за нарушение производственной дисциплины и режима в лагере. Наказания два: лишение свободы от 5-ти до 10-ти лет или расстрел. На самом же деле никаких судов не было. Вечерами в строю зачитывали фамилии, после чего людей уводили и расстреливали. Чтобы не попасть под это, пришлось мне расстаться со своей лётной формой. Партбилет отобрали при очередном личном досмотре.

Уже и ночь полностью властвовала за окном, а Антон Андреевич всё говорил и говорил, останавливаясь только по просьбе Екатерины Христиановны, чтобы принять лекарство.

— К концу войны доставили к нам на стройку большую партию военнопленных немцев. Они размещались отдельно от нас. Я вынужден был

снять с себя военную форму советского офицера, а они все были в форме. Офицеры жили отдельно от рядовых. Похоже, и кормили их получше, чем нас, да и посылки они получали от Международного Красного креста. Вот и весь расклад правды, Константин Михайлович!

Гнали сюда финнов, чеченцев, латышей. Всем в этих лагерях была уготовлена смерть, смерть, смерть!

Для меня этот кошмар закончился в 1950-м году. Вышел я на свободу истощённый, оборванный и не знал, куда идти. Выйти-то вышел, но сразу попал под надзор комендатуры, а это — ограничение передвижения. Всё же через год удалось мне узнать место поселения моей Катеньки и родителей. Но это уж другой разговор, и пусть его продолжит Екатерина Христиановна.

Хозяйка вступила в разговор сразу:

— Когда наш вагон оставили в степи, мы добрались всё же до кошары с овцами, там начали отогреваться их теплом. Многие в тот вечер не дошли до этого пристанища. Утром прибыли за нами на санях колхозницы и долго везли куда-то. Оказалось, что женщины-колхозницы ехать за какими-то немцами, наверняка фашистами, глядя на ночь побоялись.

Привезли нас в небольшую деревню и поселили всех в большой холодный барак. На следующий день прибыл военный комендант и всех

поставил на учёт как спецпереселенцев с ежемесячной отметкой и без права выезда за пределы колхоза. Если у Антона Андреевича ад был за колючей проволокой, то наш ад был здесь и каждый день грозил всем смертью от голода и холода.

Мне трудно даже сейчас вспоминать это время, но мы выжили вместе с остальными колхозниками, а это в основном были женщины. Выжили и дождались победы. Постепенно местные перестали нас называть фашистами и убийцами.

Мама и папы к этому времени уже не было. Папу сразу же в 1941 году забрали в трудовую армию, там он и погиб. Съел сталинский лагерь моего папу, депутата Верховного Совета СССР 1937 года, кавалера ордена Трудового Красного Знамени. Без следа исчез.

Мама не выдержала разлуки с папой и с Родиной, тихо скончалась в 1943 году. Осталась я одна в этих суровых условиях ссылки.

На склоне своих лет пришла я к выводу, что попытка властей загубить нас холодом Сибири не состоялась. Беда у всех была одна — Война. Эта беда объединила людей. Рабский труд от зари до зари на колхозной работе стал мерилом жизни для всех в эти годы.

Очень трудно было два первых года: языка не знаем, еды никакой, одежды зимней нет. Дети и старики умирали, как мухи. Затем начали

приспосабливаться. Выручала свиноферма. На корм свиньям привозили морковь, турнепс, мёрзлую картошку и немного дроблёного зерна. Всё это входило в рацион кормления хрюшек. Отберём себе из всего этого маленькое ведёрко, обмоем, завяжем плотно сверху тряпкой, зароем вниз большого чана и запариваем на печи в общем корме для свиней. Крадучи затем вынимали и ели сами, кормили детей и стариков. Хромоногий бригадир свинофермы всё это видел, но делал вид, что ничего не замечает. Чтобы как-то облегчить нам жизнь, стал он нас менять каждый месяц. Зимой кое-как прожили, а летом питались травами, птичьими яйцами, голубями и ягодой. Местные жители дали нам на посадку немного картошки и картофельных ростков. Появилась у нас свой огород.

Зимой следующего года пережили с меньшими смертями.

Рано утром и лунными ночами обмазывали мы коровьем кизяком, замешанным на мелкой соломе, изнутри и снаружи свой продуваемый барак. Побелили местной белой глиной, и он засверкал, прикрыв нашу бедность и горе. Сумели даже поставить ещё одну буржуйку. Так вот и жили в унижении и ожидании. Чего ждали — не знал из нас никто!

В 1943 году и особенно в 44 начали прибывать в село искалеченные войной мужики, которые принесли с собой ненависть к немцам-фашистам.

Холод отношений, отчуждение селян чувствовался во всём. Основными и обязательными ругательствами в наш адрес были «фашист», «шлюха фашистская». Плакали и терпели, терпели и плакали.

Видя эту возросшую ненависть к нам, решили наши старики выделиться из села и жить в землянках на бугре около леса. Место было удачное и началась работа. Копали, заготавливали жерди, несли солому и траву всё лето. К осени соорудили десять землянок и перебрались в них на житьё. Приспособились и жили!

В конце 1945 года и особенно в 1946 году пришли домой с войны мужики. Попьянствует мужик день-два, сбросит с себя гимнастёрку да и вкалывает целый день, восстанавливая своё хозяйство. Затем взялись за восстановление колхозного производства. Не прошло и года, как в хозяйстве резко всё закрутилось и завращалось. Хлеб на трудодень стали выдавать. Много детей родилось и много свадеб зимой отыграли.

Начали местные парни да и мужики-холостяки заглядывать и к нам. Смотришь, через какое-то время и заберут себе в жёны ту или иную немочку. А когда по селу прошла молва, что немецкие жёны очень трудолюбивые и аккуратные, зачастили к нам мужики. Была ли в таких браках любовь, не знаю. Возможно, женщины-немки просто нуждались в мужской защите? Возможно!

После войны прибыли к нам на поселение немцы блокадного Ленинграда, с мест оккупации Украины, Белоруссии, Прибалтики. Всех причислили к одной группе спецпоселения и взяли под надзор органов НКВД.

Наши мужчины начали возвращаться к нам начиная с 1950 года. Массово в 1955 году. В этот год все мы были сняты с надзора, но без права выезда на прежнее место жительства и без возврата конфискованного имущества. Ликованию нашему со слезами на глазах не было предела. Наверное, впервые за все эти годы унижения мы смеялись вслух, особо громко.

Пока говорила Екатерина Христиановна, Антон Андреевич сидел молча и только изредка кивал в знак согласия головой. Разговор наш явно затянулся. Я с ужасом поглядывал на мигающий огонёк диктофона, зная что он мне сигнализирует об окончании ленты записи, прерывать же монолог хозяйки ой как не хотелось. А перерыв нужен был обязательно. Пошёл на хитрость: потянулся за чашечкой кофе и плеснул изрядно себе на брюки. Разговор прервался.

Как же я затем проклинал себя за содеянное. Ведь я своим поступком прервал на самой высокой ноте притчу-воспоминание, песню горя, боль пережито. Получится ли дальше такой же разговор? Что делать?

Пока я возился с диктофоном, проклиная себя и его, супруги, извинившись, удалились. Оказался я со своими мыслями один на один в весьма щекотливом положении.

Решение нашлось в лице Екатерины Христиановны, которая пришла пригласить меня перед сном слегка покушать. За чашечкой чая и сладким пирогом разговора на кухне не получилось. Разошлись на ночь каждый со своими думами.

Утро началось с чашечки кофе, бутерброда и вежливого, сдержанного разговора.

— Антон Андреевич! Екатерина Христиановна! Вы уж меня извините за вчерашнюю нелепость с моей стороны во время разговора. Это была моя ошибка, и я каюсь. Но я настолько увлечён вашими рассказами, что не дослушать их просто не могу. Не могу ещё и потому, что о репрессированных немцах такую правду ещё никто не сообщал в нашей прессе.

— Могу согласиться с вами, Константин Михайлович, что эдак лет десять тому назад начали впервые только появляться сообщения и некоторые подробности о российских немцах. Даже Указ Президиума Верховного Совета от августа 1964 года, признавшего обвинения в адрес немцев от 1941 года огульными и несостоятельными, не был опубликован. Появился он в прессе только после публикации в иностранных газетах. Ещё в 1949 году поэт Лео Майер писал:

Я — немец с искорёженной судьбою.
Уставший от наветов и неправд.
О Родина, я чист перед тобою.
И не тобой лишён гражданских прав.

Эти строки я вычитал совсем недавно, и они как черта под всеми испытаниями.

Не желаю больше говорить на эту тему. Она отнимает у меня силы и усиливает разочарование от видимой пропасти между законами и реальностью.

Вот вы, Константин Михайлович, вначале нашей встречи удивились всеобщим разорением села. И это правда. Здесь жили и трудились немцы, много немцев. Трудолюбием своим создали крепкий колхоз, а затем совхоз. Они же и разорили его. За один год в Германию выехало тридцать пять семей. А это, по самым скромным подсчётам, около 120–150 тружеников. Это был провал! Были и до этого одиночные выезды в Германию, но массово началось это движение с Казахстана, Алтая, Сибири от усталости немцев от обещаний полной реабилитации и восстановления государственности на Волге.

Во многом виноват в этом Президент Б. Н. Ельцин, когда в 1992 году, выступая в совхозе «Осиновский» Саратовской области по вопросу восстановления Республики немцев Поволжья весьма вызывающе, оскорбительно заявил: «Ни один дом не будет снесён ради немцев Поволжья. Я вам это гарантирую. Имейте это в виду и

рассказывайте всем... Другое дело, скажем, в Волгоградской области военный полигон (Капустин ЯР — В. Г.) 300-тысяч гектаров, пустой... И там будут они заселены, допустим. И пусть эту землю, которая снарядами начинена, пусть они её, значит, обрабатывают. И Германия поможет...».

Этим выступлением была поставлена последняя точка по реабилитации. Хлынул люд немецкий в Германию, а там их весьма щедро принимали. Стране нужны были рабочие руки. Выехало более двух миллионов человек.

Лёд тронулся. Разговор опять пошёл в нужном направлении. Я видел, как с каждым словом, с каждым предложением оживает рассказчик, и глаза его в унисон мысли то загораются особым светом, то гаснут под тяжестью воспоминаний.

— Антон Андреевич, — решился я прервать опять рассказ и задал вопрос: — Вы были в Германии?

— Был целую неделю по гостевой. Назад вернулся совершенно разбитым, больным от увиденного и услышанного.

— Что произошло?

— В первые дни своего проживания в Берлине наслаждался чётким, выверенным ритмом жизни немцев. Даже я, немец, был удивлён чистотой города. Ранним утром немки шампунью моют асфальт перед подъездом своего дома. Многие для меня было удивительным: разговор на непонятном

нам наречии, настороженность общения, деланная любезность, броская расчётливость. В разговоре со стариками выяснил, что здесь дети стараются не жить с родителями, а если и живут, то хозяйственные расходы ведут порознь. В гости немцы практически не ходят, но ежели это происходит, то для принимающей стороны это катастрофа.

Побывал я и в карантинных поселениях наших немцев. Видел слёзы в глазах у многих при воспоминаниях о России, о доме, о соседях, о работе. Я чувствовал у многих ностальгию по Родине. Уверен, если бы началось восстановление в России государственности немцев, не обязательно даже в Поволжье, возможно в Калининградской области, то многие вернулись бы назад, прихватив ещё и из Германии кого-нибудь.

Но самое удивительное: в России мы — немцы, а в Германии — русские. И это правда. Мы далеко уже не немцы. За время пребывания в России мы стали народом практически другой национальности, другой культуры, языка, обычаев. В отличие от немцев Германии у нас более открытая душа, мы склонны к общинному укладу жизни.

Вернулся я домой, рассказал всё Кате, и решили мы доживать свой век на этой земле, на этой улице, в этом доме. Пусть и в изгнании, но всё же на Родине.

* * *

Недели через две мне понадобилось вновь встретиться с Антоном Андреевичем и с Екатериной Христиановной для уточнения некоторых деталей их рассказов.

Мне для этой миссии выделили даже редакторскую «Волгу», и я покатил, прикупив дорогой торт к чаю и огромный букет цветов для хозяйки. Я спешил. Мне хотелось как можно быстрее встретиться с этими полубившимся мне людьми удивительнейшей судьбы. Нет, мы не ехали, мы летели всё вперёд и вперёд.

Вот и переулок. Знакомый дом. Но что это? Окна и двери заколочены, а на калитке висит траурная чёрная лента.

— Нет их уже... Умерли в один день... Прервался их жизненный полёт... — проговорила подошедшая соседка и молча удалилась.

Похоже, падал и я...

*«...Надо много пережить,
чтобы стать человеком».*

Сент-Экзюпери Антуан

Письмоноска

Глава первая

Начало светать... Где-то скрипнула калитка, и на соседней улице блеснуло оконце дома. Нежной красноватой полоской засветился горизонт, гася на небе одну за другой звёздочки. Варя ускорила шаг и за околицей села затрусила под горку. Её огромная не по росту брезентовая сумка хлопала по ногам, издавая в тишине утра горестный вздох. Спуск с горки закончился, и она перешла на шаг, постоянно поглядывая на восходящее солнце. Сегодня она припозднилась, и виной тому был её сосед Мишка. Продержал в своих объятиях до трёх петухов, но так ни разу и не поцеловал. От этих воспоминаний Варя рассмеялась и опять побежала.

Поезд наверняка уже на подходе, и Фомич опять будет ворчать на неё, выгружая из вагона свою порцию почты. Фомич пытался казаться строгим начальником, покрикивая на своих почтальонов, но Варя то знала, что он самый добрый человек, каких она ещё не встречала. Перегрузят сейчас они свою почту на ручную тележку, отвезут к себе, разложат по ячейкам для письмоносцев и засядут за чаепитие. Для порядка Фомич вначале поворчит, не забывая при этом Варьке-сиротинушке подкладывать большие кусочки сахара, а затем начнёт философствовать на

разные житейские темы, в основном из своей жизни, по-стариковски забываясь и повторяя раз за разом одно и то же.

Варя каждый раз терпеливо выслушивала стареющего Фомича, загрузив свою сумку, чмокала его в аккуратно выбритую щёку и убегала в свои Васильки. Летом пройти свои три километра от станции до посёлка пятнадцатилетней голенастой Варе труда не составляло. Зимой было хуже. Иногда так задувает северный ветер, что руки и ноги коченеют моментом. Того и смотри замёрзнуть можно. Хорошо ещё, что Фомич для неё шубейку где-то добыл да старые валенки подшил.

Прибежит она сейчас к себе домой, похлебают постного супа и начнёт разносить почту, радуя, а зачастую и печалю, односельчан. Опять у дома на завалинке будет её поджидать старая Хатулиха в надежде получить письмо от единственного внука. Третий год ждёт, а письма всё нет. Прошмыгнуть мимо зловредной бабки практически было невозможно. Поджидать Варю выходила она с первыми лучами солнца. Так что хочешь не хочешь, а надо Варю обязательно показывать ей все письма, выслушивать раз за разом обвинение, что она, вертихвостка, наверняка письмо от любимого внука оставила на почте, и за это Бог её накажет.

А Бог давно уже наказал Варю. Простудились папа и мама на колхозной работе и умерли оба от воспаления лёгких, оставив Варю одну. Не было у

них родни: сиротами были. Теперь и она сиротой стала. Хорошо, что успела закончить шесть классов в школе, да председатель Сельского Совета пристроил её на работу письмоносской. Заработки, правда, были весьма скромными, но если особо не тратиться, то прожить можно. Помогала ещё и картошка со своего огорода.

Бабку Хатулиху Варя заметила издали и приготовилась к очередному разносу. Но сегодня что-то странное происходило с этой старой женщиной. Она, кряхтя, тяжело поднялась со своего обычного места и пошла навстречу Варе, держа в руках какой-то свёрток. Подошла, протянула узелок в чистой тряпице и грустно проговорила:

— Я тут картофельных оладушек испекла тебе, Варюша. Помяни моего погибшего на Перекопе сыночка — Андрюшу. Похоронка тут намедни на него пришла. Раздели со мной горе, сиротинушка. От этих слов Варя вначале окаменела, а поняв, что Хатулиха потеряла ориентир во времени, обняла её и бережно водворила назад на завалинку.

Отойдя на значительное расстояние от старушки, прислонилась Варя в переулке к чей-то ограде и разрыдалась. В деревне считай все знали, что сын Хатулихи погиб ещё в Гражданскую войну, более двадцати лет тому назад, а внука её, Родиона, за излишнюю болтливость арестовали в 1935 году.

Когда вся почта была разнесена, направилась Варя разносить письма на хутор, который числился бригадой колхоза. Когда папа был ещё жив, рассказывал ей, что в эти места выселили из деревни зажиточных хозяев-кулаков. Здесь они обустроились, но в колхоз вступили намного позже основной коллективизации, и то под дулом пистолета. Люди, которые здесь проживали, были затворниками, но Варю встречали приветливо и даже провожали назад, ежели она задерживалась. Сюда приходило всегда много писем и приходили газеты.

Пока Варя возвращалась с хутора домой, возникла у неё идея написать Хатулихе письмо от внука. На следующий день она с большим трудом уговорила Фомича совершить этот подлог, и, когда всё было сделано, помчалась в деревню. Хатулихи на завалинке не было, а в ограде толпились люди. Войдя в дом, Варя увидела лежащую Хатулиху с ещё открытыми глазами, но явно на последнем издыхании. Подошла, вложила в руку письмецо и, заикаясь, проговорила: «Бабушка! А вам письмо пришло от внука!» Старушка дрожащей рукой поднесла этот драгоценный для неё треугольничек письма к губам, поцеловала и затихла. Две скупые слезинки напоследок выкатились из глаз, извещая всех о конце жизни.

...Притомилась сегодня Варя: то ли смерть на неё так повлияла, то ли газет начиталась о разного

рода «врагах народа». Возвращаясь с хутора, присела под раскидистую берёзу передохнуть да и заснула. Снятся Варе улыбающиеся мама с папой, строгая Хатулиха и какие-то «враги» в генеральских мундирах.

Пронизывающий холодок заставил проснуться. Увидела над собой свесившиеся ветки берёзы с начинающейся желтизной листьев и розовый закат дня. А небо чистое-чистое, голубое-голубое. Радоваться бы этому Варе, да только тяжесть какая-то у неё на душе, какое-то предчувствие.

Предчувствие её не обмануло. Примчалась утром на станцию на выгрузку почты, а Фомича нет. Вместо него с тележкой прибыла молчаливая старшая помощница. На все Варины расспросы рта не раскрыла. Только злее и злее швыряла в тележку поступивший груз. Когда удалились от станции, она изучающее посмотрела на Варю и, плача, проговорила:

— Арестовали его сегодня ночью. Оказался приверженцем царского режима. Чепуха какая-то! Но ты, Варька, будь тоже поосторожней, а то мелешь языком без остановки!

А как ей языком не молоть, когда все её спрашивают о том, что написано в газетах. Прибежит Варя на культстан к колхозникам, вручит письма и начинает излагать публикации газет. А что делать? На два посёлка только три газеты приходят! Бойко тараторит письмоноска, стараясь

не искажать содержание газетных статей, а в голове всё одно и то же: «Будь осторожней, Варька! Мелешь языком без остановки!» Выговорится Варя, подхватит свою сумку и бегом до другого села.

За ежедневной беготнёй и суетой не заметила Варя, как изо дня в день рушится её хозяйство: упал местами забор, завалился погреб, прохудилась крыша, закончились на зиму дрова. Попыталась было кое-что сделать сама, да ничего не получилось. Поплакала тихонько ночью да и пошла на следующий день просить помощи у Мишки. Хотя Мишка и тюха-матюха, но силой его бог не обидел. За неделю всё подлатал, восстановил, отладил. Варя на радостях отварила свежей картошки, нарезала малосольных огурчиков и выставила бутылку водки. Мишка поестъ поел, а водку пить не стал. Обнял на прощанье Варю и неожиданно сказал:

— Мне, Варя, на днях в армию идти. Не хочу тебя такую молодую поганить. Ты жди меня! Вернусь — поженимся!

Выпалил всё это Мишка на одном дыхании, поцеловал нежно Варю впервые в губы и ушёл, громко топая своими сапожищами.

До сих пор Варю вспоминается этот звук удаляющихся шагов будущего солдата — защитника Родины.

...Каки-то хмурым показался Варю 1939 год с самой зимы. Не успели отрешать крещенские

морозы, как кругом завертело, завьюжило. С трудом утром освобождала она свою избёнку от снежных заносов, а на станцию уходила теперь на лыжах. Не успела отгулять эта буря, как нагрянула другая. В одну неделю арестовали председателя сельского совета, председателя колхоза, двух бригадиров и старого кузнеца. Увозили ночью навсегда. Никто толком объяснить не мог, да и побаивались говорить на эту тему. А коммунисты в это время на своих собраниях принимали резолюции клеймения «врагов народа» и призывали всех к бдительности. Но и их это не спасло. Весной арестовали первого секретаря райкома партии, начальника милиции, начальника железнодорожной станции. Все они, оказывается, были тоже «врагами».

Сжался сельский люд, замолчал. Страх обуял всех! Варя после всего этого перестала комментировать газетные статьи и всячески уходила от каких-либо вопросов, особенно политических. Подойдёт к дому, отдаст письмо и сразу даёт дёру. Единственная радость — письма от Миши. Закроется вечером на крючок, зачехлит оконце плотной занавеской и начинает читать да перечитывать Мишины письма. Приходили они регулярно, каждую неделю. К зиме почему-то прекратились. Четыре письма отправила Варя, а ответа всё нет и нет. Только весной следующего года пришло от Миши коротенькое письмецо:

«Варя! Меня демобилизовали по здоровью. Скоро прибуду на радость и горе разом. Целую. Миша».

Мишу встретила она только через месяц, когда зашла домой пообедать. Сидел он на крыльце её дома, смоля одну папироску за другой. Увидел её — обрадовался. Подхватил свои костыли и заспешил на оставшейся ноге ей навстречу. А она, разом оценив всё, прижалась к нему и прошептала:

— Ничего, ничего! Всё будет хорошо, миленький ты мой!

— Принимай, Варенька, мужа-калеку. Если примешь такого, то сегодня и поженимся.

— Дурачок ты, Миша! Я ведь ждала тебя! А руки и ноги есть у меня. Заходи в дом хозяином, — торжественно проговорила она и распахнула перед ним двери дома.

Ранним утром, когда и туман ещё не ушёл от озера, зашагали в сторону райцентра молодожёны регистрировать свои семейные отношения. Сейчас они были на вершине неизведанного ранее чувства близости и принадлежности друг другу, когда всё предстоящее в будущем кажется мелочью относительно того, что они сейчас ощущают. Когда туман начал рассеиваться, разглядели рыбаки от озера два слившихся силуэта у берёз: хромоногого военного и стройную девушку. Они целовались, а у дерева стояли костыли. Набежавший утренний ветерок подхватил кусок тумана и накрыл эту

парочку. Видны были только костыли на светлом фоне ствола берёзы.

Домой из центра супруги Сёмины вернулись ближе к вечеру. Варя успела забежать на почту и выпросить себе отпуск на три дня.

Мишины родители их поджидали у калитки дома с караваем хлеба на расписном рушнике. Расцеловали родителей, отломали по кусочку ещё тёплого хлеба, макнули в соль и с огромным аппетитом, заразительно смеясь, с удовольствием его съели. С этого и началась их дружная семейная жизнь.

Варя в память о своих родителях из отчего дома не ушла, да и Мишины родители поддержали её идею жить отдельной семьёй.

Долгими ночами, удобно устроившись на мужской груди, слушала Варя рассказы Миши о войне с Финляндией. Каждый свой очередной рассказ заканчивал он одним и тем же:

— В гибели тысячи наших солдат и офицеров виновны наши военачальники вплоть до Сталина. Но кому что скажешь? Да и нельзя об этом вообще говорить!

Варя заметила, что её Миша стал совсем другим человеком после войны и увечья. Из довоенного деревенского парня-увольня превратился в хваткого умелого хозяйственного мужчину. Пока Варя разносила свои письма, Миша полностью отремонтировал крылечко дома,

заменял все наличники окон, капитально отремонтировал ограду. Даже две берёзки посадил в палисаднике. В заключение всего отремонтировал завалившийся навес сарайки и сварганил там себе слесарку. Руки к металлу у Миши были золотыми. Паять, ковать, лудить, чинить замки, примуса — всё это мог он делать. Никому не отказывал. Зауважали его на селе. В доме появился приработок. Пробегая как-то мимо колхозной кузницы, услышала Варя знакомый с детства стук молота о наковальню. Не вытерпела, заглянула. А там её Миша, ловко орудуя молотком, оттягивал лемех плуга, бубня под нос какую-то мелодию. Варя мешать не стала и тихонечко удалилась.

Вечером за ужином Миша торжественно заявил:

— Я, Варенька, теперь колхозный кузнец! Буду получать на свои трудодни хлебушек. Заживём, как все!

— Миша! Но тебе ведь тяжело работать на одной ноге!

— А я у председателя выпросил себе молотобойца. Завтра будем трудиться уже вдвоём. Мне, Варя, даже мешок муки сегодня привезли. Пеки, жена, теперь блины да пироги. Дурашливо обнял Варю и тиснул так, что она даже ойкнула.

— Меня, Мишенька, нельзя теперь так тискать. Беременная я. В мае рожать буду. Так что готовься к этому, папаша! — выпалила она, не давая

Михаилу опомниться, толкнула его на кровать и начала целовать.

Зимние дни короткие, а работы в кузнице всё больше и больше. Уходят раненько утром на работу Миша с Варей и одновременно возвращаются домой уже затемно. Хорошо хоть родители Мишины дом протопят да что-то сварят, а то бы и картошку в подполе заморозили, и голодными были бы оба.

Ближе к весне привезли Мише протез ноги, и через неделю перестал он пользоваться костылями, опираясь теперь только на тросточку.

В скором времени и Варя изменила свою походку. Стала осторожничать при ходьбе, прикрывая своей почтовой сумкой округлившийся животик. А когда до предполагаемых родов осталось не более двух недель, выдали ей двойную зарплату и предоставили отпуск.

Мишина мама к этому времени нашла бумазейных распашонок, каких-то тёплых носочков и нарезала много разных пелёнок. А свёкор на станции за три мешка картошки выменял на рынке тёплое детское одеяльце и кружевную шапочку. Больше всех старался будущий папаша. С хутора привёз лёгкое долблёное деревянное корыто для купания ребёнка, к потолку повесил зыбку и отковал очень красивую коечку для малыша.

Варя в своих расчётах не ошиблась. Дочку родила она ясным апрельским днём 1941 года. Роды

принимала Мишина мама, а его папа был в это время на подхвате: принести, унести, подать. Весть о рождении дочери принёс в кузницу отец. От радости Миша даже расплакался. Сбросил с себя фартук, вытерся полотенцем и бойко захромал домой. Отец еле поспевал за ним.

За все свои двадцать три года Миша второй раз выпил целый стакан водки. Первый раз — от боли в прифронтовом госпитале, когда отняли ногу, и теперь — от радости отцовства.

Варя издали наблюдала за счастливым выражением лица мужа и думала, что так будет всегда.

Но она ошиблась!

Глава вторая

За неделю до рождения дочери Миша в кузнице отковал небольшие крючья для крепления радиопроводов к домам селян. Урожай прошлого года позволил колхозу не только выполнить все хлебозаготовки для государства, но и богато оплатить трудодень колхозника. На общем собрании колхозников было принято решение к майскому празднику радиофицировать посёлок. Сказано — сделано. Началась всеобщая работа.

По выставленным колышкам копали глубокие ямы под столбы. Специальная бригада окрючивала и просверливала вводное отверстие для проводки во внутрь дома, устанавливала чёрные тарелки репродукторов. Пять крепких мужиков без перекура устанавливали по улицам и переулкам столбы для проводки радиопроводов, а приглашённые специалисты из района монтировали в клубе радиорубку.

Давненько в колхозе так дружно и азартно не работали. Наконец-то наступил день и час, когда включили репродукторы. Вначале что-то зашипело в них, а затем зазвучала музыка, да так чисто и громко, что даже кошки, взъерошив шерсть, попрятались под лавки. Ликование было всеобщим: пацаны не жалея ног бегали от одного уличного

репродуктора до другого, проверяя звучание. Старушки от страха крестились, поглядывая на чёрную тарелку динамика, а мужики стихийно в удобных местечках обмывали эту цивилизацию.

Дочку Варя рожала под лёгкую музыку оркестра. Мелодию эту запомнила она навсегда.

...Май одарил колхозников щедрым солнцем и тёплыми дождями. Земля быстро освобождалась от холода и готова была принять зерно для нового урожая. Сев яровых зерновых культур и кормовых закончили на удивление многих качественно и быстро. Скот вывели на пастбище, и пошла повседневная, с годами определившаяся крестьянская жизнь.

Варя, оставив дочку на догляд Мишиных родителей, в конце мая вышла на прежнее место работы, отмеряя ногами километры дорог и троп, неся людям радость. По обрывкам фраз, которые она слышала при сортировке почты, недомолвкам начальника, крикливым заголовкам газет она поняла, что в мире запахло войной. Выгружая на станции почту, видела она, как зачастили в разном направлении воинские эшелоны с зачехлённой техникой. Да и в деревнях мужики, которые пограмотней да посмекалистей в разговоре с ней в этом её не раз убеждали. Вот и бежит она под тяжестью страха с работы домой, опасаясь за жизнь дочки. А доченька опростает обе мамкины титьки и спит спокойненько, никого не беспокоя.

Ранним июньским утром Варя, покормив дочку, заспешила с Мишей к озеру бросить невод. Загрузив в лёгкую тележку рыболовную снасть, не дожидаясь рассвета, поддерживая друг друга, направились к большому озеру за рекой. После прошедшего ночью тёплого дождя у реки и в окрестных болотах лягушки, перекрикивая друг друга, устроили целый оркестр. С озера потянуло туманом, который прикрыл береговую отмель реки и Мишину лодку. Издали, с хутора, доносилось пение петухов.

— Им тоже не спится, — смеясь, шепнула мужу Варя, освобождая лодку от причального дерева и помогая ему столкнуть посудину на воду. Перегрузили всё с тележки в лодку и поплыли к причалу, на противоположный берег, к старому мосту, а оттуда по камышовой прогалине легко перетащили лодку на озёрную воду. Рыбные места здесь Миша знал с детства.

Не дочаливая до берега, зацепил Михаил за торчащий из воды кол конец бечевы невода и, подав Варе команду на сброс», начал выписывать лодкой круг. Варя под одобрение Миши весьма ловко сбрасывала за борт невод, следя за равномерностью всплытия за бортом поплавков. Причалили к берегу и за корягу зацепили конец снасти. Можно было немного переждать и отдохнуть.

Туман незаметно начал редеть и, плавно покидая озёрные камыши у берега, открыл водную гладь. Варя из-за потянувшего холодка сильнее прижалась к мужу, а через минутку указала ему вдаль. Метрах в двадцати от них уплывали, гордо подняв головы, два лебедя. Вот один вскрикнул и ударил крыльями, как бы предупреждая: «Не мешайте нам! Мы верны друг другу!» Отплыв на приличное расстояние, испуганные криками с реки, широко расправили они свои крылья, ударили по воде и, вытянув шеи, полетели вдаль, оставив после себя заблудившееся эхо трубных архангельских голосов.

Со стороны реки раздался выстрел, второй, третий.

— Беда какая-то в деревне, Варя! — вскакивая в лодку, крикнул Миша и, усадив Варю на вёсла, спешно начал выбирать невод. Когда добрались до своего берега реки, то увидели на пеньке отца со старенькой берданкой, по лицу которого бежали слёзы.

— Война, детки! Война с Германией! Горе! Опять горе!

Когда прикатили к дому, с верхотуры столба на весь посёлок из репродуктора раз за разом передавали сообщение В. М. Молотова о вероломном нападении на СССР гитлеровской Германии. В толпе то здесь, то там зависал без ответа вопрос: «А Сталин-то жив?»

Люди в одиночку и группами, озираясь по сторонам, расходились по домам со своими думками.

Внезапно небо закрыла тёмная туча, и пошёл ливень. Между ударами грома из репродуктора доносилось:

Вставай, страна огромная!

Вставай на смертный бой!

Следующий день начался с невообразимой суеты: на машинах и верхами наехали военные; сельсоветчики разносили повестки о мобилизации резервистам и призывникам; на военный учёт взяли трактора, автомобиль и лошадей. Машину, оба трактора и лучших лошадей забрали через два дня.

Варя теперь разносила не только письма, газеты, но и повестки. Вой и стон стоял во всей округе. Мужики уходили воевать.

Насколько можно было понять из фронтовых сводок и из сведений газет, враг наступал сплошным фронтом от Балтийского до Чёрного моря. Наша армия спешно отступала. Под угрозой полного уничтожения оказались войска Западного, Северо-Западного, Южного и Юго-Западного фронтов. Армия лишилась своей авиации и частично флота. С июня по октябрь наши войска оставили Прибалтику, Белоруссию, Украину, дав возможность фашисткой группировке «Север» окружить Ленинград, а группировке «Центр» вплотную подойти к Москве.

К концу осени шок от многомиллионных потерь на фронтах постепенно начал проходить, под руководством сотрудников НКВД совместно с ответственными работниками горкомов, райкомов приступили к формированию партизанских отрядов и закладке их баз. Один за другим увозили ночами мужчин, парней, девчат в сторону станции Сухиничи. Там формировали партизанский отряд.

Мишу, как бывшего военного и отличного слесаря-кузнеца, забрали в октябре тёмной ночью. Только и успел поцеловать сонную дочку да плачущую Варю.

По первому снегу увезли и Варю. Так как она хорошо знала местность, поселили на станции Локоть для связи между подпольщиками и отрядниками. Рёвом ревела она той тёмной ночью, прощаясь с дочкой и родителями. Ещё на одно покинутое подворье в колхозе стало больше.

Зимой 1941–1942 гг. весьма плачевная обстановка для Красной армии сложилась в районе города Смоленска. Большая группа войск попала в окружение в районе Дорогобуж — Ярцево — Ельня. Фашисты блокировали войска на реке Десне в районе Спас-Деменска. В штабе партизанского движения было принято решение оказать окружённым войскам помощь силами подпольщиков и отрядом партизан. Было приказано совершить серию взрывов на станциях Дорогобуж, Ярцево, Рославль, блокировать продвижение войск против-

ника по железной дороге и этим обеспечить войскам 49, 50 армии Брянского фронта в разрыве между Спас-Деменском и Юхново выход из окружения.

За месяц до этих событий в общем потоке отступающих войск и беженцев в сторону города Смоленска пробирался хромоногий мужик с увесистым мешком слесарного инструмента. В общем хаосе передвижения людей его прибытие в город никто и не заметил. Через три дня появилась недалеко от железнодорожной станции слесарная мастерская по ремонту часов, примусов, кастрюль, обуви. Жил мастер здесь же в пристройке. Когда после длительного боя город заняли немцы, хозяин мастерской зарегистрировался под фамилией Рысев Аркадий Гаврилович. Мастера можно было застать на рабочем месте в любое время суток. От клиентов не было отбоя. Захаживали сюда и немцы. Через какое-то время зачастили к нему полицаи: то обувку подшить, то отремонтировать часы, а иногда по дешёвке выпить крепкой самогоночки.

Никто не догадывался, что из пристройки мастерской есть подземный ход в кирпичный подвал, где была оборудована вторая мастерская по ремонту оружия, изготовлению особых мин и взрывчатки. Когда-то этот подвал был частью купеческого дома, но после пожара в 1812 году это место заровняли и построили каретный двор. О подвале знали только чекисты.

Зачастили к мастеру женщины и дети с примусами и керогазами. Можно было услышать и такой диалог:

— Золотничок нужно отремонтировать срочно.

— За срочность нужно платить.

— Чем?

— Можно салом. Совсем отощал я.

— Когда можно забрать?

— Думаю, через часок справлюсь.

В другой раз:

— Ваш примус я починил.

— Спасибо, мастер.

— Спасибо на хлеб не положишь.

— Я принесла три кусочка сала.

— Вот ваш агрегат. Я его заправил. Будьте осторожны и больше десяти минут насосом не пользуйтесь.

В переводе на понятный разговор это звучало бы так:

— Золотничок (пароль).

— Срочность (исполнение срочное).

— Сало (взрыватели).

— Я его заправил (мина в бачке).

— Не пользоваться насосом более десяти минут (взрыватель приводится в действие насосом и через десять минут произойдёт взрыв).

Однажды с Рославля прибыла довольно-таки расфуфыренная торговка с целой корзиной разного

барахла. Увидев её, мастер чуть не подавился дымящей сигаретой.

— Варечка, — невольно шепнули губы, и тут же от дыма своей сигареты начал вытирать набежавшие слёзы.

А торговка без устали тараторила:

— Мой поезд уходит через час, поэтому заказ срочный. Посмотрите у примусов золотники, заправьте их и отремонтируйте сапоги. За срочность заказа я привезла много сала и сигареты.

Через некоторое время Варя добавила:

— Как у вас тут неопратно! Накурили, хоть топор вешай! Ты учти, миленький, заказик-то мой исполни, а то пожалуюсь на тебя вон тем, — и указала на полицейских.

Из всего сказанного Михаил понял: срочно нужны мощные мины, в сапогах — листовки, в сигаретах — сообщение подпольщикам, над ним нависла беда, и нужно срочно уходить.

Торговка пришла в оговорённое время, забрала товар и в знак благодарности передала мастеру пачку сигарет со словами:

— За всё тебя благодарим! Взглянула увлажнившимися глазами на Михаила и, подхватив свою потяжелевшую корзину, поспешно ушла.

После серии удачных взрывов на железнодорожных станциях Московско-Бресткой, Рига-Орловской линий, особенно на узловой станции «Смоленская», ненадолго удалось задержать

продвижение фашистских войск, и это помогло частям 33 армии, гвардейскому кавалерийскому корпусу и частям воздушно-десантного корпуса выйти из окружения.

Дорого заплатили подпольщики и партизаны за эту военную операцию. Начались повсюду тотальные аресты. Практически просеивали через гестапо всех жителей. При малейшем подозрении в причастности к взрывам — расстрел.

По всей линии железных дорог начались провалы явок. В общей цепочке подпольщиков появился осведомлённый предатель.

В пачке сигарет, принесённой Варей для Михаила, находилось сообщение, в котором был приказ срочно закрыть точку и уходить по указанному адресу.

...Его прихватили при минировании подвала. Отстреливался до последнего патрона, а затем выдернул чеку гранаты, вмонтированную в протез. Жители прилегающих к мастерской улиц видели, как во время оглушающего взрыва метнулось из-под земли огромное пламя, выбрасывая землю с кирпичами.

Варя ничего этого не знала из-за спешного приказа выехать в Бобруйск и там осесть на явочной квартире, установить связь с подпольем и партизанским отрядом. Долгим для неё оказался этот переезд. Постоянные проверки, обыски, недоедание и страх измотали её. К месту назна-

чения прибыла только в феврале 1942 года, больная, измождённая. На явку сразу не пошла. Нашла себе недорогое жильё и устроилась билетёршей в кинотеатр. Отдыхала и отъедалась, благо деньгами и надёжными документами была обеспечена. По документам была она обрусевшей полькой — Ядвигой Хованской. В свободное от работы время изучала город и подолгу наблюдала за явочной квартирой.

За время мытарства по тылам из-за постоянной опасности у Вари обострилось чувство осторожности, появилось недоверие к людям и доселе незнакомое ей умение видеть мотивы поступков человека, его скрываемые ото всех мысли.

Вот и теперь, пристроившись в укромном месте, в какой уже раз ведёт она наблюдение за явочной квартирой. Вышел оттуда человек и, озираясь, нырнул в проём забора. Минут через десять спешно вышел юноша лет, наверное, пятнадцати и быстрым шагом направился к центру. Интуиция подсказала Варе, что надо за ним проследить. А когда тот нырнул в управление полиции, она поняла, что явка провалена и там сейчас находится предатель. Не зная, как поступить, вернулась она к своему наблюдательному пункту и стала следить за происходящим.

Юноша вернулся назад, а следом за ним в дом зашёл полицейский. Назад он не вышел. «Засада!»

— мелькнуло в голове. — «Что делать?» — растерянно подумала она и тут увидела, что в сторону дома уверенно шагает в гражданской одежде молодой мужчина с докторским саквояжем в руке. Она вопреки всем инструкциям решила на отчаянный шаг. Как только мужчина поравнялся с ней — бросилась к нему на шею с криком:

— Братишка! Родной! Как я рада нашей встрече!

Обнимая и целуя мужчину, успела шепнуть:

— Там засада! Предательство! Надо уходить!

Мужчина среагировал молниеносно: схватил её за личико и начал осыпать поцелуями, а затем обнял её за плечи и спокойно увёл до первого переулка.

— Встречаемся у кассы кинотеатра в шесть вечера сегодня, — успел он проговорить на прощанье и куда-то исчез.

Стоя за колонной, Варя видела, что мужчина в назначенное время подошёл к кассе и его цепкий взгляд окинул всё кругом. Варя вышла из своего укрытия и, приблизившись, держа руку на спусковом крючке пистолета, назвала пароль. Ответ следовал по всем правилам.

Незнакомец облегчённо улыбнулся и увёл её в темень аллеи, подальше от людского глаза. Спокойно прохаживаясь по чудом сохранившейся аллее, он сообщил Варя:

— Практически разгромлено всё подполье. Мы не могли выйти на след предателя. Я командир разведгруппы партизанского отряда «Чапаев» — Бырда Олег Николаевич. Сегодня вы мне спасли жизнь! Да и не только мне! Спасибо вам за вашу прозорливость! Оставаться здесь нельзя. Сегодня же ночью уходим в отряд. Постарайтесь в течение двух часов заготовить тёплую одежду и провизией на два-три дня. Встречаемся у коновязи базара ровно в десять вечера.

Два часа метания, два часа ожидания неминуемой смерти для Вари показались вечностью.

Не успела подойти к коновязи, как тут же подъехала бричка, и её повезли куда-то в темень ночи. Часа через два-три остановились за околицей какого-то села покормить и напоить лошадей. Совсем тихо подъехали люди ещё на двух подводах, и по чавкающим дорогам все продолжили свой путь. Варя, утомлённая всем пережитым, уснула и проснулась уже на заре, когда все остановились в густой лесной роще на берегу реки.

— Всем отдыхать и кушать! Дальше пойдём пешком! Через час в путь! — скомандовал Олег Николаевич и блаженно вытянулся на земле.

Солнце с трудом пробивалось сквозь ветки деревьев, рассекая утренний туман и будоража лесных птиц. Все выстроились в затылок друг другу

и пошли. Впереди шагал юркий мужичок, в разбитых ичигах, с большой палкой в руках, а сзади двое на верёвке вели избитого мужчину из явочного дома. Все шли тихо и осторожно, подчиняясь только жестам проводника и командам Олега Николаевича. Через сплошные болота, еле передвигая ногами, к обеду вышли к небольшому острову и устроили привал. Скрытно развели костерок и, подсушившись, зашагали дальше. К вечеру вышли к охотничьей заимке, прилегли не раздеваясь кто где и тут же уснули.

Утром вытряхнули все свои припасы на плащ-палатку Олега Николаевича, поделили всё на равные доли и съели всё до крошечки. Через час продолжили движение. Проводник остался в избушке. Впереди теперь шёл Олег Николаевич. Отчего-то все шагали менее скрытно по утопающей тропе. Отдыхали через каждые два часа пути. Только к вечеру вышли на первый пост охранения. Через полчаса были уже в самом партизанском отряде.

Олега Николаевича и пленного сразу забрал к себе в землянку командир, а остальные пошли в баню. Варя пошла вместе со всеми.

Через трое суток Варю вызвали к командиру. Высокий черноволосый мужчина, похожий на грека, усадил её напротив себя и начал издалека:

— Дорогу назад найдёшь?

— Только после избушки до роши за болотом.

— Слушай приказ! — командир замолчал, дважды затянулся папироской и медленно, с ударением на каждом слове продолжил: — Разоблачённый с твоей помощью провокатор признался, что в полицейском комиссариате Смоленска находится основной предатель под фамилией Охлопкин Николай Николаевич. Он действует от имени штаба партизанского движения округа. На его совести сотни смертей наших подпольщиков и партизан. Его нужно ликвидировать во что бы то ни стало! Вместе с тобой на задание пойдёт Олег Николаевич. Задание понятно?

— Так точно! — по-военному ответила Варя и направилась к выходу. Остановилась. Повернулась к командиру и просяще сказала: — Я оставляю вам адрес моей дочери. Если я погибну, то вы уж побеспокойтесь о ней, — рыдая, закончила она.

— Что ты, что ты, доченька! — обняв Варю, по-отцовски проговорил он. Поцеловал на прощанье в щёку и подтолкнул вперёд.

В Смоленск прибыли только на пятый день путешествия. Остановились в хижине рыбака на берегу реки. Он то и поведал о гибели Миши и передислокации полицейского комиссариата в Минск из-за массированных наступлений Красной армии от Москвы и Сталинграда.

С трудом через месяц после разных дорожных приключений добрались до Минска. Два дня

хоронились в развалинах большого здания, а затем перебрались на чудом уцелевшую явочную квартиру. Хозяин сообщил, что минское подполье разгромлено полностью. Работает опытный предатель. У него на этот счёт нет никаких зацепок.

Два дня кружили разведчики около управы, выискивая пути подхода. Однажды им повезло. По фотографии узнали они в одном из выходящих из управы Охлопкина. Когда подпольщику указали на него, он тут же заявил, что это господин переводчик и живёт он совсем рядом, у своей любовницы.

Ближе к вечеру устроили в доме засаду. Любовницу связали и, заткнув рот, засунули в большой комод. Варя переделалась в её одежду и стала ждать в прихожей, пригасив свет. Около восьми вечера за дверью раздались одинокие шаги и дзинкнул звонок. Варя очень спокойно открыла дверь и впустила любовника.

Всё остальное доделали мужчины.

Долго Олег Николаевич и подпольщик допрашивали в ванной комнате Охлопкина, пока не добились подробного признания в предательских связях.

Варя не слышала, когда обоим привели в исполнение смертельный приговор. Очнулась от тряски и холодной воды в лицо.

От всего пережитого, от смертей и горя людского начался у неё нервный срыв. Она то смеялась, то плакала, билась в судороге и надолго

затихала в забытьи. Очнулась только на явочной квартире с головной болью и распухшим кровотоющим языком. Остальное Варя помнила смутно.

Её долго куда-то несли, затем плыли на лодке, после чего несколько суток везли на телеге.

Очнулась от стога рядом лежащего и унылого завывания двигателя самолёта.

— Пить, — чуть слышно проговорила она, и тут же над ней наклонился человек в белом халате.

— Жива! Ну и слава Богу! Будем жить, героиня ты наша! — торжественно заявил мужчина в белом халате, прислонив к её губам фляжку с водой. — Скоро Москва, там и подлечим!

Глава третья

Майским днём 1944 года сошла с поезда на своей станции Варя с лёгким чемоданчиком и направилась в полусгоревшее вокзальное помещение. Следы войны были повсюду: остовы сгоревших вагонов, скрюченные от огня рельсы, остатки домов, уцелевшие после пожара, и множество незасыпанных воронок, оставшихся от авиабомб. В уцелевшем зальчике вокзала стоял тот же бочок с холодной водой и с кружкой на цепочке. Везде, где только можно было приткнуться, сидели, лежали, спали уставшие, грязные люди, жадно взирающие на окно кассы. Война опять сортировала людей.

Глотнула Варя водицы и бегом по хоженной тропе — в село, к доченьке, к свёкру и милой свекровке — маме.

Ещё издали, с горки, увидела выгоревшие места домов, незаросшие окопы и траншеи около дороги, а у реки — обгоревшие немецкие танки. Подбежала к своему дому, пытаясь рукой утихомирить сердце, а дома-то и нет. Ничего, кроме буйных зарослей крапивы. Поникла своей седой головой Варя и заспешила к дому Мишиных родителей. Из-за переуллка-то и не увидела она, что дом и все надворные постройки сгорели до самой

земли. «Похоже жгли специально», — мелькнула мысль и тут же другая: «Где же искать теперь?»

Так бы и стояла она ещё долго в оцепенении от увиденного, да только спешило к ней из соседнего переулка её счастье. Навстречу торопилась свекровь, ведя за руку подросшую доченьку. Кинулась птицей Варя навстречу, упала на колени, судорожно обнимая обоих, и заревела на всю улицу. На плачь заспешили люди и, успокоив неузнаваемую Варю, повели домой. А она не слыша слов провожавших, подхватила на руки дочь и целовала, целовала, целовала.

Не успела Варя умыться и заплести дочке в косички купленные в Москве цветные ленточки, как начали приходить сельчане, неся всё, что у них было: солёные огурцы, картошку, грибы, даже самогон.

До прихода гостей свекровь успела рассказать:

— Немцы появились для нас неожиданно. Наши старики разрушили мост, и фашисты из танков с того берега стали обстреливать позиции наших войск. Вначале по селу не стреляли, но прилетели самолёты и начали бомбить всё подряд. Фашистам нужна была железнодорожная станция. Нашим она тоже была нужна. Вот и бились за неё целую неделю. Горело всё кругом: дома, лес, подбитая техника. Наши войска отошли от станции, и следом хлынули фашисты. Собирали они свои силы на Москву. Основные части расположились на

станции, а здесь обосновались тыловики со своими обозами, лазаретом, ремонтниками. Вроде как особо и не безобразничали, но да женщин очень охочи были. Трех наших бабёнок изнасиловали. Так их мальчишки подожгли им машину с горючим. Стояла она у нас во дворе. Шофёр и охранник спали в горнице и огня не увидели. Я тоже заметила поздновато. Завернула быстро в одеяло внучку и выпрыгнула через окно кухни на улицу. И десяти метров не отбежала, как раздался взрыв, и пламя факелом охватило весь дом с конька до земли. Сгорел до тла дом, сгорели немцы, и с ними сгорел мой муж. Приютили нас добрые люди, а когда немцев от Москвы турнули, отдали нам дом старосты. Его и сына, полиция, расстреляли.

Свекровь устало подошла к внучке, поцеловала в щёчку, обняла Варю и горько заплакала.

Видели пришедшие гости, что сидит за столом с дочкой на руках не прежняя быстроногая словоохотливая Варя, а седая мужественная женщина с печалью в глазах.

Выпили по глотку самогоночки, закусили и попросили Варю рассказать о себе.

— Особо-то и рассказывать нечего, — грустно начала она. — Определили меня связной между подпольщиками и партизанскими отрядами. Каждый день под страхом смерти колесила я по тылам немцев, развозя взрывчатку и секретные сообщения. В одной связке со мной работал и

Миша. Нет моего Мишеньки. Погиб. Погиб героически, как настоящий мужчина: подорвал себя и фашистов.

Долго после этого молча сидели за столом. Слышен был только голос Машеньки:

— Мама. Папа. Мама.

Тишину внезапно нарушила старенькая Варина учительница:

— Варя, я тебя учила с малых лет, и выросла ты на моих глазах. Сейчас у нас у всех горе. Идёт война проклятая. Кругом разруха. Но мы не можем перед этой бедой стать на колени. Надо оставшимся в живых объединиться и вновь возрождать жизнь. Колхозникам нужен надёжный поводырь. Вот и уполномочили меня наши селяне просить тебя дать согласие на председательство колхозом. Варя! Ты сейчас ничего не говори, а приходи завтра вечером на берег реки. Там всем селом и решать будем, а сейчас извини нас, Варенька, но пора и честь знать.

Долго в этот вечер сидела Варя со своими думами за столом с уснувшей дочкой на руках, прокручивая мысленно всю свою жизнь, где было всё: горе, радость, боль, надежда.

...В один час в этот вечер бурлил народ на берегу реки. Выступающие рассказывали о своих бедах, о потере кормильцев, о развале колхоза. Все в один голос заявили, что надо своими женскими силами восстановить колхоз под руководством Вари. В конце концов она дала согласие, и за неё

все проголосовали. Избрали правление и при всех провели его первое заседание. Главное, с чего решили начать, — это досконально проверить и учесть всё бывшее колхозное имущество и даже то, что припрятали по домам. Под контору колхоза Варя определила часть дома свекрови с отдельным входом.

Следующий день Варя начала с обхода жителей села. С каждым переговорила, каждого выслушала, каждого попросила выйти на совместную работу.

В обед на своём тарантасе приехал секретарь райкома. Молча выслушал Варю, пристально рассматривая её, а под конец разговора одобрил решение колхозников, поздравил Варю с избранием председателем и пообещал помочь семенами для посева озимых культур.

Варя, умеющая рисковать собственной жизнью, видевшая смерть и разруху, представить не могла, насколько трудно на голом месте из ничего силами одних женщин и детей сделать что-то.

Пока собирали оставшийся инвентарь да хромоногих лошадей десять самых сильных женщин сформировали рыболовецкую бригаду. Соорудили на берегу озера причал, сколотили навес, инвентарную, и дело пошло. Рыбу продавали на станции, рыбу солили впрок, рыбу выдавали на трудодни по едокам, за рыбу покупали инвентарь.

Однажды невод зацепился донником за что-то большое и железное. Долго пытались отцепить, но безрезультатно. Срочно послали в село за отчаянной ныряльщицей — Тиной. Вообще-то её звали Ульяной. Но так как она могла измерять любую глубину и подтвердить это донным илом (тиной), её так и прозвали. Два раза не доставала дна, а на третий раз, с шумом хватая ртом воздух, прохрипела:

— Там трактор! Целенький, с зацепленным тросом. Невод я освободила!

Пока Тина отогревалась горячим настоем из трав, рыбачки вынули невод с хорошим уловом и отправили вестовую за Варей.

Варя прибыла не одна, а с глухим старым дедом Никифором. Был он первым трактористом ещё в начале коллективизации. Тина до мельчайшей подробности всё рассказала председательнице, а та с трудом всё это толковвала старику. Когда же он всё понял, то на глазах у всех преобразился: молодцевато сдвинул на затылок засаленный свой треух, без всякой помощи взобрался на пригорок и присел на огромный берёзовый пенёк. Зачастил, как из пулемёта:

— Сюда нужно вбить железный штырь. На него одеть колесо от сеялки и закрепить трос. Второй конец зацепить за трос трактора и оглоблями колесо крутить. По воде трактор пойдёт

легко. Когда из воды появится, подтащите ближе к берегу и остановитесь. Сварганьте настил и только потом тащите на берег. Когда вытащите, дайте мне двух помощниц, бутылку самогона для азарта, и я его, родненького, вам представлю в лучшем виде.

Всё получилось довольно-таки легко. Целую неделю старый тракторист гонял своих помощниц то за ветошью, то за керосином, то за песком, заставлял драить какую-то чугуняку. Когда же трактор запыхтел и дед Никифор проехался по селу в сопровождении малых и взрослых, коммунист Варвара Семина, вытирая слёзы радости, впервые перекрестилась.

Дед Никифор оказался ещё и хорошим педагогом. Через неделю бабёнки-трактористки и плугари свободно уже пахали землю. Дед с поля не уходил. Приладил под берёзой на взлобке навесик и лежаночку и, как сыч, наблюдал оттуда за работой трактористок, заставлял их вовремя проводить перетяжку.

Когда в очередной раз на пахоте появилась Варя, дед отозвал её под свой навес и начал выговаривать:

— Ты, Варюха, должна научиться понимать землю. Под озимый сев при такой пахоте можешь запоздать. Пахать нужно и ночью. Закрепи по бокам трактора оглобли, зацепи фонари и пашите. Один фонарь пристроите над плугом, чтобы плугарь видел пахоту да и лемеха вовремя очищал. В этом

году не нужно глубоко пахать. Землю всю войну не трогали. Отдохнула она. Силы накопила. Вот и паши мельче. Пахота пойдёт быстрее. Лошадками подсоби пахарям.

...Отсеялись вовремя в подготовленную почву. На деньги от торговли рыбой наняли шабашников, и те успели отстроить свинарник. После Нового года там уже блаженствовали хрюшки. Дела потихоньку налаживались, да и война шла уже к концу. Это чувствовалось во всём, даже в радостном смехе колхозниц.

А Варя, не доедая, не досыпая, изо дня в день крутилась на колхозной работе, почти не видя своей доченьки. Острота печали по мужу постепенно отступала, и её ещё молодое тело порой просило сильных мужских объятий. Она от таких снов даже ночью просыпалась. Однажды Варе удалось пораньше вечером прибежать домой, чтобы поиграть с дочкой. Машенька, набегавшись за день, крепко спала. Сели за стол поужинать со свекровкой, а та и выдала:

— Вот ты, Варя, целыми днями вкалываешь по колхозным делам, ты забыла, что ты женщина и колхозники в основном женщины. Вот закончится война, и придут домой к жёнам и невестам солдаты. Забрюхатят многие бабы разом, детей много нарожают. А куда их определить? Можешь одна оказаться в колхозе только с мужиками, без женщин!

— Мама, а что же мне делать?

— Начинай строить детские ясли и детсад.

— Мама, как?

— Решать тебе, но я подскажу. Ты дом бабки Хатулихи помнишь?

— Помню хорошо.

— Внука своего она не дождалась и умерла. Прибыл он в конце сорок второго, а в скором времени от чахотки умер. Дом ещё крепкий, тёплый. Давай мы туда переберёмся, а в нашем доме оборудуй ясли и сад. Вот и решишь эту проблему. У тебя, Варя, времени для этого ой как мало осталось!

Варя оторопела, впервые увидела такой свою свекровь. Обняла её целуя, приговаривая: «Мамулечка! Мамулечка! Какая же ты умница».

К весне своими силами отремонтировали завалившийся коровник и под кредит банка через заготконтору закупили сто племенных нетелей. Колхозное колесо производства начало раскручиваться с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Тёплым майским днём прибежала, запыхавшись, со станции девчужка-школьница и как закричит на всю улицу:

— Победа! Победа! Люди! Победа!

Мелькнула косичками и отправилась бегом к работающим в поле. Вторило эхо лесное да гладь водная этот крик:

— Победа...а...а...а...а!

Побросали все работу — и в село. А там уже собрались на митинг весёлые, плачущие, смеющиеся. Счастье, долгожданное счастье пришло!

Два дня радовались. Два дня бегали на станцию за новостями. Два дня то там, то тут спрашивали у Вари:

— Когда отпустят домой мужчин? И она, улыбаясь, отвечала:

— Скоро, мои хорошие! Скоро!

А сама отвернётся, вытрет слёзы и опять к людям: так легче глушить свою печаль.

В июле–августе начали прибывать мужики. Кто-то, искалеченный войной, прямо из госпиталя, а кто-то и целёхонький. Целёхонькие в основном были из третьего эшелона: писари, вестовые, ездовые, снабженцы. Барахла приволокли с собой уйму. Выпятит такой грудь с единственной третъесортной медалюшкой, прихватит с собой бутылку водки и какой-нибудь подарок да шасть вечерком к вдовушке разделить одиночество. А та и рада этому!

Чем больше приходило в село мужиков, тем откровенней стали их похождения по бабам. Но и этим они не ограничивались. Начали изо дня в день пить и выговаривать председателю, что то и это она делает неправильно, очень глупо...

Терпела, терпела всё это Варя, заливаясь слезами, да и лопнуло у неё терпение. Собрала однажды всех воинов-крикунов да как выдала им речь за пределами русского языка, что те рот открыли да закрыть позабыли.

— Вы что думаете, если перед вами председатель — баба, то можете её пугать? Хрен вам! Пока вы в тылу отсиживались, я ежедневно со смертью в обнимку по тылам фашистским шастала, чтобы настоящих воинов гибло меньше! Завтра же чтобы все были на работе трезвыми. И прекратите свои жеребьячи похождения! Детей от вас будут рожать не по любви. Не прекратите — уговорю баб отрезать вам яйца!

Так в общих заботах и хлопотах проводила председательша в сорок седьмом году доченьку Машу в первый класс, и, наверное, впервые взглянула она на себя со стороны. Вот ведь вроде лицом недурна, фигурку сохранила, мозги работают, люди верят и подчиняются её решениям, но счастье-судьбинушки как не было, так и нет! Где оно Счастье? Будет ли? Когда Судьба соизволит одарить её этим?

После смерти Сталина, в конце 1959 года, заявился к ней домой полковник НКВД. Не сразу Варя признала в нём бывшего разведчика партизанского отряда Бырду Олега Николаевича. Как же она обрадовалась, кинулась ему на шею,

целовала, плакала и опять обнимала. Успокоившись, присели за стол и разговорились.

— Отряд наш, Варя, уничтожили полностью. Успел предатель перед смертью сообщить месторасположение. Нас в живых осталось двое: я и проводник. Переправил я тебя в Москву и вернулся в лагерь. Похоронили мы останки в общей могиле, да и пошёл я навстречу наступающим войскам. Победу встретил в Берлине. После победы искал тебя долго. Ни в одной картотеке ты как Сёмина не значилась. Узнал я твою настоящую фамилию только из указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении тебе звания Героя Советского Союза посмертно. В каких уж там бумагах тебя похоронили, я не знаю, но окольными путями я тебя разыскал.

Олег Николаевич, особо суетясь, добыл из своего саквояжа бутылочку коньяка, шоколад и два лимона. Никого не спрашивая, быстро нарезал лимон, наломал шоколад и, разлив на троих немного коньяка, продолжил:

— Я ведь, Варя, до войны был директором школы. Преподавал математику. На войну ушёл добровольцем. Вся моя семья и родители погибли. Единственный родной и любимый мне человек — это ты, Варя. Примешь мужем — буду рад, примешь другом — огорчусь, но не обижусь. Прибыл я сюда поближе к тебе директором вашей школы. Решай, Варя!

Свекровь тихонечко вышла из спальни, нежно обняла Варю и дрожащим голосом проговорила:

— Соглашайся, доченька, соглашайся. Пусть Олег заменит мне Мишеньку, а тебе будет любящим мужем и отцом Машеньке. Проговорила всё это на одном дыхании и так же тихо, всхлипывая, опять ушла в спальню.

Рано утром из дома Вари вышли обнимаясь и целуясь двое: он и она.

Свадьбу сыграли скромно, в кругу самых близких друзей, чем обидели сельчан. Пришлось всё повторить публично.

Через три месяца пригласили Варю в Москву для вручения ей с запозданием Звезды Героя. Во время получения награды почувствовала Варя головокружение и тошноту. Вначале она это объяснила усталостью и волнением, но, когда за праздничным столом её особенно захотелось солёной рыбы, поняла — беременна.

...Сынок на удивление всем врачам родился пузатеньким, крикливым и грудь матери принял сразу.

...Вроде бы и выполнила Варя свой долг перед жизнью и Судьбой: познала радость первой любви, до захлёба познала собственное и людское горе, ребятишек родила от любимых мужчин, помогла колхоз восстановить, а её крестьяне от председательской должности не освобождают. Вот и вчера, вопреки рекомендации райкома партии,

единогласно на отчётно-выборном собрании опять избрали председателем колхоза.

Видно, крепки крестьянские корни на земле!

*Два величайших тирана на земле:
случай и время.*

Иоганн Гердер

Статуя

Высоко поставленный, Чин давно уже с уровня своего величия созерцал на всё и всех. Был он крепок, ладно сработан, и не могли его пошатнуть ни бури, ни грозы. Сильные ветры, дожди и морозы отшлифовали его лицо, и оно теперь светилось при первых лучах солнца, заставляя прохожих останавливаться.

Соратники, знающие историю его восхождения, давно уже вымерли. Многих он сам проводил в последний путь. А те, которые остались, отворачивались от него и проходили мимо.

За ним ухаживали: мыли, чистили, красили. Его охраняли и оберегали. Чиновники бывшего его ведомства даже составили правила посещения. Бронзовый лик его было решено покрыть золотом. На этой большой городской площади был он единственной Величиной.

Он был нужен Власти и её Народу.

Приходили к нему школьники, выстраивались в шеренгу, и каждому повязывали красный галстук. И звучала на всю площадь Клятва: «Я. Гражданин... перед лицом своих товарищей... и если я нарушу... то пусть меня...» Прекрасное это было время.

Приходили старушки, крестились и кланялись. Много раз приходили к нему солдаты, позвякивая наградами и, вытирая слёзы, стояли молча. Окинут его взглядом и так же молча уйдут.

Иногда прибежали к нему молодожёны, радостные, счастливые, спешно целовались и убегали создавать свою жизнь.

Строем проходили мимо него перед отправкой в Казахстан комсомольцы-целинники.

Под музыку оркестра парадным шагом проходили воины, приветствуя его.

Так продолжалось долго, очень долго.

Но однажды что-то резко изменилось, и остался он один: без цветов, без поклонов, без клятв. Сумерки окружили его, и только крик ворон, да стаи голубей «отмечали» своё присутствие.

Эх! А бывало раньше — одним росчерком пера, одним взглядом мог решить судьбу человека. Да что человека! Он не один раз решал судьбы других государств. Его верные исполнители были повсюду. Его слово — Закон.

Долго стоял он, забытый, грязный, неухоженный. Подошли как-то седовласые старики, погрозили кулаками и плюнули в него. А потом началось... идут колонны за колоннами, несут знамёна разные: красные, зелёные, белые и жёлтые, с крестами и со звёздами, сине-красные. Все кричат, машут плакатами. Ораторы через усилители то восхваляют его, то проклинаяют, а один даже назвал его вешателем. Долго бурлила площадь. Бурлила до тех пор, пока не прибыла милиция и не вытеснила всех с площади.

Два месяца одна толпа меняла другую. Чередой проплывали разные флаги и лозунги, пока не начали хватать друг друга за грудки. Ох, и горяч наш народ: чуть что, сразу друг другу стараются дать по морде. И давали. Милиция пробовала унять, да куда там: попало и милиции. А когда наступил беспредел, выскочили из укрытия омовцы, и началась настоящая рубка. Били, топтали, крутили руки всем подряд, наиболее рьяные крикуны остались лежать на мостовой. Долго гнали с площади смутьянов.

Помнил он, что вот также было и в пору его молодости. Также митинговали. Размахивали красными флагами, несли плакаты с призывами свержения царя и правительства. Прибегали городовые, полицейские утихомиривать их. Да куда там! Разогнали полицию! Не успели почувствовать радость победителей, как налетели со всех сторон казачки с саблями наголо и мигом навели порядок. Самые геройские остались лежать на тротуарах, обнимая знамёна.

Но он не только помнил всё это, он ещё и знал, что будет дальше. И не ошибся. Вот уже и баррикады начали строить, используя ограды, тумбы и скамейки. Разобрали бульжную мостовую — основное оружие пролетариата. Только вот самого пролетариата не видно было. А может, где-то и был. Всю ночь горели костры и играла музыка,

демонстрируя перед напуганными обывателями своё участие в общенародном деле.

Рвали коммунисты свои партийные билеты и бросали в огонь, жгли архивы и офисную мебель. Люди разогревались. Но Чины свыше отдавать свою власть не собирались, и начался самый настоящий бой. Стреляли со всех сторон. Уже и убитые были, но стрельба не прекращалась. Две пули рикошетом даже ударили его по низу шинели. А если бы выше? Не выдержал такого неуважения Чин, крикнул и задрожал. Разумеется, не сам, а от грохота танков, прибывших на усмирение бунтарей. Наиболее ретивые повстанцы бросались грудью на эти железные машины и погибали. Многие остались лежать на мостовой города.

— Где же авангард рабочего класса — коммунисты? — мог бы спросить он. Но ответа всё равно не дождался бы. Народноизбранный Президент «изолированно отдыхал» в это время на курорте, а говорунов-парламентариев запросто загнали в их апартаменты. Теперь они с оружием в руках защищали не права Народа, а свою Жизнь.

Другой же партийный функционер, окрепший в сибирских условиях, вёл таких же озлобленных партийных перевёртышей к новой, свободной, демократической жизни. Вёл упорно, зачастую обманывая, но всё время вперёд и только вперёд. За ним шли, ему верили, его защищала митинговая рать.

Чин не мог не знать, что в скором времени столкнутся две силы и победит та, которая будет более напористой и массовой. И это произошло подло, по-варварски. Окружили танками Государственный парламент да и ударили по этажам боевыми снарядами. Враз народные избранники выкинули белые флаги.

А народ ликовал, выбирая себе нового Вождя.

И как ни величественен был облик Чина, оказать влияние на бывших сподвижников уже не мог. Да и сподвижников он после себя не оставил: кто-то умер в лагерях, кто-то просто расстрелян. А те, кто остался, оказались хлюпиками. А когда в одночасье местные царьки разобрали большую страну по национальным гнёздышкам, понял ОН — это его конец. Конец Его величию, Его эпохе. Ошибки не было.

Подогнали ночью большой автокран, накиннули на шею петлю, как, бывало, он повелевал набрасывать на других, и рванули. Первый раз устоял, как устоял в двадцатые годы при партийных разборках. Рванули второй раз. Заскрипел, закачался, наклонился, отрывая сапоги, и пал. Пал, как всякий Чин, поднятый в угоду кому-то на недостижимую высоту.

Рушилось Государство — валились Чины!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	4
ТЭМУДЖИН И ЧИНГИСХАН	7
ЛЮБОВЬ НА КРОВИ	37
НАПОЛЕОН БОНАПАРТ. ПУТЬ К СЛАВЕ И ПОРАЖЕНИЮ	71
БОЖИЙ СУД.....	155
НАПЕРЕКОР ВСЕМУ	181
ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЁТ	221
ПИСЬМОНОСКА.....	261
СТАТУЯ	305

Литературно-художественное издание

Вольдемар Александрович ГОРХ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Повести и рассказы

В авторской редакции

Компьютерная верстка
Елена Владимировна Радченко
Александр Фёдорович Цаан

Знак информационной продукции 18+

Подписано в печать 14.12.2016.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.печ.л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 333.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии

ООО «Фирма ПОЛИГРАФ»

650000, г. Кемерово, ул. 50 лет Октября, 11, офис 614

тел.: 8 (384-2) 34-95-65; e-mail: 349565@mail.ru